

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

<i>Болдырева О.М.</i> Проект франко-британского институционального объединения в годы Второй мировой войны.....	4
<i>Вишнякова Н.В.</i> Похищение государственных наград Российской Федерации, РСФСР и СССР: проблемы квалификации и законодательной регламентации	8
<i>Владимирова Г.Е.</i> Эволюция законодательного оформления организации государственной власти в России в свод основных государственных законов Российской империи (XIX – начало XX вв.)	11
<i>Егорова У.П.</i> К вопросу об учреждении национально-культурных автономий в Республике Саха (Якутия).....	14
<i>Невьянцева В.А.</i> Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении: вопросы актуальности создания системы и обеспечения защиты персональных данных	17
<i>Нетреба Е.И.</i> Содержание трудового контракта с профессиональным спортсменом	21
<i>Огай Сан Ди Э.</i> Правовое положение суррогатного материнства в РФ	25
<i>Павлов И.С.</i> Сравнительно-правовой анализ регулирования отношений с участием интеллектуальных систем в отдельных правовых семьях	28
<i>Салмина С.Ю.</i> Финансово-экономическое обеспечение органов внутренних дел в начале 1920-х годов: историко-юридический аспект	32

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Еничева Н.В.</i> Динамика дееспособности юридического лица при несостоятельности (банкротстве).....	36
<i>Гришмановский Д.Ю., Ключихин В.А., Цвилий-Букланова А.А.</i> Вопросы реализации процедуры банкротства в отношении физических лиц в Российской Федерации	41
<i>Порайко В.В.</i> Цифровая валюта – предмет преступлений в сфере предпринимательской деятельности	46
<i>Ярыгин Н.О.</i> Как стоит различать географические указания и наименования места происхождения товара.....	50

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ТВОРЧЕСТВА

<i>Масленников Э.А.</i> Проблема запрета осуществления коллекторской деятельности в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг.....	54
<i>Дарда А.В.</i> Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия	60
<i>Жигалова И.В.</i> Направления совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере народных художественных промыслов в России.....	65
<i>Коновеевская И.М.</i> Развитие концепции цифровых прав в российском гражданском законодательстве	70

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018

ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтай Шалиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз.

Подписано в печать: 06.11.2020

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Иванов А.М., Кирсанова О.Г., Федоскин Н.Н. Юридические аспекты регулирования экологической безопасности строительства автомобильных дорог 75

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Евдокимова В.А. Оценка результатов экспертных исследований цифровых видеоизображений при расследовании дорожно-транспортных происшествий 78

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Королёв Ю.А. Понятие социальной группы и уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности 83

Балашов С.М. Оценка состояния уголовно-правовой беззащитности в судебной практике 87

Стражевич Ю.Н., Никонова Н.П. К вопросу об отстранении лиц от наследования 93

Орлов А.Д. К вопросу о процессуальном порядке рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с контрактной системой 99

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ахкамова Л.Н. Европейский суд по правам человека как защита прав мигрантов 103

Балабиев К.Р. Содержание, формы и виды административного иска в законодательстве Республики Казахстан 109

Данилова Е.В. Взгляды О.У. Холмса на конституцию США 115

Котляров И.И. Правовые механизмы противодействия финансированию терроризма в Европейском союзе 119

Кузнецов Л.Д. Актуальность изучения налоговых систем России и зарубежных стран 125

Пинчук А.П., Тимофеев Е.И., Решетников Г.Е., Стародубцева М.А. Правовая система Монголии: сравнительно-правовой аспект 129

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Boldyreva O.M.</i> Project of the Franco-British institutional Association during the Second World War	4
<i>Vishnyakova N.V.</i> Theft of state awards of the Russian Federation, the RSFSR and the USSR: problems of qualification and legislative regulation	8
<i>Vladimirova G.E.</i> The evolution of legislation for public authorities in Russia the code of the fundamental state laws of the Russian Empire (XIX – early XX centuries)	11
<i>Egorova U.P.</i> On the issue of the establishment of national-cultural autonomies in Sakha (Yakutia)	14
<i>Nevyantseva V.A.</i> Unified federal information register containing information about the population: issues of relevance of creating a system and ensuring the protection of personal data.....	17
<i>Netreba E.I.</i> Content of the employment contract with a professional athlete.....	21
<i>Ogay San Di E.</i> Legal status of surrogacy in the Russian Federation	25
<i>Pavlov I.S.</i> Comparative legal analysis of regulation of relations involving intellectual systems in individual legal families	28
<i>Salmina S. Yu.</i> Financial and economic support of the internal affairs bodies in the early 1920s: historical and legal aspects.....	32

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

<i>Enicheva N.V.</i> Dynamics of legal capacity in case of insolvency (bankruptcy)	36
<i>Grishmanovskii D. Yu., Klochikhin V.A., Tsviliy-Buklanova A.A.</i> Implementation of bankruptcy proceedings against individuals in the Russian Federation.....	41
<i>Porayko V.V.</i> Digital currency is the subject of business crim.....	46
<i>Yarygin N.O.</i> How to distinguish geographical indications and appellation of origin	50

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Maslennikov E.A.</i> The problem of debt collection activities prohibition in the communal services provision	54
--	----

<i>Darda A.V.</i> Impact of modern information technologies on the administration of justice	60
<i>Zhigalova I.V.</i> Areas of improvement legal regulation of business activities in the field of folk-art crafts in Russia.....	65
<i>Konobeevskaya I.M.</i> Development of the concept of digital rights in Russian civil law	70
<i>Ivanov A.M., Kirsanova O.G., Fedoskin N.N.</i> Legal aspects of regulating the environmental safety of road construction.....	75

NEWS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

<i>Evdokimova V.A.</i> Actual problems of evaluating the results of expert research on digital video images in the investigation of road accidents	78
--	----

JUDICIAL AND LEGAL ENFORCEMENT

<i>Korolev Yu.A.</i> The concept of a social group and criminal responsibility for extremist crimes	83
<i>Balashov S.M.</i> Assessment of the state of criminal law vulnerability in judicial practice.....	87
<i>Strazhevich Yu.N., Nikonova N.P.</i> To the question of removal of persons from inheritance.....	93
<i>Orlov A.D.</i> To the question about the procedural order of consideration by arbitral courts of cases related to the contract system	99

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Akhkamova L.N.</i> European court of human rights as protection of the rights of migrants	103
<i>Balabiyev K.R.</i> Content, forms and types of an administrative claim in the legislation of the Republic of Kazakhstan	109
<i>Danilova E.V.</i> U.S. Supreme court justice O.W. Holmes' views on the constitution.....	115
<i>Kotlyarov I.I.</i> Legal mechanisms for countering terrorism financing in European Union.....	119
<i>Kuznetsov L.D.</i> Relevance of studying the tax systems of Russia and foreign countries.....	125
<i>Pinchuk A.P., Timofeev E.I., Reshetnikov G.E., Starodubtseva M.A.</i> Legal system of Mongolia: comparative legal aspect.....	129

Проект франко-британского институционального объединения в годы Второй мировой войны

Болдырева Ольга Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции
Елецкого филиала АНО ВО «Российский новый университет»
E-mail: helgaboss@rambler.ru

В статье осуществлен историко-правовой анализ проекта франко-британского союза в годы Второй мировой войны. 16 июня 1940 года, в условиях активизации военных действий, французскими и британскими политическими и общественными деятелями Ж. Монне, Р. Плевеном, Д. Мортон и Р. Вэнсигартом был разработан проект Декларации правительства Англии о создании единого франко-британского союза. Проект предусматривал полное слияние двух государств в единый Франко-Британский союз. Планировалось создание единой армии, единого парламента, правительства, совместных органов обороны, внешней, финансовой и экономической политики, двойного гражданства для французских и британских подданных. Реализация Декларации позволила бы избежать капитуляции Франции в войне и перехода французских колоний и военно-морского флота под власть фашистской Германии. Однако проект не был одобрен французским правительством и институциональное объединение не состоялось.

Ключевые слова: декларация, институциональное объединение, Франция, Англия, Конституция, У. Черчилль, Ж. Монне.

На протяжении многих веков Франция и Англия были соперниками. С XI по XIX век между двумя странами произошло не менее 38 войн и военных конфликтов. Даже в мирные периоды англо-французские отношения редко были дружественными. И тем не менее, за последние 700 лет было предпринято несколько попыток объединить эти страны.

Одной из очередных попыток, так и не получившей нормативно-правового закрепления и оставшейся в истории на уровне дерзкого, но утилитаристского проекта, стал проект франко-британского союза в годы Второй мировой войны.

В 1938 г. ситуация в Германии стала критической, а агрессивная настроенность Гитлера ни у кого больше не вызывала сомнений. В 1933 году рейхсканцлер обозначил главнокомандующим вооруженных сил Германии ключевые принципы своей политики. Этой политикой охватывались такие направления, как обретение политического могущества, борьба за пересмотр Версальского договора и захват нового пространства для жизни [1, с. 261]. Таким образом, к 1938 году у правительств Англии и Франции не осталось никаких сомнений в том, как будут развиваться события в будущем.

Для комплексного понимания сложившейся ситуации целесообразно проанализировать размышления Жана Монне, главы «Французской авиационной комиссии» в США. В 1939 г. он вел переговоры о возможностях начала поставок американцами авиационных материалов (моторов и самолетов) для Франции. Работая над поиском решения проблем военного снабжения, Ж. Монне высказал предложение о создании межсоюзнической организации, которая занималась бы реализацией совместной программы по импорту. В качестве эталона предлагалось принимать Межсоюзнический комитет, созданный для координации экономических действий союзников в 1918 г.

Ж. Монне в своей записке, адресованной Э. Даладьё, писал, что урок последней войны должен убедить правителей Англии и Франции в том, что необходимо принять те же решения и создать такие же организации. Причем, сделать это необходимо немедленно (записка датируется 03.09.1939 г.). «Чтобы реализовать эту программу, – продолжал он, – необходимо:

1. Чтобы соглашение между двумя правительствами было заключено в соответствии с принципами соглашения от 3 ноября 1916 года.

2. Должно быть создано французское Управление импортом.

3. Должны быть созданы «франко-английские советы» и наиболее необходимые исполнительные комитеты.

а) Совет и исполнительный комитет по самолетам

б) Совет и исполнительный комитет по транспорту

в) Совет и исполнительный комитет по финансам

г) Разработка остальных механизмов будет постепенной» [2, p.205].

В Соглашении от 18.10.1939 г., заключенном между Чемберленом и Даладье, был описан механизм действия пяти постоянно действующих исполнительных комитетов: по морскому транспорту, по самолетам, по нефти, по сырью и вооружению, по снабжению. Этим комитетам отводилась большая роль. Их задача заключалась в учете имеющихся ресурсов и актуальных потребностей; в разработке общесоюзных программ импорта, которые реализовались бы общим органом по закупкам; в обеспечении в интересах обеих государств наилучшего использования средств производства и сырья; в обеспечении справедливого распределения потенциальных ограничений между двумя государствами (если программы необходимо будет сократить) [3, с. 151].

Все комитеты должны были бы подчиняться общесоюзному франко-британскому Координационному комитету из 8 членов. Члены Комитета должны были избираться из сотрудников исполнительных комитетов. На уровне министерств система возглавлялась Франко-Английским Советом и его экономической секцией. Если бы все условия были соблюдены, то Координационный комитет получил бы реальную власть. Его резиденцией был выбран Лондон, а председателем назначен представитель Франции. С согласия правительств обеих стран на должность председателя Координационного комитета был назначен Ж. Монне [3, с. 151]. Являясь союзным функционером, он обязан был действовать в интересах союза.

Председатель Координационного комитета порекомендовал главам Англии и Франции реализовать комплекс мер, направленных на укрепление военного (особенно авиационного) потенциала [4, с. 27]. В обязанности Комитета входило не только решение проблем с самолетами. Комитет также решал проблемы морских перевозок и снабжения вооружением всех форм.

Проблема с поставками в Европу американского оружия была серьезно упрощена в 1939 году, когда в Соединенных Штатах было принято решение от 4 ноября об отмене Neutrality Act. Одновременно с этим был введен принцип «плати и вези». Иностранные государства обрели возможность приобретать в США военные материалы и вооружение за наличные средства [5, с. 99].

Однако для исправления сложившейся ситуации катастрофически не хватало времени.

В 1940 году ситуация начала обостряться. Армия Гитлера захватила всю территорию Европы и в мае достигла Франции. Французское правительство, возглавляемое Полем Рейно, было вынуждено бежать в Бордо. С каждым днем правительство Франции все больше склонялось к тому, чтобы объявить перемирие с Германией.

Англия и Франция пришли к взаимному соглашению не вести сепаратных переговоров о перемирии. Соглашение было достигнуто 28.03.1940 г. [1, с. 261]. Но в рамках межсоюзнического совета в Туре правительство Франции начало разговор о возможности перемирия с Германией. Для разрешения ситуации требовалось принять быстрые и эффективные решения [6]. Долгое время работая над проблемой объединения экономических усилий союзников, Ж. Монне пришел к выводу, что только полное единство Франции и Англии могло дать шансы на победу в войне.

Ж. Монне, Р. Плевен, Д. Мортон и Р. Вэнситтарт подготовили проект Декларации правительства Англии о создании единого франко-английского союза. Проект был представлен 15.06.1940 года. В рамках проекта предполагалось полностью объединить две страны в один Франко-Британский союз. Проект предусматривал создание единой армии, единого парламента и единого правительства. «Конституция союза предусмотрит создание совместных органов обороны, внешней, финансовой и экономической политики» [7]. Также предполагалось наличие двойного гражданства для французских и британских подданных. Создание общей валюты и единых таможенных органов. Ущерб любой из стран должен был возмещаться посредством общих усилий. «Во время войны будет единый военный кабинет и все силы Англии и Франции, будь то на суше, на море или в воздухе, будут находиться под его руководством» [7]. Из анализа официальных документов следует, что разработчиками проекта особые надежды в тот период возлагались на получение экономической поддержки со стороны американцев. Союз призвал США начать работу по укреплению экономических ресурсов союзников и оказанию мощной материальной помощи во имя достижения общих целей [7].

Накануне представления проекта, в Лондон прибыл генерал де Голль. Цель его поездки заключалась в достижении договоренности о возможности эвакуации правительства Франции в Северную Африку. Он ознакомился с проектом декларации и сделал вывод, что грандиозный характер задуманного плана исключал возможность немедленной его реализации. «Но это предложение английского правительства правительству Франции явилось бы выражением солидарности и само по себе могло иметь реальное значение» [8, с. 71]. Ключевым значением обладало то, что в том критическом положении, в котором в тот момент находился П. Рейно, данный проект мог стать для него не просто необходимой моральной поддержкой, но также серьезным аргументом против мини-

стров его кабинета, которые всячески настаивали на том, что борьба должна быть прекращена. Поэтому генерал де Голль решил убедить Черчилля в необходимости поддержания этого проекта.

Но Черчилль, впрочем, также, как и де Голль, не проявил особого энтузиазма. Он увидел в проекте попытку ликвидации или ущемления национального суверенитета. Тем не менее, он был вполне лоялен. На заседании совета министров, прошедшем 16 июня, он не скрывал своих возражений по поводу Декларации о союзе. Черчилль призвал к принятию проекта, сказав, что он окажет серьезное влияние на умы. «В такое критическое время, – заявил он, – мы не должны давать повод обвинять нас в недостатке воображения» [1, с. 397]. Все министры и Черчилль прекрасно понимали, что для предотвращения выхода Франции из войны нужно сделать какое-то концептуальное предложение. Оно должно было быть принципиально новым и драматическим. По сути, именно по этой причине проект декларации был поддержан большинством голосов английского кабинета.

После того, как проект был принят, генерал де Голль в телефонном режиме передал текст Рейно. И Черчилль, и де Голль надеялись, что благодаря торжественному провозглашению братства и союза между двумя империями французский премьер-министр получит возможность перевода своих наличных сил и своего правительства в Африку. Также он сможет приказать флоту Франции отплыть в порты, не находящиеся под угрозой захвата немецкими войсками [1].

Рейно также возлагал значительные надежды на Декларацию о союзе, но они не оправдались. Предложение вызвало сопротивление среди министров французского правительства. Пораженческая группировка, возглавляемая маршалом Ф. Петэном, не приняла его к рассмотрению. По поводу проекта высказывались резкие обвинения («план установления опеки над Францией», «план, принятый в последнюю секунду», «план захвата колониальной империи») [1, с. 398].

На следующий день П. Рейно подал в отставку. С этого момента на должность председателя совета министров назначили маршала Ф. Петэна. Это стало достаточным основанием для британского правительства, чтобы не принимать инициативу совместной декларации с новым пораженческим руководством Франции.

Пытаясь предотвратить катастрофу Р. Плевен, Р. Вэнситтарт и Ж. Монне разработали проект телеграммы Петэну, в котором содержалось предложение для правительства Франции о переезде в Северную Африку и организации массовой переброски туда войск Франции. Ситуация в Бордо четко показала Ж. Монне, что в правительстве одержала победу партия капитулянтов.

Таким образом, перспектива слияния Англии и Франции была уничтожена. На наш взгляд, реализация данного глобального замысла была в принципе невозможна. В своих мемуарах де Голль писал, что нельзя путем одного только обме-

на нотами объединить две страны с их владениями, интересами и учреждениями [8, с. 71]. Вся его дальнейшая деятельность и борьба против вхождения Великобритании в европейские объединения демонстрируют, насколько отчаянным было положение французов летом 1940 года, чтобы генерал поддержал идею англо-французского институционального объединения.

По всей видимости, Декларация о союзе вообще не подразумевала реального претворения в жизнь. Она являлась лишь неким «спасательным кругом» для обоих правительств. Чтобы надеяться на полное объединение Англии и Франции, нужно быть чрезвычайным оптимистом. А этого качества у Жана Монне, по его же многократным признаниям, было немного. Тем не менее, им был сделан вывод, ставший впоследствии основополагающим в его последующей деятельности. «...Преклонение перед национальным суверенитетом очень часто оказывается препятствием для взаимопонимания между людьми, для общего действия и для прогресса общества... Поиски единства – даже если они ограничиваются материальными проблемами производства, вооружения, транспорта – должны опираться, помимо административных решений, на всю политическую власть стран, ведущих совместную борьбу. Когда народам грозит общая опасность, нельзя обсуждать отдельно интересы, от которых зависит их будущее» [3, с. 30–31].

Литература

1. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. Т. 2. / У. Черчилль. – М., 1991.
2. Roussel E. Jean Monnet / E. Roussel. – P.: Fayard, 1996.
3. Монне Ж. Реальность и политика / Ж. Монне. – М.: Московская школа политических исследований, 2001.
4. Загадки ленд-лиза: Стеттиниус Э. Ленд-лизоружие победы / Э. Стеттиниус. – М.: Вече, 2000.
5. Зубок Л.И. Новейшая история США / Л.И. Зубок, Н.Н. Яковлев. – М.: Просвещение, 1972.
6. Ратиани Г.М. Конец третьей республики во Франции. – М., 1964.
7. Текст проекта Декларации о союзе 16 июня 1940 года. Режим доступа: <http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st006.shtml> (дата обращения- 12.09.2020)
8. Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 годы. Т. 1. / Ш. де Голль. – М., 1957.

PROJECT OF THE FRANCO-BRITISH INSTITUTIONAL ASSOCIATION DURING THE SECOND WORLD WAR

Boldyreva O.M.

Yelets branch of ANO VO "Russian New University"

The article provides a historical and legal analysis of the project of the Franco-British Union during the Second World War. On June 16, 1940, amid intensified hostilities, French and British political and public figures J. Monnet, R. Plevén, D. Morton and R. Vansittart de-

veloped a draft Declaration of the Government of England on the establishment of a unified Franco-British alliance. The project provided for the complete merger of the two states into a single Franco-British Union. It was planned to create a single army, a single parliament, a government, joint defense agencies, foreign, financial and economic policies, dual citizenship for French and British subjects. The implementation of the Declaration would have avoided the surrender of France in the war and the transition of the French colonies and the navy to the rule of Nazi Germany. However, the project was not approved by the French government and the institutional unification did not take place.

Keywords: Declaration, Union, France, England, the Constitution

References

1. Churchill W. World War II. Book 1. T. 2. / W. Churchill. – M., 1991.
2. Roussel E. Jean Monnet / E. Roussel. – P.: Fayard, 1996.
3. Monnet J. Reality and politics / J. Monnet. – M.: Moscow School of Political Studies, 2001.
4. Mysteries of Lend-Lease: Stettinius E. Lend-Lease is a weapon of victory / E. Stettinius. – M.: Veche, 2000.
5. Zubok L.I. Recent history of the USA / L.I. Zubok, N.N. Yakovlev. – M.: Education, 1972.
6. Ratiani G.M. End of the third republic in France. – M., 1964.
7. The text of the draft Declaration on the Union June 16, 1940. Access mode: <http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st006.shtml> (date of access – 09/12/2020)
8. Gaulle Ch. De. Military memoirs. Call. 1940–1942 years. Vol. 1. / Ch. De Gaulle. – M., 1957.

Похищение государственных наград Российской Федерации, РСФСР и СССР: проблемы квалификации и законодательной регламентации

Вишнякова Наталья Валерьевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России
E-mail: vishniakova77@mail.ru

В статье анализируются сложившиеся в судебной практике подходы к квалификации похищения государственных наград РФ, РСФСР и СССР: по ст. 324 УК РФ и по ст.ст. 158–162 УК РФ (в зависимости от формы хищения). Обосновывается вывод о том, что уголовно-правовая оценка рассматриваемого деяния по статьям о хищениях чужого имущества противоречит нематериальной природе государственных наград. Применение ст. 324 УК РФ также не является безупречным, прежде всего ввиду существенных недостатков действующей редакции указанной статьи уголовного закона. Автор делает вывод о необходимости установления самостоятельного уголовно-правового запрета похищения государственных наград РФ, РСФСР и СССР, дифференциации уголовной ответственности с помощью квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, традиционно характеризующих специальные виды хищений, а также такого признака предмета преступления, как связь государственных наград с событиями Великой Отечественной войны. С учетом высказанных предложений представляется проект редакции статьи 324 УК РФ «Похищение государственных наград Российской Федерации, РСФСР и СССР».

Ключевые слова: похищение, незаконное приобретение, государственная награда, квалификация, законодательная регламентация, дифференциация уголовной ответственности.

Государственные награды во все времена являлись одной из форм официального признания заслуг гражданина перед Отечеством.

В законодательном определении государственной награды РФ подчеркивается, что это «высшая форма поощрения российских граждан за заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии спорта, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством» [7].

Обеспечение сохранности государственных наград от преступных посягательств, – важная задача государства, актуальность которой неоспорима, особенно в год 75-летия Победы в Великой Отечественной Войне.

Вместе с тем, в уголовном законе содержится одна статья, предусматривающая уголовно-правовой запрет совершения незаконного приобретения или сбыта государственных наград РФ, РСФСР и СССР (ст. 324 УК РФ). Отдельной нормы, посвященной хищению или похищению (какой термин использовать правильнее разберемся далее) государственных наград, нет.

В правоприменительной практике единства в квалификации указанного деяния также не сложилось. Преимущественно хищение государственной награды рассматривают как форму незаконного приобретения и квалифицируют по ст. 324 УК РФ. Зачастую при этом имеет место совокупность с какой-либо формой хищения, например, кражей [5]. Есть примеры исключения из обвинения ст. 324 УК РФ и вменения ст. 158 УК РФ на том основании, что «объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст. 324 УК РФ, является незаконное приобретение государственных наград. По смыслу закона хищение государственных наград не образует состава незаконного приобретения, поскольку кража не является его способом» [2].

Какой же подход к уголовно-правовой оценке незаконного завладения государственными наградами является правильным?

По нашему мнению, государственные награды РФ, РСФСР и СССР нельзя рассматривать в качестве предмета хищения, поскольку награды нельзя однозначно признать имуществом, выступающим объектом права собственности.

Анализ Положения о государственных наградах Российской Федерации позволяет утвер-

ждать, что государственные награды не являются собственностью награжденных, членов их семьи и иных близких родственников (в случае смерти награжденного). Данные лица не имеют права продавать награды, отчуждать иным образом. Они могут лишь передать их для постоянного хранения и для экспонирования в государственные или муниципальные музеи в установленном порядке, предусмотренном (пп. 47, 48, 50 Положения)[3]. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении также указал, что «публично-правовая природа государственной награды как нематериального блага – вне зависимости от принадлежности ее материального знака лицам, отмеченным государством, или лицам, которым он передан в надлежащем порядке, – остается неизменной, исключая саму возможность признания данного блага объектом права собственности... Государственная награда как нематериальное благо не может оцениваться в денежном выражении...» [4]. Высказывается мнение о том, что «награжденные лица и их родственники, выступающие в роли хранителей, не являются собственниками наград, собственником выступает государство» [1]. Данное утверждение могло бы служить аргументом в пользу признания государственных наград объектом права собственности, а, следовательно, предметом хищения. Вместе с тем, ни в одном приговоре суда по делу о хищении (незаконном приобретении) государственных наград нет признания государства в качестве потерпевшего.

Учитывая сказанное, правильнее квалифицировать рассматриваемое деяние как разновидность незаконного приобретения в рамках ст. 324 УК РФ. Но и этот вариант уголовно-правовой оценки не является идеальным, прежде всего, ввиду несовершенства указанной статьи уголовного закона.

Статья не учитывает, во-первых, различную общественную опасность таких деяний, как хищение и иное незаконное приобретение государственных наград – разные по общественной опасности деяния, во-вторых, возможные способы хищения (тайно, открыто, путем обмана, с насилием, в том числе опасным для жизни или здоровья и т.п.), которые также различны по своей общественной опасности. Наконец, санкция нормы, предусматривающая наказания, не связанные с лишением свободы, не соответствует общественной опасности хищения.

Видимо, стремление преодолеть указанные недостатки вынуждает правоприменителя квалифицировать деяние по совокупности преступлений (определенной формы хищения и незаконного приобретения государственных наград) даже в тех случаях, когда умысел незаконного изъятия был направлен именно на государственные награды. Так, П., желая похитить награды у ветерана Великой Отечественной Войны, проник в жилище к потерпевшему и под угрозой пневматического пистолета завладел наградной подушкой, на которой находились награды и китель с наградами,

подушку и китель виновный выбросил, а награды сбыл. Осужден по ч. 3 ст. 162 (разбой с незаконным проникновением в жилище) и ст. 234 (незаконное приобретение и сбыт государственных наград) УК РФ[6]. Формально такая квалификация верна, так как помимо государственных наград было похищено иное имущество, хоть и «попутно», но ведь можно представить ситуацию, когда в ходе разбоя виновный завладевает только государственными наградами. В таком случае, вменение одной лишь ст. 324 УК РФ не будет соответствовать общественной опасности деяния, а квалификация по ст. ст. 162 и 324 УК РФ будет неверной, ввиду отсутствия цели – хищения чужого имущества, которым государственные награды не являются.

Подводя итог сказанному, предлагаем дополнить уголовный закон ст. 324¹ УК РФ «Похищение государственных наград РФ, РСФСР и СССР».

Термин «похищение» более уместен, чем «хищение» по названным выше причинам. Дифференциация уголовной ответственности в рамках предлагаемой статьи могла бы осуществляться с помощью квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, традиционно характеризующих специальные виды хищений.

Кроме того, повышающим общественную опасность, на наш взгляд, мог бы стать такой признак предмета преступления, как связь государственных наград с событиями Великой Отечественной войны. В нашей стране особое отношение к этой войне, посягательства на ветеранов Великой Отечественной Войны, в том числе похищение их орденов и медалей, всегда вызывают повышенный общественный резонанс, термин «государственные награды, связанные с событиями Великой Отечественной войны» употребляется законодателем в контексте значимости указанных наград в увековечении Победы советского народа в войне 1941–1945 годов[8, ст. 3].

Учитывая сказанное, предлагаем следующий вариант редакции ст. 324¹ УК РФ.

Статья 324¹ УК РФ «Похищение государственных наград Российской Федерации, РСФСР и СССР»

1. Похищение государственных наград Российской Федерации, РСФСР и СССР, – наказывается...

2. Похищение государственных наград, связанных с событиями Великой Отечественной войны, – наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору;
б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказывается...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они совершены:

- а) организованной группой;
- б) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказывается...

Литература

1. Лазаренкова О.Г. Гражданско-правовые отношения, возникающие по поводу вручения государственных наград, памятных знаков и присвоения почетных званий, обуславливающие особенности их наследования // Наследственное право. 2020. № 2. С. 25–29.
2. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 05.09.2013 № 2-Д13–9 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Положение о государственных наградах Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приговор Буйского районного суда Костромской области от 15 ноября 2019 г. по делу № 1–155/2019 URL://sudact.ru/regular/doc/Cw8XZIGsRMZV/ (дата обращения 26.10.2020 г.).
6. Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 19 января 2016 г. по делу № 1–35/2016 URL://sudact.ru/regular/doc/95ykEOfv3ubK/(дата обращения 26.10.2020 г.).
7. Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Российская газета. 15.09.2010. № 207.
8. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»

THEFT OF STATE AWARDS OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE RSFSR AND THE USSR: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND LEGISLATIVE REGULATION

Vishnyakova N.V.

Oma MIA of Russia

The article analyzes the existing judicial practice approaches to the qualification of theft of state awards of the Russian Federation, the RSFSR and the USSR: according to article 324 of the criminal code and article 158–162 of the criminal code (depending on the form of theft). The conclusion is substantiated that the criminal legal assessment of the act under consideration under the articles on theft of other people's property contradicts the immaterial nature of state awards. The application of article 324 of the criminal code of the Russian Federation is also not perfect, primarily due to the significant shortcomings of the current version of this article of the criminal law. The author concludes that it is necessary to establish a permanent criminal law ban on the theft of state awards of the Russian Federation, the RSFSR and the USSR, to differentiate criminal liability by means of qualifying and especially qualifying features that traditionally characterize special types of theft, as well as such a feature of the subject of crime as the connection of state awards with the events of the great Patriotic war. Taking into account the suggestions made, the draft version of article 324.1 of the criminal code "Theft of state awards of the Russian Federation, the RSFSR and the USSR" is submitted.

Keyword: theft, illegal acquisition, state award, qualification, legislative regulation, differentiation of criminal liability.

References

1. Lazarenkova O.G. Civil-legal relations arising from the presentation of state awards, memorials and honorary titles, which determine the features of their inheritance // Inheritance law. 2020. no. 2. P. 25–29.
2. Supervisory determination of the Supreme Court of the Russian Federation from 05.09.2013 no. 2-d13–9 // SPS "Consultant-Plus".
3. Regulations on state awards of the Russian Federation, approved by decree of the President of the Russian Federation of September 7, 2010 No. 1099 "on measures to improve the state award system of the Russian Federation" // SPS "Consultant-Plus".
4. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation from 27.02.2020 № 10-P "on business about check of constitutionality of article 324 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N.M. Domenichino" // ATP "Consultant".
5. The sentence buyskiy district court of the Kostroma region from November 15, 2019 in case No. 1–155/2019 URL://sudact.ru/regular/doc/Cw8XZIGsRMZV/ (accessed 26.10.2020 g).
6. Sentence Mine of the district court of Kemerovo of the Kemerovo region from January 19, 2016 in the case n 1–35/2016 URL://sudact.ru/regular/doc/95ykEOfv3ubK/(accessed 26.10.2020 g).
7. The decree of the President of Russia dated 07.09.2010 № 1099 "About measures on improvement of the state award system of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 15.09.2010. № 207.
8. Federal law No. 80-FZ of may 19, 1995 "On perpetuating the Victory of the Soviet people in the great Patriotic war of 1941–1945".

Эволюция законодательного оформления организации государственной власти в России в своде основных государственных законов Российской империи (XIX – начало XX вв.)

Владимирова Галина Евгеньевна,

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет
E-mail: dosiaVG@rambler.ru

Первая четверть XIX века ознаменовалась концептуальным обоснованием со стороны М.М. Сперанского в нескольких его политико-правовых сочинениях и записках необходимости и значимости создания Основных государственных законов. По мнению русского общественного и государственного деятеля, реформатора и законотворца такая работа являлась крайне важной для политико-правовой системы Российской империи, что было обеспечено основательной теоретической разработкой вопросов, касающихся создания Основного закона для Российской империи и предложений в сфере создания Уложения государственных законов. Центральный труд М.М. Сперанского – это проработка проблемы формирования коренных законов с полным изложением взглядов на их основы с точки зрения кардинального переустройства политической и юридической деятельности, осуществляемой Российским государством в целом. Формат такого государства был охарактеризован в качестве единой и централизованной империи, имеющей монархическое правление с сосредоточиванием неделимого верховенства власти государства с учётом коренных законов. Данный труд был получен Николаем I. В записках содержалась полная систематизация узаконений и предложения по созданию собрания и свода законов с их полной кодификацией. В статье рассмотрена эволюция законодательного оформления организации государственной власти в России в Своде Основных государственных законов Российской империи (XIX – начало XX вв.).

Ключевые слова: право, эволюция, государственная власть, Свод основных государственных законов.

Безусловно, активная подготовка к изданию нового полного свода была начата уже в 1840 году. Изначально было предложено разместить в этих пятнадцати томах порядка двадцати тысяч новых статей, но в соответствии с предложением президента Академии наук, председателя Госсовета и писателя Дмитрия Николаевича Блудова, для уставов и положений была продумана собственная нумерация для опубликования без тематического расчленения, в полном объёме[3].

Таким образом, в Своде законов 1842 года, который был издан восьмьютысячным тиражом, появилось чуть менее шестидесяти тысяч статей. При их составлении учитывалось наличие специальных реестров, а также алфавитного указателя и списка всех должностей, существующих в империи. Кроме всего прочего, были обозначены классы, разряды мундиров и в пенсионном обеспечении[2].

За период 1843–1855 гг. издатели потрудились сразу над девятнадцатью Продолжениями, а предпосылки отдавались очередным изданиям. Они имели особые сводные указатели статей тома или устава, которые подверглись преобразованиям, внесению дополнений или отмены с точки зрения самого последнего издания. Обязательно присутствовали ссылки на номер Продолжения с напечатанным текстом.

Интересным является тот факт, что пенсионное обеспечение чиновников Российской империи вплоть до 1917 года было регламентировано таким документом, как «Общий устав о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам», а стандартный срок выслуги лет, или «беспорочной службы» для получения такой государственной пенсии составлял тридцать пять лет[7].

В середине девятнадцатого века были начаты очень масштабные работы, направленные на подготовку нового издания, которыми руководил именно Дмитрий Николаевич Блудов. При этом, отсутствие корректив в нумерации томов было обеспечено их делением на несколько отдельных книг. По результатам работы в третье издание вошло порядка 90000 статей. Тем не менее, данный Свод, увидевший свет в 1857 году, послужил своеобразным памятником прекратившей своё существование эпохи Николая I – Императора Всероссийского с 26.12.1825 года, царя Польского и великого князя Финляндского.

После этого периода настало время Александра II – российского императора, продолжателя

династии Романовых, великого царя-реформатора, удостоившегося эпитета «Освободитель».

Основной практической значимостью обладали в данный период разработанные Продолжения к рассматриваемому Своду, издание которых осуществлялось вплоть до 1960 года каждые 3 месяца в формате специальных тетрадей[1].

Ежегодные издания объединялись в единую книгу. В 62-е годы статс-секретарём Госсвета, директором Императорской публичной библиотеки, председателем Бутурлинского комитета, главным управляющим Второго отделения, камергером, а также действительным тайным советником Корфом Модестом Андреевичем было внесено интересное предложение по ограничению публикаций законов в рамках нового периодического издания, именуемого Собранием законов и постановлений.

В данном документе предполагалось указание статей Свода, которые подверглись коррективам. Тем не менее, данное предложение не было поддержано, потому что практические деятели по-считали процедуру самостоятельного сравнения законов просто огромной сложностью. Действующим военным министром данная ситуация была описана следующим образом: «Никто не будет знать, какие законы применять к делу».

В 70-м году отмечалась внутриобщественная конфликтная ситуация, спровоцированная тайной корректировкой реформ, очень быстро получившая явный и выраженный характер[6].

В этом плане особое внимание привлекли работы, систематизирующие законодательство сразу несколькими форматами, включая издание очередных и сводных Продолжений, выпуск отдельных положений и уставов, появление отдельных объединённых томов. Отличием послужила нерегулярность таких изданий с отсутствием присваивания порядковых номеров и датированием годом, в который происходила подготовка к изданию, а также выборочное включение материала.

В течение двух десятилетий представителями кодификационного отдела многократно предпринималась попытка издания нового Свода. Постоянное обновление в сфере законодательства обеспечило частичное обновление и действие в рамках разновременных изданий. Преобразования в технике изданий обуславливалось преимущественно замедленным процессом, в соответствии с которым законы отделялись от административных распоряжений. Данное правило относилось к законодательной практике, общепринятой в Российской империи[5].

Немаловажное значение в это время имело такое понятие, как высочайше утверждённое мнение Государственного совета. Наибольшей критике со стороны специалистов, которые работали с законодательными основами данного Свода, подверглись именно принципы, непосредственно касающиеся классификации законов.

В первом издании наблюдалось разделение на гражданские и государственные законы, пред-

ставленные законами определительными и охранительными с собственными подвидами внутри каждого разряда. К законам охранительного типа относились уставы благочиния и уголовное уложение, а в гражданское определительное законодательство включалось семейное, имущественное, межевое, кредитное, торговое, а также фабричное законодательство[4].

Мнение современников, касающееся эволюции законодательного оформления организации государственной власти в России согласно Своду Основных государственных законов Российской империи (в XIX и начале XX вв.) являлось достаточно критичным в отношении таких очень важных позиций, как редакторская правка, оформление статей и справочный аппарат. При этом, неофициальными изданиями начала XX века были предприняты попытки преодоления всех сложностей, сопряжённых с применением официальных изданий разновременного типа.

В результате планомерной работы к 1832 году Основные государственные законы Российской империи представляли собой консолидированный материал, в котором без изменения их нормативного содержания был изложен систематизированный комплекс законоположений, определяющих основы организации и функционирования верховной государственной власти в России. В них регламентировались полномочия императора, как главы государства, его законотворческие и управленческие правомочия, подробно были освещены особенности правового положения членов императорского дома и порядка наследования престола. В целом, коренные законы, устанавливали общие черты формы правления, ее территориальную организацию, определяли порядок деятельности императора в основных сферах реализации верховной власти. Что можно считать предпосылками формирования конституционных основ страны, в этой связи Основные государственные законы российской империи 1832 года являются логическим завершением многолетней работы, по систематизации законодательства, имеющее важное политическое и идеологическое значение в укреплении легальных основ организации государственной власти в России, легитимации ее в обществе.

Литература

1. Бородин А.П. Государственный Совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 4.
2. Вологдин А.А. История отечественного государства и права. 2-е изд. М., 2015. С. 415.
3. Исаев И.А. История государства и права России: учебное пособие. М., 2002. С. 172.
4. История государства и права России: учебник для бакалавров вузов по юридическим направлениям и специальностям / под общ. ред. В.Е. Рубаника. М., 2012. С. 530.
5. История отечественного государства и права: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. Ч. 1. М., 2010. С. 408.

6. Смыкалин А.С. Историко-сравнительный анализ проекта Конституции Российской демократической федеративной республики 1917 г. и ныне действующей Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. 2014. № 1. С. 100–114.
7. Шатковская Т.В. История отечественного государства и права: учебник. М., 2008. С. 170–171.

THE EVOLUTION OF LEGISLATION FOR PUBLIC AUTHORITIES IN RUSSIA THE CODE OF THE FUNDAMENTAL STATE LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Vladimirova G.E.

Surgut State University

The first quarter of the XIX century was marked by the conceptual justification by M.M. Speransky in several of his political and legal writings and notes of the necessity and importance of creating Basic state laws. According to the Russian public and statesman, reformer and lawmaker, such work was extremely important for the political and legal system of the Russian Empire, which was provided by a thorough theoretical development of issues related to the creation of the Basic law for the Russian Empire and proposals for the creation of State laws. The Central work of M.M. Speransky is a study of the problem of the formation of indigenous laws with a complete statement of views on their foundations from The point of view of the cardinal reorganization of political and legal activities carried out

by the Russian state as a whole. The format of such a state was described as a single and centralized Empire with monarchical rule with the concentration of the indivisible supremacy of state power, taking into account the fundamental laws. This work was received by Nicholas I. The notes contained a complete systematization of the laws and proposals for creating a collection and code of laws with their full codification. The article considers the evolution of the legislative formalization of the organization of state power in Russia in The code of Basic state laws of the Russian Empire (XIX – early XX centuries).

Keywords: law, evolution, state power, Code of basic state laws.

References

1. Borodin A.P. State Council Of Russia (1906–1917). Kirov, 1999. p. 4.
2. Vologdin A.A. History of the national state and law. 2nd ed. Moscow, 2015. p. 415.
3. Isaev I.A. History of the state and law of Russia: textbook. M., 2002. P. 172.
4. History of the state and law of Russia: textbook for bachelors of higher education institutions in legal areas and specialties / under the General ed. of V.E. Rubanik. M., 2012. p. 530.
5. History of the Russian state and law: in 2 parts / ed. by O.I. Chistyakov. Part 1. M., 2010. P. 408.
6. Smykalin A.S. Historical and comparative analysis of the draft Constitution of the Russian democratic Federal Republic of 1917 and the current Constitution of the Russian Federation of 1993 // State and law. 2014. No. 1. Pp. 100–114.
7. Shatkovskaya T.V. History of the national state and law: textbook. Moscow, 2008. Pp. 170–171.

К вопросу об учреждении национально-культурных автономий в Республике Саха (Якутия)

Егорова Ульяна Павловна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
E-mail: ulyanaepo@mail.ru

В преамбуле Основного закона Российской Федерации устанавливается, что «единственным источником власти и носителем суверенитета в РФ является ее многонациональный народ», который учреждает основы государственного и конституционного строя посредством принятия Конституции РФ. Согласно статье 30 Конституции РФ, каждому гражданину Российской Федерации гарантируется конституционное право на общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей. Одним из видов общественного объединения на территории Российской Федерации является национально-культурная автономия. Актуальность существования института национально-культурной автономии вызвана потребностью России, как многонационального государства, к реализации и внедрению в жизнь конституционных прав граждан на национальное самоопределение. Республика Саха (Якутия) является многонациональным субъектом Российской Федерации, где проживает более 60 различных этносов и национальностей, основными по численности считаются русские и якуты. Для грамотной согласованности межнациональных отношений, государственной помощи для улучшения национально-культурных взаимоотношений и языковой среды на практике используется институт национально-культурной автономии. Целью данной статьи является рассмотрение и анализ некоторых вопросов по поводу работы государственных органов власти и управления, организаций института национально-культурной автономии применительно к субъекту Российской Федерации – Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: Российская Федерация, субъекты, коренные малочисленные народы России, национально-культурная автономия, национальные меньшинства, равноправие народов, самобытность;

Преамбула Основного закона Российской Федерации устанавливает, что – «единственным источником власти и носителем суверенитета в РФ является ее многонациональный народ», который учреждает основы государственного и конституционного строя посредством принятия Конституции РФ. На территории России испокон веков проживало и проживает огромное количество различных народов, национальностей и этносов, культурная самобытность очень сильно отличается друг от друга. В качестве гарантии прав и свобод данных народов, Конституция РФ в статье 19 закрепляет положения, которые должны обеспечивать максимально одинаковый правовой статус для всех представителей этнических сообществ независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения (ч. 2 ст. 19).

Далее, согласно статье 30 Конституции РФ, каждому гражданину Российской Федерации гарантируется конституционное право на общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей. Исходя из смысла вышеуказанной статьи, Федеральный закон от 17.05.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» дает право гражданам, которые относят себя к конкретной этнической группе, право на объединение в форме «национально-культурной автономии», и закрепляет строго регламентированную, определенную процедуру сотрудничества общества и государства с целью охраны национальных интересов граждан в процессе сохранения, помощи и улучшения своего национально-культурного кода [3, с. 267]. Одним из важнейших институтов гражданского общества для минимизации межнациональных конфликтов, грамотной согласованности межнациональных отношений, государственной помощи для улучшения национально-культурных взаимоотношений и языковой среды является институт «национально-культурных автономий».

Современный законодатель раскрывает понятие «национально-культурная автономия» как вид этнического и культурного объединения, которая представляет собой общественные объединения граждан Российской Федерации и которые относят себя к определенной национально-этнической группе, а также находящиеся в настоящее время в качестве национального меньшинства в определённо взятой местности [1]. Целями таких групп являются, во – первых, осознанное, единоличное решение вопросов сохранения самобытности, развитие языка, образования, национальной культуры, необходимо также отметить поддержку гар-

мории российской нации, грамотную согласованность межнациональных отношений и содействие к диалогу между религиозными конфессиями.

В зависимости от территориальной сферы деятельности национально-культурные автономии принято распределять на:

- 1) местные;
- 2) региональные;
- 3) федеральные.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О национально-культурной автономии» делегаты местных национально-культурных автономий граждан Российской Федерации, относящие себя к определенной этнической общности, могут учредить региональную национально-культурную автономию в пределах отдельно взятого субъекта Российской Федерации.

В настоящее время, в Республике Саха (Якутия) институт национально-культурной автономии действует в рамках закона РФ от 09.10.1992 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». В указанном нормативно – правовом акте закреплено право народов и иных этнических общностей Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно – исторической среды обитания [4, с. 86].

Гражданский институт региональных национально-культурных автономий Республики Саха (Якутия) начал развиваться с 2000-х годов, было создано несколько национально-культурных центров (чеченцев, эвенков, бурятов), но, в последствии, некоторые из них были ликвидированы по организационно – правовым причинам. На сегодня наблюдается спад активности национально-культурных автономий, который имеет, в свою очередь, определенный объективный и субъективный характер отношений. Можно отметить такие причины, нехватка либо отсутствие материально – технической базы, нежелание и инертность землячества, сложности в внедрении в образовательный процесс регионов обучения национальных языков землячеств, нечеткий формат методов сотрудничества национально-культурных автономий с органами государственной власти, с органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

На территории Республики Саха (Якутия) в настоящее время создание и вступление в состав национально-культурных автономий является недоступной опцией для двух этносов: якуты и русские, так как данные этносы обладает преимущественным большинством в регионе. Русский и якутский язык являются государственными языками, второй также считается как национальный язык, защита языков гарантируется государством [6].

По национальному составу на 2020 г. на территории РС(Я) проживает 49,91% якутов и 37,84% русских [7], но, как показывает практика, в некоторых отдаленных районах республики русские

не имеют численного равенства, в отдельных случаях находятся в ситуации национального меньшинства. Такая же ситуация, но со сменой мест слагаемых, происходит в южной части республики (города Нерюнгри, Алдан). Таким образом, окончательно лишать титульные нации на право объединения в национально-культурные автономии может оказаться нецелесообразным.

Другой, не менее серьезной проблемой является, конечно же, вопрос финансирования национально-культурных автономий. На сегодняшний день основная нагрузка финансового обеспечения национально-культурных автономий возложена на средства субъектов РФ. Относительно органов государственной власти и органов местного самоуправления: они вправе (но не обязаны) выделять бюджетное финансирование, которое выражается в диспозитивном характере финансово помогать за счет средств федерального и местного бюджета [2, с. 46] (за исключением субвенций, предоставляемых из федерального бюджета и бюджета субъекта Российской Федерации). Также, хотелось бы отметить момент, что национально-культурные автономии финансируются за свой собственный счет, учреждений, организаций и частных лиц и от иных источников, не запрещенных законом. Закономерно, что именно проблемы и трудности с бюджетным финансированием тормозят создание новых национально-культурных автономий и принятие соответствующего Закона Республики Саха (Якутия), регламентировавшего бы деятельность данных общественных объединений.

В заключение хотелось бы отметить, что Республике Саха (Якутия) необходим стабильный и действующий институт национально-культурной автономии. Слаженная и четкая работа национально-культурных автономий «расширяет возможности в осуществлении государственной национальной политики на региональном уровне» [8, с. 34].

Литература

1. Алфимцев В.Н. Об использовании института национально-культурной автономии в строительстве российской нации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015.
2. Гунаев Е.А. Актуальные проблемы учреждения национально-культурных автономий в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. [№ 2] С. 46.
3. Максимова Н.Н. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» в правовом поле этнонациональной политики // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. С. 267.
4. Кочетыгова Н.И. Многокультурность как характерная черта российской государственности // Государство и право. 2006. [№ 11] с. 86.
5. Республика Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Ассамблея народов России. Общерос-

сийская общественная организация [веб-сайт]. 2020. URL: <http://xn-80aaadglf1chnmbxga3u.xn--p1ai/regiony/respublika-saha-yakutiya>

6. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807–1 (последняя редакция)
7. АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ РОССИИ. [http://xn-80aaadglf1chnmbxga3u.xn--p1ai/regiony/respublika-saha-yakutiya#:~: text](http://xn-80aaadglf1chnmbxga3u.xn--p1ai/regiony/respublika-saha-yakutiya#:~:text=)
8. Зорин В.Ю., Харбиева Т.Я. Государственная национальная политика Российской Федерации: проблемы реализации и совершенствования // Журнал российского права. 2003. № 8. С. 34.

ON THE ISSUE OF THE ESTABLISHMENT OF NATIONAL-CULTURAL AUTONOMIES IN SAKHA (YAKUTIA)

Egorova U.P.

Law Faculty of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

In the preamble of the Basic law of the Russian Federation stipulates that – “the only source of power and bearer of sovereignty in Russia is its multinational people”, which establishes a framework of state and the constitutional system through the adoption of the Constitution. According to article 30 of the Constitution of the Russian Federation, all citizens of the Russian Federation is guaranteed the constitutional right to public associations to protect common interests and achieve common goals. One of the types of public associations in The Russian Federation has national and cultural autonomy. Relevance of the existence of the Institute for national-cultural autonomy. The relevance of the existence of the Institute of national and cultural autonomy is caused by the need of Russia, as a multinational state, to implement and implement the constitutional rights of citizens to national self-determination. The Republic of Sakha

(Yakutia) is a multi-ethnic subject of the Russian Federation, where more than 60 different ethnic groups and nationalities live; the main ones are considered Russians and Yakuts. In practice, the Institute of national and cultural autonomy is used to ensure proper coordination of interethnic relations and state assistance to improve national cultures. The purpose of the article is to address some questions about the bodies and organizations national and cultural autonomy of the institutions of the Russian Federation in regards to the subject – Yakutia Republic (Yakutia).

Keyword: Russian Federation, subjects, small indigenous peoples of Russia, national – cultural autonomy, national minorities, equality of peoples, identity.

References

1. Alfimtsev V.N. On the use of the Institute of national and cultural autonomy in the construction of the Russian nation // Law and order in modern society. 2015.
2. Gunaev E.A. Actual problems of establishment of national – cultural autonomies in the Republic of Kalmykia // Bulletin of the Kalmyk Institute for humanitarian research of the Russian Academy of Sciences, 2009. [no. 2] P. 46.
3. Maksimova N.N. Federal law “On national and cultural autonomy” in the legal field of ethno-national policy // Proceedings of the Orenburg state agrarian University. 2012. P. 267.
4. Kochetygova N.I. Multiculturalism as a characteristic feature of Russian statehood // State and law. 2006. [no. 11] p. 86.
5. Republic of Sakha (Yakutia) [Electronic resource] // Assembly of peoples of Russia. All-Russian public organization [website]. 2020. URL: <http://xn-80aaadglf1chnmbxga3u.xn--p1ai/regiony/respublika-saha-yakutiya>
6. The RF law “On languages of peoples of the Russian Federation” dated 25.10.1991 N1807–1 (latest revision)
7. ASSEMBLY OF PEOPLES OF RUSSIA. [http://xn-80aaadglf1chnmbxga3u.xn--p1ai/regiony/respublika-saha-yakutiya#:~: text](http://xn-80aaadglf1chnmbxga3u.xn--p1ai/regiony/respublika-saha-yakutiya#:~:text=)
8. Zorin V. Yu., Harbieva T. Ya. State national policy of the Russian Federation: problems of implementation and improvement // journal of Russian law. 2003. No. 8. P. 34.

Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении: вопросы актуальности создания системы и обеспечения защиты персональных данных

Невянцева Владлена Андреевна,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ
E-mail: nevyancevavladlena@gmail.com

Цифровизация общества и государства приводит к тому, что нововведения начинают не только влиять на оптимизацию процессов, но и затрагивать права и свободы граждан как в положительном, так и в негативной ключе. В 2020 г. был принят закон, регламентирующий создание системы учета сведений о населении в Российской Федерации. Несмотря на то, что он нацелен на обеспечение достоверности и непротиворечивости сведений о гражданах Российской Федерации, иностранных гражданах и лицах без гражданства, пребывающих на территории государства, поправки в законодательство вызвали общественный резонанс относительно ущемления права на неприкосновенность частной жизни, обеспокоенности за безопасность хранения и обработки персональных данных.

Ключевые слова: единый регистр сведений о населении, персональные данные, государственные услуги, конституционные права граждан, неприкосновенность частной жизни, цифровизация.

В условиях реализации положений национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и развития процессов информатизации государственных органов в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» растет количество информационных систем, создание и ввод в эксплуатацию которых связаны с необходимостью решения вопросов хранения и обработки персональных данных не только государственных гражданских служащих, но и иных лиц, в целях содействия в реализации прав которых создается информационная система. Наличие большого количества отсылочных норм по вопросам защиты сведений, содержащихся в информационной системе, включая персональные данные, к нормам иных нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок применения организационных и технических мер защиты информации, а также осуществления контроля за их применением, формирует среди граждан недоверие к уровню защиты данных в государственных информационных системах. А, следовательно, негативно влияет на оценку деятельности государственных органов по созданию новых систем, призванных аккумулировать еще больший массив данных о гражданах Российской Федерации.

2020 год ознаменован в России как год обсуждения и принятия законопроектов, вызвавших наибольший резонанс среди населения в сфере защиты персональных данных. По мнению граждан, в условиях распространения коронавирусной инфекции наблюдалось агрессивное, без общественного обсуждения, срочное продвижение законодательных инициатив, представляющих угрозу безопасности частной жизни и государства. Продолжается рассмотрение проекта федерального закона № 747513–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» (касающегося создания цифрового профиля гражданина), принят Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» [5]. В период рассмотрения и принятия законопроектов в адрес Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи за период с 17.04.2020 по 20.05.2020 поступило более 49 тыс. обращений более чем от 3,2 тыс. граждан с требованием отклонить законопроекты, что свидетельствует о несогласии с масштабной

цифровизацией, нарушающей конституционные права граждан.

В настоящее время в Федеральной государственной информационной системе координации информации содержатся сведения о **341** федеральной государственной информационной системе. Не каждая из них является информационной системой персональных данных, к наиболее крупным из них следует отнести: Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА); Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния; государственные информационные системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федеральной налоговой службы Российской Федерации, Пенсионного фонда Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» государственные информационные системы создаются в целях реализации полномочий государственных органов и обеспечения обмена информацией между этими органами, а также в иных установленных федеральными законами целях [3]. Предлагаемый к созданию Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении Российской Федерации, не имеет целью реализацию отдельных полномочий государственного органа, он представляет закрепленную ст. 2 Закона совокупность сведений о населении Российской Федерации (граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства), которые содержатся в государственных информационных системах органов государственной власти, органов управления государственными внебюджетными фондами. Цель – обеспечение актуальности и достоверности данных. При этом Конституционный Суд Российской Федерации вынес Постановление от 22.06.2010 № 14-П, в котором определено: «цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод» [6]. Представляя собой совокупность данных о каждом лице, учитываемом в качестве населения Российской Федерации, регистр предполагает консолидацию всех имеющихся официальных сведений о физическом лице, содержащих разнородную информацию, в единую запись, что, по мнению граждан, также несет угрозу интересам общества и государства. В ч. 3 и ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» определено «не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, не совместимых между собой»... «обработке подлежат только персональные данные, которые отвечают целям их обработки» [4]. То есть,

несмотря на обособленное функционирование государственных информационных систем органов государственной власти, будет создана еще одна система, доступ к которой будет предоставлен большому перечню лиц, порядок предоставления данных которым передан частью 7 ст. 11 Закона № 168 на подзаконный уровень, что вызывает дополнительные сомнения граждан в правомерности сбора их персональных данных.

На основании анализа обращений граждан против создания Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации, правомерно выделить те конституционные нормы [1], о нарушении которых заявляли граждане:

- ч. 1 ст. 21 «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» – граждане обеспокоены присвоением каждой записи уникального номера, позволяющего идентифицировать граждан, при этом вызывает противоречия с п. 1 ст. 19 ГК РФ, определяющим имя, включающее фамилию, имя, а также отчество, идентификатором, позволяющим индивидуализировать гражданина, приобретать и осуществлять права и обязанности.
- ч. 1 ст. 24 «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» – граждане отмечают, что Закон предписывает органам государственной власти и перечню организаций обязанность по передаче перечня данных физических лиц, при этом нет указания на необходимость повторного сбора согласия на обработку персональных данных.
- ч. 3 ст. 55 «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

С одной стороны, граждане Российской Федерации обеспокоены ситуацией с возможностью умышленного использования персональных данных в неправомερных целях, с другой стороны, в настоящее время существует Единая система идентификации и аутентификации, в которой аккумулирован большой объем информации о гражданах и которая упрощает процедуру взаимодействия граждан с публично-правовыми институтами в сфере оказания государственных услуг. Несмотря на наличие сбоев в функционировании, Единая система идентификации и аутентификации является эффективным инструментом развития отношений «государство-гражданин». Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении Российской Федерации, до 31.12.2025 находится в переходном периоде, что позволит более точно сформулировать требования к нему, при этом он должен позволить получать полные и достоверные сведения о физи-

ческих лицах, повысить оперативность и качество принимаемых решений в сфере государственного управления.

Следует предположить, что обеспокоенность граждан, вызванная отсутствием конкретной цели создания Единого регистра, приведет к росту количества заявлений в органы внутренних дел по таким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации [2] как ст. 137 «Незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную, семейную тайну, без его согласия», ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации», ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» [8, с. 134]. Информация о том, что основным оператором государственной информационной системы станет Федеральная налоговая служба (должностные лица которой будут иметь доступ ко всем данным граждан, превышающим перечень данных, необходимых для реализации ими своих полномочий), а сама система может быть подвержена кибератакам в связи с наличием полной базы сведений о населении – вот основные причины недовольства граждан предлагаемой системой цифровизации государственного управления [9, с. 137]. Председателем Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи А.Е. Хинштейном даны разъяснения [10], касающиеся функционирования Единого регистра: он будет консолидировать общие данные о гражданине, которыми государство уже располагает, но они не приведены в унифицированный вид, а это позволит сократить сроки оказания услуг для граждан, автоматизировать процессы. А.Е. Хинштейн также отметил, что выбор Федеральной налоговой службы в качестве оператора – преднамеренный шаг, основанный на практике, подтверждающей высокий уровень защищенности данных. Для сведения, 12.08.2020 Федеральной налоговой службой подписан приказ «О создании федеральной государственной информационной системы ведения Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации» [7].

Рассматривая вопрос создания Единого федерального информационного регистра, необходимо отметить, что опасения граждан излишне завышены. Ежедневно граждане оставляют свои персональные данные на многих информационных ресурсах, используют мобильные технологии, позволяющие упростить получение услуг. При этом, отсутствие достаточно высокого уровня доверия к системе государственного управления ставит под сомнение любой шаг государства, который напрямую не отражает получение человеком какой-либо выгоды от нововведения. Реакция населения на инициативы государство говорит о тенденции к изменению уровня правового сознания граждан, к его росту. Однако теперь следует более глубоко погружаться в проблематику, пони-

мать, что федеральное законодательство не может быть направлено на нарушение конституционных прав граждан, необходимо продолжать отслеживать динамику работы над созданием Единого федерального информационного регистра, заявлять о возможных недоработках, прикладывать совместные усилия для улучшения жизни граждан, обеспечения развития государства, в том числе в сфере цифровизации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.
5. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 15.06.2020, № 24, ст. 3742.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2010, № 27, ст. 3552.
7. Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 12.08.2020 № ЕД-7-6/573@ «О создании федеральной государственной информационной системы ведения Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс, URL: <http://www.consultant.ru/>.
8. Зуева А.С., Невьянцева В.А. Вопрос квалификации преступления, совершенного должностным лицом, ответственным за обработку персональных данных // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. С. 132–140.
9. Невьянцева В.А. Проблема научного исследования вопросов, связанных с незаконным использованием персональных данных тре-

тых лиц // 21 century: fundamental science and technology XXII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 3–4. 02.2020. Vol...Morrisville, NC. USA: Lulu Press. 2020. P. 136–138.

10. Хинштейн А.Е. Что такое единый регистр сведений о населении и зачем он необходим [Электронный ресурс] // URL: <http://duma.gov.ru/news/48646>.

UNIFIED FEDERAL INFORMATION REGISTER CONTAINING INFORMATION ABOUT THE POPULATION: ISSUES OF RELEVANCE OF CREATING A SYSTEM AND ENSURING THE PROTECTION OF PERSONAL DATA

Nevyantseva V.A.

State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Moscow State Pedagogical University

The digitalization of society and the state leads to the fact that innovations begin not only to influence the optimization of processes, but also to affect the rights and freedoms of citizens both in a positive and in a negative way. In 2020, a law was adopted to regulate the creation of a system for recording information about the population in the Russian Federation. Despite the fact that it is aimed to ensure the reliability and consistency of information about citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons staying on the territory of the state, the amendments to the legislation caused a public outcry. It is connected with infringement of the right to privacy, concerns about the safety of storage and processing personal data.

Keywords: unified register of information about the population, personal data, public services, constitutional rights of citizens, privacy, digitalization

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020).

2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Article 2954
3. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on June 8, 2020) «On Information, Information Technologies and Information Protection» // Collected Legislation of the Russian Federation, July 31, 2006, No. 31 (1 h.), Art. 3448.
4. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on April 24, 2020) «On Personal Data» // Collected Legislation of the Russian Federation, July 31, 2006, No. 31 (1 h.), Article 3451.
5. Federal Law of 08.06.2020 No. 168-FZ «On the Unified Federal Information Register containing information about the population of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, 15.06.2020, No. 24, Article 3742.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 22.06.2010 No. 14-P «On the case of checking the constitutionality of subparagraph «a» of paragraph 1 and subparagraph «a» of paragraph 8 of Article 29 of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum citizens of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen A.M. Malitsky» // Collected Legislation of the Russian Federation, 05.07.2010, No. 27, Article 3552.
7. Order of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 12.08.2020 No. EED-7–6 / 573 @ «On the creation of a federal state information system for maintaining the Unified Federal Information Register containing information about the population of the Russian Federation» [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus, URL: <http://www.consultant.ru/>.
8. Zueva A.S., Nevyantseva V.A. The question of qualifying a crime committed by an official responsible for the processing of personal data // Bulletin of Moscow University. Series 26. State audit. S. 132–140.
9. Nevyantseva V.A. The problem of scientific research into issues related to the illegal use of personal data of third parties // 21 century: fundamental science and technology XXII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 3–4. 02.2020. Vol ... Morrisville, NC. USA: Lulu Press. 2020. P. 136–138.
10. Khinshtein A.E. What is a unified register of information about the population and why is it needed [Electronic resource] // URL: <http://duma.gov.ru/news/48646>.

Содержание трудового контракта с профессиональным спортсменом

Нетребя Евгений Игоревич,

аспирант, кафедра «Высшая школа правоведения»,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: Ntreba.evgeni@mail.ru

Допуск спортсмена к профессиональным спортивным соревнованиям возможен только при наличии у него трудовых отношений с соответствующей профессиональной спортивной организацией. При заключении трудового контракта стороны должны полагаться на нормы трудового, гражданского законодательства и отраслевых нормативно-правовых актов. При этом спортсмен и его работодатель могут самостоятельно конструировать контракт, который, однако, не может содержать положений, вступающих в противоречие с нормами закона и общими принципами трудового и гражданского права России. Трудовой контракт с профессиональным спортсменом играет важную роль для того, чтобы стало возможным саморегулирование сферы профессионального спорта как вида экономической деятельности. К настоящему времени в отечественной правовой науке изучению проблем правового регламентирования отношений, складывающихся в сфере профессионального спорта, уделено недостаточно внимания.

Ключевые слова: профессиональный спорт, спорт, спортсмен, трудовой договор, трудовые отношения.

В статье 2 Федерального закона «О физической культуре и спорте в РФ» (далее – ФЗ о спорте) профессиональный спорт нормативно определяется как сектор спорта, существующий для реализации деятельности по организации и проведению состязаний среди профессиональных спортсменов, занимающихся командными игровыми видами спорта для получения дохода. Спортсменом при этом признается человек, занимающийся определенным видом спорта и выступающий на соревнованиях спортивной направленности. Допуск спортсмена к профессиональным спортивным соревнованиям возможен только при оформлении у него трудовых правоотношений с тем или иным профессиональным спортивным клубом (другие условия могут быть установлены организатором соревнований для отдельных категорий участников) [1]. К настоящему времени в отечественной правовой науке изучению проблем правового регламентирования отношений, складывающихся в сфере профессионального спорта, уделено недостаточно внимания.

ФЗ о спорте в статье 24 указывается на то, что спортсмен имеет право заключить трудовой контракт со спортивной организацией (клубом, федерацией, лигой и т.п. В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее по тексту работы – ТК РФ) имеется глава 54.1, определяющая особый подход к регулированию труда таких субъектов, как тренеры и спортсмены [2], что дает основания говорить о том, что дискуссии ученых-правоведов по вопросу применимого законодательства в сфере регулирования профессиональной деятельности спортсменов в профессиональном спорте имеет определенное законодательное оформление. Вышеупомянутые законодательные акты свидетельствуют о значимости роли трудового контракта в оформлении отношений с участием спортсменов.

Анализ положений ФЗ о спорте и ТК РФ показывает, что в трудовой контракт со спортсменом включаются следующие базовые элементы: стороны, между которыми заключается контракт; срок, на который он заключается; время работы и отдыха; то, как будет оплачиваться труд спортсмена [3, с. 290]. Законодатель позволяет спортсменам заключать с работодателями срочный (на конкретный срок) трудовой контракт или контракт без определения срока, на который он заключен.

Согласно статье 57 ТК РФ, положениями, которые в обязательном порядке должны быть включены в трудовой контракт со спортсменом, являются:

– место работы (в том числе с указанием наименования и адреса обособленного структурного

подразделения организации, если спортсмен будет работать в филиале либо в представительстве спортивной организации, расположенном не по официальному юридическому адресу);

- функция спортсмена по месту работы, а именно его работа в соответствии с его должностью, установленным работодателем штатным расписанием, профессиональными навыками и специализацией при обязательном указании квалификации и того определенного вида работы, который ему вверен;
- дата, с которой спортсмен должен приступить к выполнению работы, а если трудовой контракт заключается на определенный срок, то необходимо также указать такой срок и обосновать необходимость заключения именно срочного контракта;
- условия, в соответствии с которыми будет рассчитываться и производиться оплата труда спортсмена (включая также суммы, имеющий поощрительный или дополнительный характер);
- режим времени отдыха и времени работы (если применительно к спортсмену, заключающему контракт, он имеет те или иные отличия от общеустановленного у работодателя режима);
- те компенсации и гарантийные выплаты, которые предусмотрены для спортсмена, работающего в условиях труда, представляющих для него опасность или несущих потенциальный вред его здоровью, если он поступает для работы именно в таких условиях (кроме того, в таких случаях контракт должен содержать описание характеристик условий труда, применимых в рабочему месту спортсмена);
- описание условий, которые в конкретных случаях определяют характер подлежащей выполнению работы (в разъездах, подвижной характер и т.п.);
- те условия труда, которые будут созданы для спортсмена на его рабочем месте;
- условие о том, что спортсмен должен будет в обязательном порядке застраховаться, чтобы соблюсти требования трудового и иного федерального законодательства.

Если спортсмен заключает со своим работодателем трудовой контракт, и таком документе отсутствует указание на те или иные из перечисленных выше сведений либо условий, то на данном основании невозможно признать данный контракт незаключенным либо недействительным и, тем более, нельзя расторгнуть его. Чтобы исправить указанные недостатки спортсмен и его работодатель должны дополнительно указать в контракте недостающие условия либо сведения. Для этого те сведения, которых не хватает, должны вноситься непосредственно в текст трудового контракта, а являющиеся недостающими условия подлежат закреплению в приложении к контракту или же в виде отдельного соглашения, которые стороны должны заключить в письменном виде (такое до-

полнительное соглашение приобретает статус неотъемлемой части самого изначально заключенного трудового контракта).

Также в статье 348.2 ТК РФ законодатель указал на то, при заключении трудового контракта со спортсменом в документе всегда должны отражаться нижеперечисленные его условия:

- работодатель должен обеспечить условия для проведения тренировок и для того, чтобы спортсмен мог стать участником спортивных соревнований, находясь по тренерским руководством;
- спортсмен должен не нарушать спортивный режим, определенный его работодателем, и осуществлять все планы, направленные на подготовку к соревнованиям;
- спортсмен может становиться участником спортивных соревнований только на основании решения работодателя;
- спортсмен должен воздерживаться от нарушения антидопинговых правил, установленных в России и на международном уровне, а также регулярно проходить контроль на допинг;
- спортсмен должен воздерживаться от сокрытия информации о том, где он находится в определенный момент, чтобы была обеспечена возможность осуществления контроля на допинг в соответствии с правилами, установленными в России;
- работодатель должен создать возможность для того, чтобы жизнь и здоровье спортсмена были застрахованы, равно как и возможность для медицинского страхования (чтобы при необходимости спортсмен мог получить дополнительные медицинские и иные услуги, которые не охватываются институтом обязательного медицинского страхования) [3, с.290].

Кроме того, при заключении трудового контракта со спортсменом могут оговариваться следующие условия:

- о согласии спортсмена на то, что работодатель передаст его персональные данные и дубликат заключенного между ними контракта в национальную спортивную федерацию по профилю для него виду спорта (если же спортсмен включается в национальную сборную спортивную команду, то он должен дать согласие на передачу указанных данных и документов в исполнительный федеральный орган, который занимается проведением госполитики и нормативно-правовым регулированием в отношениях, складывающихся в области физкультуры и спорта;
- о необходимости использования спортсменом той экипировки в рабочее время, которую ему предоставляет его работодатель;
- о том, что спортсмен должен соблюдать нормативные акты (регламенты и положения), касающиеся проведения соревнований;
- об обязанности спортсмена уведомлять своего работодателя о решении расторгнуть трудовой контракт по своему желанию в тот срок, который прописан в контракте, и в тех случаях,

которые регламентированы в статье 348.12 ТК РФ;

- о том, как и в каком размере спортсмен будет выплачивать работодателю компенсацию, если произойдет расторжение трудового контракта по основаниям, указанным в статье 348.12 ТК РФ [3, с. 290–291].

Очевидно, что перечисленные выше положения трудовых контрактов со спортсменами занимают лишь незначительную часть их содержания (ведь по количеству страниц такие контракты обычно очень объемные), но при этом являются основой контрактов исследуемого вида. В связи с этим целесообразно изучить вопрос о том, нормами какого законодательства регламентируются данные контракты. По мнению В.П. Васькевича, основу данного вида контракта составляют положения трудового законодательства, на основании чего можно заключить, что отношения со спортсменами выстраиваются и опосредуются трудовым контрактом. Кроме того, в такой контракт всегда включаются и занимают важное место нормы гражданского законодательства, а также положения гражданско-правовых договоров, что не противоречит нормам трудового или гражданского законодательства, в частности по той причине, что в п. 1 ст. 421 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) признается свобода заключения договора как за физическими, так и юридическими лицами [4].

Важно отметить, что законодатель признает недопустимым принуждение к заключению любого соглашения, однако такая ситуация все же может иметь место, если в законе прописана обязанность такого заключения (как, в частности, происходит при заключении публичного договора на основании положений п. 3 ст. 426 ГК РФ). Также следует подчеркнуть, что спортсмен и субъект, у которого он трудоустроен, в теории могут заключить друг с другом любое соглашение – как предусмотренное нормами того или иного закона, так и непредусмотренное. Одним из обоснований данному утверждению является указание в ФЗ о спорте на то, что спортсмен имеет лишь право заключать трудовые контракты в том порядке, который определен трудовым законодательством, но никто не может принудить его к реализации данного права и, тем более, превратить данное право в обязанность. Кроме того, спортсмены и клубы имеют право заключать смешанные контракты, которые содержат элементы различных договоров. Таким образом, спортсмен и его работодатель могут самостоятельно конструировать контракт, который, однако, не может содержать положения, вступающие в противоречие с нормами закона, равно как и с общими принципами и смыслом гражданского и трудового законодательства [5].

Содержание трудового контракта со спортсменом (то есть его условия) может складываться на основании соглашения сторон и по их усмотрению, за исключением тех случаев, когда наличие того или иного условия в описываемом документе императивно установлено законодателем в том

или ином нормативно-правовом акте. В частности, в статье 17 главы 4 Правового регламента КХЛ императивно запрещено включать особые условия в стандартный контракт хоккеиста. В частности, согласно данному документу хоккеист не может разорвать контракт и перейти в другую команду, если руководство клуба сменится [6].

Важно подчеркнуть значительную гражданско-правовую составляющую тех договорных конструкций, которые опосредуют профессиональную занятость спортсменов, на основании чего стороны договора не ограничены в свободе усмотрения при согласовании своих интересов и целей. Кроме того, как пишет Е.А. Суханов, они могут свободно решать, какие действия позволят им достичь своих согласованных целей, оформленных в рамках юридически взаимно обязывающей конструкции, реализация которой в случае необходимости может быть принудительной [5, с. 172].

Несомненно, при заключении трудовых контрактов с профессиональными работниками спорта в настоящее время широко применяется такое частноправовое регулирование. Следовательно, можно говорить о саморегулирующемся характере профессиональной спортивной деятельности (как вида экономической деятельности), так как такое саморегулирование признается самым действенным способом обеспечения возможности занятия профессиональным спортом для работников спорта (в том числе и для получения экономической выгоды).

Таким образом, трудовой контракт, который опосредует профессиональную деятельность спортсмена, является в достаточной мере сложной конструкцией, которая объединяет в себе положения не только трудовых, гражданско-правовых, смешанных и непоименованных договоров [7, с. 51]. Основной массив норм и положений в трудовом контракте, заключаемом с работником спорта, занимают положения разного рода регламентов и соглашений спортивных лиг (так называемые корпоративные правовые акты). Трудовые контракты, заключаемые с профессиональными спортсменами, вполне оправданно и справедливо относятся к нетипичным договорам, на основании которых осуществляется договорное регулирование (а если говорить более точно – саморегулирование) профессиональной деятельности работников спорта, реализуемое параллельно с корпоративным регулированием.

Литература

1. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета, 08.12.2017, № 276.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета, 31.12.2001, № 256.
3. Васькевич В.П. Современные договорные конструкции в профессиональной деятельности

спортсмена // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 286–300.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2020) // Российская газета, 08.12.1994, № 238–239.
5. Гражданское право: В 4 т. Т. 3: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 330 с.
6. Регламент Континентальной хоккейной лиги: утвержден Советом директоров ООО «КХЛ»; протокол № 75 от 14.07.2017 (ред. от 27.02.2020). [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.khl.ru/documents/KHL_legal_regulations_2019.pdf.
7. Васькевич В.П. О договорном регулировании профессиональной спортивной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1. С. 47–52.

CONTENT OF THE EMPLOYMENT CONTRACT WITH A PROFESSIONAL ATHLETE

Netreba E.I.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

An athlete can only be admitted to professional sports competitions if he or she has an employment relationship with the relevant professional sports organization. When entering into an employment contract, the parties must rely on the norms of labor law, civil law and sector regulations. At the same time, the athlete and his or her employer can independently design a contract, which, however, must

not contradict legislative prohibitions, comply with the general principles and meaning of both labor and civil legislation of the Russian Federation. An employment contract with a professional athlete plays an important role in the processes of self-regulation of professional sports activity as an economic activity. To date, insufficient attention has been paid to the study of the issues of legal regulation of relations in the field of professional sports in domestic legal science.

Keywords: professional sports, sports, sportsman, employment contract, labor relations.

References

1. Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» dated December 4, 2007 No.329-FZ (as amended on July 31, 2020) // Rossiyskaya Gazeta, December 8, 2017, No. 276.
2. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No.197-FZ (as amended on July 31, 2020) // Rossiyskaya Gazeta, December 31, 2001, No. 256.
3. Vaskevich V.P. Modern contractual structures in the professional activity of an athlete // Perm Legal Almanac. 2020. No.3. P. 286–300.
4. Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No.51-FZ (as amended on July 31, 2020) // Rossiyskaya Gazeta, December 8, 1994, No.238–239.
5. Civil law: In 4 volumes. Vol. 3: Obligation law / Editor – E.A. Sukhanov. Moscow: Walters Kluver, 2005. 330 p.
6. Regulations of the Kontinental Hockey League: approved by the Board of Directors of KHL LLC; protocol No.75 dated July 14, 2017 (as amended on February 27, 2020). [Electronic document]. Access mode: http://www.khl.ru/documents/KHL_legal_regulations_2019.pdf.
7. Vaskevich V.P. On contractual regulation of professional sports activity // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. No.1. P. 47–52.

Огай Сан Ди Эрикович,

аспирант, кафедра: «Высшая школа правоведения»,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: sundi1996@mail.ru

В статье исследовано правовое положение суррогатного материнства в РФ. В настоящее время договор суррогатного материнства четко не зафиксирован законом, а правоведы, в свою очередь, проводят жаркие дискуссии о его юридической природе. Сделан вывод о существовании проблем в правовом регулировании рассматриваемого института и необходимости совершенствования законодательства в сфере правового регулирования суррогатного материнства. Семья выступает в качестве непростого общественно-социального феномена, вопросы которого на сегодняшний день не нашли своего полного отражения на законодательном уровне. В России правовое регулирование рассматриваемого института является одним из самых демократических по сравнению с другими государствами. На законодательном уровне довольно отчетливо и ясно зафиксированы права сторон договора суррогатного материнства, при том, что еще не сложилась правоприменительная практика в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: суррогатное материнство, биологические родители, суррогатная мать, отказ от ребенка, ребенок, гражданско-правовой договор.

Из года в год услугами суррогатных матерей пользуются все больше не только семейных пар, но и одиноких граждан. В связи с популярностью такой услуги возрастают и проблемы в правовом регулировании, в частности между генетическими родителями и суррогатной матерью.

Суррогатное материнство помимо СК РФ [2] регулируется Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4].

Как указано в семейном законодательстве, прибегнуть к услугам суррогатной матери имеют право только супружеские пары, которые находятся в официальном браке, в свою очередь Законом № 323-ФЗ, регламентируется право как одиноких граждан (мужчин или женщин), так и пар, которые официально не зарегистрировали свой брак воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями.

В соответствии с действующим законодательством возраст женщины, которая может стать суррогатной матерью должен быть двадцать – тридцать пять лет, при этом она должна уже иметь не менее одного здорового ребёнка, а также состояние её здоровья должно быть удовлетворительным и подтверждаться медицинским заключением.

Одним из требований, которые предъявляются к суррогатным матерям – согласие супруга суррогатной матери в письменной форме на участие в программе, а также условие о том, что женщина не должна быть наряду с этим донором яйцеклетки.

В договоре суррогатного материнства участвуют две стороны: потенциальные (биологические родители) и суррогатная мать. В некоторых случаях сторонами могут являться также и медицинская организация.

Договор является консенсуальным. Также рассматриваемый договор является многосторонней сделкой. В законе не определены четкие и конкретные требования к форме договора, однако он должен быть заключен исключительно в письменной форме, поскольку в нем должны быть указаны такие условия, как оплата, ответственность сторон и т.д.

На усмотрение сторон, в договоре может быть отдельно подробно предусмотрена ответственность сторон по договору, так как рассматриваемый договор является двусторонне обязывающей сделкой.

Представляется, что договор суррогатного материнства нельзя причислить с уверенностью к определенному виду договоров, поскольку он является смешанным и включает условия и составляющие других договоров.

Одновременно со сказанным, семейным законодательством, в частности п. 3 ст. 52, запрещается оспаривать факт отцовства в случае, если он знал, что ребенка вынашивает суррогатная мать. Права оспаривать также не подлежат и биологической матери, а также суррогатной матери.

Данные о суррогатной матери не фиксируются в свидетельстве о рождении ребенка. Если же суррогатная мать не согласна отдать ребенка потенциальным родителям, последние имеют право обратиться в суд.

Отсутствие единого закона, раскрывающего смысл основных понятий, регламентирующего правовой статус сторон по договору суррогатного материнства, приравнивает договор в рассматриваемой сфере к числу алеаторных договоров.

Рассматриваемый договор имеет некоторые сходства с договором возмездного оказания услуг. Также договор можно приравнять к «непоименованным» сделкам.

В том случае, если суррогатная мать откажется отдавать ребенка потенциальным родителям, можно говорить о невыполнении ею условий договора на основании ст. 782 ГК РФ. И в данном случае, она должна возместить биологическим родителям все убытки, которые они понесли во исполнение договора суррогатного материнства.

Важно указать, что ребенок по договору не является и никак не может быть предметом договора, поскольку в данном случае им выступает именно услуга по вынашиванию и рождению ребенка потенциальным родителям [5, с. 80].

Договор заключается, главным образом, для того, чтобы создать удобные условия для вынашивания ребенка суррогатной матерью и восстановления её после родов. Поэтому в договоре необходимо зафиксировать условие на случай отказа суррогатной матерью отдать ребенка потенциальным родителям о том, что она в этом случае лишается всех денежных выплат и должна возместить все расходы биологическим родителям.

Следует сделать вывод, что рассматриваемый договор должен носить исключительно гражданско-правовой характер, поскольку лишь в этом случае суррогатная мать может понять всю договорную ответственность перед потенциальными родителями.

Одновременно со сказанным отметим, что приоритетный характер интересов суррогатной матери может быть результатом возникновения случаев лишения ребенка возможности жить и воспитываться в полной семье, а также, по сути, лишения родительских прав фактических мать и отца ребенка. В связи с этим при применении данных норм на практике зачастую возникают коллизии интересов, которые разрешаются различными способами. У правоприменителей не имеется единой точки зрения по данному вопросу.

Коллизии в семейном законодательстве и Законе № 323-ФЗ формируют некоторые преграды в ходе оформления и регистрации ребенка от суррогатной матери для одиноких женщин и пар, ко-

торые официально не состоят в браке. Эти лица получают отказ и обращаются в суд, который принимает решение о регистрации ребенка, родившего суррогатной матерью [6, с. 11].

Законодательство сегодня на первый план ставит защиту и охрану законных прав суррогатной матери. Это происходит вследствие того, что при рождении ребенка исключительно суррогатная мать имеет права на ребенка как родительница, несмотря на то, что она не является кровным родственником для ребенка.

На законодательном уровне довольно отчетливо и ясно зафиксированы права сторон договора суррогатного материнства, при том, что еще не сложилась правоприменительная практика в рассматриваемой сфере.

Порядок регистрации детей регламентируется Законом «Об актах гражданского состояния», согласно которому при регистрации ребенка потенциальным родителям нужно предоставить органу ЗАГСа документ, указывающую на то, что ребенок был зачат именно искусственным путем и что был рожден именно при участии супружеской пары в Программе. Одновременно со сказанным, суррогатная мать должна подписать согласие о том, чтоб потенциальные родители официально стали родителями ребенка [8, с. 133].

Поскольку как было сказано, суррогатная мать может отказаться отдать ребенка потенциальным родителям, который по генам ей будет не родным, при этом на законных основаниях будет являться его матерью.

Указанная ситуация происходит вследствие того, что на законодательном уровне рожденный ребенок не рассматривается как субъект договора. Вследствие этого право на ребенка потенциальным родителям отстоять довольно сложно.

Также проблемой является тот факт, что в законе не урегулирована ситуация отказа от ребенка обеими сторонами (суррогатной матерью и биологическими родителями), поскольку в законе не имеется обязанности генетических родителей записать в свидетельстве о рождении ребенка себя. В данном случае и суррогатная мать может возразить против своего материнства, доказав, что рожденный ею ребенок генетически не ее [7, с. 133].

Таким образом, использование услуги суррогатной матери в последнее время является весьма актуальной процедурой. Поэтому важно принять закон, который непосредственно бы регулировал правоотношения по суррогатному материнству и который бы в полной мере защищал прав и интересы сторон по сделке [8, с. 29].

В указанном законе необходимо указать положение, согласно которому родителями ребенка являются те лица, биологические материалы которых были использованы в ходе суррогатного материнства.

Также представляется верным согласиться с рядом правоведов, которые предлагают выделить договор суррогатного материнства в отдель-

ную главу ГК РФ, которая бы в полном объеме регламентировала и содержала нормы о правовом статусе каждой стороны сделки. Указанные правовые нормы должны послужить должному и законному исполнению сторонами условий договора, защищать их права и что наиболее главное – гарантировать права ребенку.

Модель регламентирования семейных отношений, которая существует в России, говорит о необходимости приоритетной охраны именно интересов ребенка в случае возникновения любых спорных отношений.

Можно сделать вывод о том, что, несмотря на весьма позитивное отношение законодателя к рассматриваемому институту (главным образом, предоставление гражданам РФ нормативно закрепленной возможности по заключению договора суррогатного материнства как атипичной договорной конструкции), отношение к морально-этической стороне проблемы также остается весьма спорным. Об этом свидетельствуют многочисленные инициативы по запрещению суррогатного материнства, которые, все же, не находят должной поддержки в законодательных органах государства.

Представляется, что должен пройти еще весьма продолжительный промежуток времени, прежде чем все споры авторов по поводу суррогатного материнства будут однозначно урегулированы и перестанут быть причиной конфронтаций между правозащитниками.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.
5. Бачернихина М.В., Бондарева Д.А. Проблемные вопросы правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // Пенитенциарное право: юридическая те-

ория и правоприменительная практика. 2019. № 1 (19). С. 80–82.

6. Божко А.П., Греченкова О.Ю. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России // Проблемы и перспективы становления гражданско-правового общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2020. С. 11–14.
7. Гокунь Ю.С. Правовое регулирование суррогатного материнства // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 133–140.
8. Ланшаков А.А. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России // Science Through the Prism of Time. 2020. № 3 (36). С. 29–32.

LEGAL STATUS OF SURROGACY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ogay San Di E.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article examines the legal status of surrogacy in the Russian Federation. Currently, the surrogacy contract is not clearly defined by law, and legal experts, in turn, conduct heated discussions about its legal nature. It is concluded that there are problems in the legal regulation of the institution under consideration and the need to implement legislation in the field of legal regulation of surrogacy. The family acts as a complex socio-social phenomenon, the issues of which have not yet been fully reflected at the legislative level. In Russia, the legal regulation of this institution is one of the most democratic in comparison with other States. At the legislative level, the rights of the parties to the surrogacy agreement are quite clearly and clearly fixed, despite the fact that law enforcement practice in this area has not yet developed.

Keywords: surrogacy, biological parents, surrogate mother, refusal of the child, child, civil contract.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS «ConsultantPlus».
2. Family code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 01.01.1996. No. 1. Article 16.
3. Civil code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 29.01.1996. No. 5. Article 410.
4. Federal law No. 323-FZ of 21.11.2011 «On the basics of public health protection in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 28.11.2011. No. 48. St. 6724.
5. Bachernikhina M. V., Bondareva D.A. Problematic issues of legal regulation of surrogate motherhood in the Russian Federation // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2019. No. 1 (19). Pp. 80–82.
6. Bozhko A. P., Grechenkova O. Yu. problems of legal regulation of surrogate motherhood in Russia // Problems and prospects of civil law society formation: collection of articles of the International scientific and practical conference. 2020. P. 11–14.
7. Gokun Yu.S. Legal regulation of surrogate motherhood // Questions of Russian justice. 2019. No. 4. P. 133–140.
8. Lashakov A. A. problems of legal regulation of surrogate motherhood in Russia // Science Through the Prism of Time. 2020. No. 3 (36). pp. 29–32.

Сравнительно-правовой анализ регулирования отношений с участием интеллектуальных систем в отдельных правовых семьях

Павлов Иван Сергеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»

E-mail: Pavlov-rubinsky@mail.ru

В статье проведен сравнительно правовой анализ регулирования отношений с участием интеллектуальных систем в отдельных правовых семьях. Автор рассматривает особенности регулирования указанных отношений в таких отраслях, как гражданское, конституционное и уголовное право. В работе отмечено, что эпоха цифровизации оказывает косвенное влияние на толкование прав человека, исследуется также фактическое участие искусственного интеллекта в различных общественных отношениях, признание искусственного интеллекта как субъекта права, а также необходимость внесения изменения в правовую доктрину с учетом возможностей, предоставляемых искусственным интеллектом. С позиций науки уголовного права рассматриваются подходы к закреплению вопросов регулирования ответственности за вред, причиненный с участием искусственного интеллекта. По результатам исследования был сделан вывод о том, что на сегодняшний день технологии искусственного интеллекта постоянно усложняются, по этой причине контролировать деятельность интеллектуальных систем человеку становится все сложнее. Указанное обстоятельство требует правового осмысления вопроса, связанного с ответственностью и правосубъектностью искусственного интеллекта. Представители отдельных правовых семей на сегодняшний день не пришли к единому мнению относительно правового статуса искусственного интеллекта, однако указанный вопрос постоянно обостряется по причине совершенствования информационных технологий и усложнения функционала искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальные системы, правовые семьи, правосубъектность, объект права.

Современный этап развития искусственного интеллекта требует существенной модернизации существующего законодательства. Как считают правоведы, именно право должно регулировать протекание ряда технологических процессов, «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий» [4].

Конституционное право любой страны регламентирует ее общественный строй, а также основы государственного управления. Сегодня происходит цифровизация отношений во всем мире, соответственно, пересмотра требует конституционное регулирование отношений в том и ли ином государстве.

Некоторые страны уже инициировали процесс разработки дополнений в Конституции, связанных с цифровыми правами личности. Так, во Франции в 2016 году был принят Закон «О цифровой Республике». В последние три года в этой стране публично обсуждается необходимость внесения изменений, связанных с цифровой трансформацией, в ряд законодательных актов [1].

На уровне органов управления страной рассматривается ряд законопроектов в рамках изучаемого вопроса. Так, депутат А.А. Рафан в январе 2020 года предложил Национальному собранию Франции принять Хартию искусственного интеллекта и алгоритмов. Данный документ был передан на рассмотрение в парламентский комитет по конституционному законодательству. Данный законопроект был основан на положении о том, современные информационные технологии сегодня выступают как часть мышления человека, поэтому необходимо разработать новый конституционный закон, регулирующий отношения в данной области. Ссылку на такой закон необходимо прописать в преамбуле Конституции Франции.

Что касается содержания такого закона, то в него должны быть включены положения об обязательном аудите систем искусственного интеллекта, о мероприятиях, способствующих предотвращению злонамеренных манипуляций в области цифровых технологий. Под действие закона, согласно мысли разработчиков, попадают и виртуальные, и киберфизические интеллектуальные системы. В качестве лица, ответственного за действия таких систем, выступает ее «законный представитель», в качестве которого позиционируется на юридическое или физическое лицо, использующее такую систему.

Соответственно, цифровизация общества вызвала к жизни процесс формирования нового пра-

ва, регулирующие отношения с участием искусственного интеллекта.

Эпоха цифровизации также оказывает косвенное влияние на толкование прав человека. Б.П. Немиц, профессор права европейского колледжа, отмечает, что в связи с динамичным внедрением искусственного интеллекта в повседневную жизнь, необходимо отграничить этические и правовые отношения, связанные с данным явлением [11].

Влияние искусственного интеллекта на современное общество уже настолько высоко, что возникает ряд проблем, связанных с фактическим участием искусственного интеллекта в различных общественных отношениях, с признанием искусственного интеллекта как субъекта права, а также с тем, как внести изменения в правовую доктрину с учетом возможностей, предоставляемых искусственным интеллектом.

Представители практически всех правовых семей считают, что должны быть сформированы новые правовые комплексные институты, которые будут регулировать права искусственного интеллекта, его ответственность, а также ряд этических вопросов в рамках исследуемой проблемы. Однако, как считает Г. Гаджиев, судья Конституционного Суда РФ, нет никакой необходимости включать в основной закон государства разделы, связанные с искусственным интеллектом [4].

Также широко обсуждается проблема, связанная с морально-этической стороной определения правосубъектности искусственного интеллекта. В рамках развития данной проблемы обсуждается вопрос, имеет ли человек моральное обязательство предоставлять искусственному интеллекту правосубъектность? Однако большинство правоведов приходит к выводу, что у интеллектуальных систем отсутствует большее количество общих с людьми характеристик, и это дает право не признавать искусственный интеллект субъектом права.

Соответственно, относительно придания искусственному интеллекту правосубъектности большинство представителей правовых семей мира единодушны в том, что такая правосубъектность не допустима. Однако относительно необходимости внесения в законодательство изменений, связанных с возможностями искусственного интеллекта, мнения правоведов в основном позитивные.

Некоторые страны достаточно активно внедряют машинное обучение и использование искусственного интеллекта в законотворчестве. В частности, правительство Италии реализует проект Datafication, в рамках которого осуществляет оцифровку правовых актов и отслеживание частоты применения нормативных правовых актов.

В ряде стран упор сделан на создание машиночитаемого права для повышения уровня обработки правовых актов соответствующим программным обеспечением. Среди первых законов, при создании которого был реализован принцип машиночитаемости, можно назвать Закон США

об открытых данных правительства от 14 января 2019 года. Рассмотренный принцип также реализуется сегодня в таких странах, как Германия, Великобритания, Новая Зеландия и пр.

В России также реализуется концепция машиночитаемого права, предусмотренная программой «Цифровая экономика Российской Федерации», для чего технологии искусственного интеллекта используются для поэтапной автоматизации отдельных процессов нормотворчества.

Уголовно-правовые отношения, связанные с разработкой и применением искусственного интеллекта, также широко рассматриваются в отдельных правовых семьях. И здесь на первый план выходит проблема ответственности за действия искусственного интеллекта. Необходимо отметить, что уголовно-правовая наука некоторым образом запаздывает в области реагирования на изменяющиеся общественные отношения, связанные с эксплуатацией достижений науки и техники представителями преступного мира [3].

Правоведы нашей страны считают, что необходимо внести в УК РФ новый состав преступления, совершая которые, преступники в корыстных целях используют искусственный интеллект. Существуют также мнения относительно необходимости в будущем, в случае значительного усовершенствования искусственного интеллекта, признать его субъектом преступления. На сегодняшний же день искусственный интеллект выступает в качестве способа совершения преступлений, им ответственность в данном случае возлагается на лицо, его создавшее или применившее для совершения преступления.

Иностранные правовые доктрины подходят к проблеме уголовной ответственности за преступление, совершенное с участием искусственного интеллекта, с позиции поиска ответа на вопрос, каковы будут действия с позиции права, если в результате неправомерных действий искусственного интеллекта погиб человек, или его здоровью причинен существенный вред [7].

Израильский правовед Г. Халлеви считает, что необходимо разработать специальную теорию уголовной ответственности за действия искусственного интеллекта, предполагающую солидарную ответственность лиц, его создавших, и лиц, его эксплуатирующих. Объективная сторона преступления, по мысли автора, выходит здесь на первый план: необходимо дать оценку поведению лица, которое имеет связь с деятельностью искусственного интеллекта и которое ненадлежащим образом исполняло свои обязанности по отношению к чему, в результате чего возник тот или иной вред, причиненный искусственным интеллектом. Если не будет доказано, что рассматриваемое лицо не нарушило свои обязанности по отношению к искусственному интеллекту, то необходимо исключить уголовную ответственность в отношении такого лица [9].

Специалисты различных правовых семей признают, что уголовно-правовое регулирование от-

ношений с участием искусственного интеллекта необходимо в следующих ситуациях:

- разработчик системы искусственного интеллекта совершил ошибку, в последствии приведшую к совершению последним преступления;
- по причине несанкционированного доступа была проведена модификация или осуществлено повреждение ее функционала, результатом чего стало совершение преступления;
- преступление совершено непосредственно искусственным интеллектом, который, обладая способностями к самообучению, принял преступное решение самостоятельно;
- создание искусственного интеллекта было инициировано преступниками непосредственно для совершения преступления [6].

Все вышеуказанное позволяет говорить, что проблема уголовной ответственности за преступления с участием искусственного интеллекта стоит достаточно остро, однако на сегодняшний день в мировой юридической теории и практике отсутствуют критерии, в соответствии с которыми можно было бы осуществить правовую оценку действий субъекта преступления.

Таким образом, на сегодняшний день технологии искусственного интеллекта постоянно усложняются, по этой причине контролировать деятельность интеллектуальных систем человеку становится все сложнее. Указанное обстоятельство требует правового осмысления вопроса, связанного с ответственностью и правосубъектностью искусственного интеллекта. Представители отдельных правовых семей на сегодняшний день не пришли к единому мнению относительно правового статуса искусственного интеллекта, однако указанный вопрос постоянно обостряется по причине совершенствования информационных технологий и усложнения функционала искусственного интеллекта.

Литература

1. Аверинская С.А., Севостьянова А.А. Создание искусственного интеллекта с целью злонамеренного использования в уголовном праве Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 2. С. 94–96.
2. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 79–91.
3. Денисов Н.Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18–20.
4. Конституция не будет защищать искусственный интеллект – судья КС Гаджиев. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292414283.html (дата обращения: 20.10.2020)
5. Козаев Н.Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 1. С. 96–101.
6. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 173–178.
7. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 461–476.
8. Огородникова И.И. Цифровая трансформация налогового контроля: эволюция и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 46. С. 152–162.
9. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564–574.
10. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 197–206.
11. Nemitz P. Constitutional Democracy and Technology in the Age of Artificial Intelligence. Philosophical Transactions of the Royal Society. Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 18 August 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3234336 (дата обращения: 20.10.2020)

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF REGULATION OF RELATIONS INVOLVING INTELLECTUAL SYSTEMS IN INDIVIDUAL LEGAL FAMILIES

Pavlov I.S.

Ural state law University

The article presents a comparative legal analysis of the regulation of relations involving intellectual systems in individual legal families. The author examines the peculiarities of regulating these relations in such areas as civil, constitutional and criminal law. The paper notes that the era of digitalization has an indirect impact on the interpretation of human rights, also examines the actual participation of artificial intelligence in various public relations, the recognition of artificial intelligence as a subject of law, as well as the need to make changes to the legal doctrine, taking into account the opportunities provided by artificial intelligence. From the standpoint of the science of criminal law, approaches to fixing the issues of regulating liability for damage caused with the participation of artificial intelligence are considered. According to the results of the study, it was concluded that today artificial intelligence technologies are constantly becoming more complex, for this reason, it is becoming increasingly difficult for a person to control the activity of intelligent systems. This circumstance requires a proper understanding of the issue related to the responsibility and legal personality of artificial intelligence. To date, representatives of individual legal families have not come to a consensus on the legal status of artificial intelligence, but this issue is constantly becoming more acute due to the improvement of information technologies and the complexity of the functionality of artificial intelligence.

Keywords: intellectual systems, legal families, legal personality, object of law.

References

1. Averinskaya S. A., Sevostyanova A.A. Creation of artificial intelligence for the purpose of malicious use in the criminal law of the Russian Federation // Law and law. 2019. No. 2. Pp. 94–96.
2. Begishev I. R., Latypova E. Yu., Kirpichnikov D.V. Artificial intelligence as a legal category: a doctrinal approach to the development of definitions // Actual problems of Economics and law. 2020. Vol. 14. No. 1. Pp. 79–91.
3. Denisov N.L. Conceptual basis for the formation of an international standard for establishing criminal liability for acts related to artificial intelligence // International criminal law and international justice. 2019. no. 4. P. 18–20.
4. the Constitution will not protect artificial intelligence-judge KS Gadzhiev. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292414283.html (date accessed: 20.10.2020)
5. Kozaev N. sh. State of criminal policy and issues of overcoming crisis phenomena in criminal law // Legal Bulletin of the DSU. 2016. no. 1. Pp. 96–101.
6. Kibalnik A. G., Volosyuk P.V. Artificial intelligence: questions of criminal law doctrine awaiting answers // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry. 2018. no. 4. Pp. 173–178.
7. Mosechkin I.N. Artificial intelligence and criminal responsibility: problems of formation of a new type of crime subject // Bulletin of the Saint Petersburg University. Right. 2019. no. 3. Pp. 461–476
8. Ogorodnikova I.I. Digital transformation of tax control: evolution and trends // Bulletin of Tomsk state University. Economy. 2019. No. 46. Pp. 152–162.
9. Hisamova Z. I., Begishev I.R. Criminal liability and artificial intelligence: theoretical and applied aspects // All-Russian criminological journal. 2019. Vol. 13. no. 4. C. 564–574.
10. Shestak V. A., Volevodz A.G. Modern needs of legal support for artificial intelligence: a view from Russia // All-Russian criminological journal. 2019. Vol. 13. No. 2. Pp. 197–206
11. Nemitz P. Constitutional Democracy and Technology in the Age of Artificial Intelligence. Philosophical Transactions of the Royal Society. Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 18 August 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3234336 (accessed: 20.10.2020)

Финансово-экономическое обеспечение органов внутренних дел в начале 1920-х годов: историко-юридический аспект

Салмина Светлана Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
экономической теории и регионального развития
Челябинского государственного университета
E-mail: salmina_1969@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблем финансово-экономического обеспечения органов внутренних дел в начале 1920-х годов. Источниковую базу исследования составили архивные документы тех лет. Всесторонний анализ архивных источников позволяет выявить, каким образом переход страны к новой экономической политике отразился на экономическом положении милиции. При переходе к нэпу был объявлен курс на сокращение расходов на содержание государственного аппарата. В целях экономии государственного бюджета органы внутренних дел были переведены на финансирование из местных бюджетов. Данная мера оказала весьма пагубное влияние на социально-экономическое положение молодой советской милиции. Уровень жизни сотрудников опустился ниже прожиточного минимума. Для того чтобы сохранить милицию как орган охраны правопорядка была введена система премирования и социальной поддержки ее сотрудников. Несмотря на тяжелое экономическое положение, именно в те годы зародилась практика материального стимулирования наиболее отличившихся сотрудников и сотрудников оперативных служб.

Ключевые слова: органы внутренних дел, материальное положение, новая экономическая политика, государственный аппарат, стимулирование, премирование.

Создание нового государственного механизма в период становления советской власти было связано с массой экономических, социальных и организационных проблем. Одно из важнейших звеньев советской государственности составляли органы внутренних дел. Ликвидация царской полиции и создание милиции в период становления советской власти потребовали решения вопросов, связанных с материально-техническим оснащением милиции и финансовым обеспечением ее сотрудников. В начале 1920-х годов выяснилось, что в целях эффективного функционирования правоохранительных органов, в том числе, милиции необходимо материальное стимулирование работников.

В соответствии с резолюцией XI съезда партии «О финансовой политике» весной 1922 года повсеместно начал осуществляться перевод содержания милиции на местные бюджеты [3]. Эта мера крайне негативно отразилась на экономическом положении органов внутренних дел, которое и без того оставляло желать лучшего. Средства местных бюджетов были настолько скудными, что не позволяли удовлетворить даже самые насущные потребности правоохранительных структур. Практика длительных задержек заработной платы работникам милиции получила широкое распространение во всех регионах страны.

Таким образом, курс по сокращению расходов на содержание государственного аппарата, объявленный при переходе к новой экономической политике, пагубно отразился на уровне доходов сотрудников милиции и, как следствие, на показателях борьбы с преступностью.

Судя по архивным документам, материальное положение сотрудников милиции, работавших в сельской местности, зачастую обстояло более благоприятно, нежели у их коллег из губернских и уездных городов. Проживавшие в сельской местности милиционеры, как правило, имели собственные подсобные хозяйства и могли рассчитывать на определенный, хотя и весьма скромный материальный достаток. В городах такой возможности не было, и сотрудникам милиции приходилось довольствоваться заработной платой, уровень которой был чрезвычайно низким. Следует отметить, что в других советских учреждениях при значительно меньшем объеме работы и уровне ответственности ставки заработной платы были намного выше, нежели в милиции.

Например, весной 1923 года рядовой делопроизводитель Южуралтреста получал 1.200–1.500 рублей в месяц, в то время как помощник

начальника Челябинской городской уездной милиции – 376 рублей в месяц, а рядовой милиционер – 178 рублей в месяц [7]. Работники исполкомов также имели оклады, в три-четыре раза превышающие оклады рядовых сотрудников органов внутренних дел. Так, заработная плата конюха коммунального отдела исполкома составляла 720 рублей в месяц, а конюха милиции – 155 рублей в месяц [7]. Аналогичная разница наблюдалась в оплате по параллельным должностям между органами охраны правопорядка и гражданскими организациями.

Высказывание начальника городской уездной милиции небольшого уральского города Златоуста Г.Н. Холодилина ярко иллюстрирует сложившуюся ситуацию: «Насколько сознателен не был бы человек, он никак не сможет отделаться от горького чувства обиды, когда видит, что по другим учреждениям, при меньшей работе, меньшей ответственности люди получают ставки гораздо выше» [8]. Таким образом, принцип социальной справедливости был нарушен по отношению ко всем сотрудникам милиции того времени.

Кроме того, им приходилось испытывать катастрофический дефицит продовольствия, спецтехники, транспорта, канцелярских принадлежностей, обмундирования, нехватку денежных средств на оплату освещения и отопления. Учитывая, что реальная продолжительность рабочего дня сотрудников органов внутренних дел, как правило, составляла 12–16 часов, в осенне-зимний период они трудились при скудном освещении, в холодных мало отапливаемых помещениях. Транспорта для выездов на осмотры мест происшествий практически никогда не хватало, и милиционеры добирались до отдаленных районов либо пешком, либо за собственный счет.

Все эти обстоятельства вызывали у работников милиции низового и среднего звена критическое отношение к организации деятельности самой правоохранительной системы, а также порождали пессимистические настроения и массовый отток из милиции тех, кто в силу своего образования, индивидуальных способностей и личных деловых качеств мог рассчитывать на иной источник дохода.

Архивные документы свидетельствуют о том, что руководители органов внутренних дел губернского и городского звена неоднократно предостерегали партийное руководство от ситуации жесткого кадрового дефицита, в особенности, от дефицита квалифицированных кадров, имеющих юридическое образование, соответствующий опыт работы и профессиональную подготовку. Возникла настоятельная необходимость материального стимулирования оставшихся в милиции профессионалов и просто добросовестных сотрудников, искренне болевших за дело борьбы с преступностью. В действительности, если руководители высшего звена получили высшее юридическое образование до революции, то среди руководителей среднего звена людей, имеющих высшее,

пусть даже не профильное образование, практически не было. По воспоминаниям очевидцев, профессиональные знания, умения и навыки они приобретали непосредственно на рабочих местах.

Рядовые сотрудники, будучи выходцами из рабоче-крестьянских слоев населения, в начале 1920-х годов в подавляющем большинстве еще оставались неграмотными и малограмотными. Документы тех лет показывают, что, несмотря на практически полное отсутствие профессиональных навыков, у них было желание учиться и, главное, – приносить реальную пользу делу борьбы с преступностью.

Испытывая нужду в самом необходимом, часто не имея возможности прокормить семью, сотрудники милиции были вынуждены заниматься поиском дополнительного заработка. Руководство прокурорского ведомства, осуществляющее надзор за деятельностью органов внутренних дел, находилось в курсе ситуации. Искренне желая оказать позитивное влияние на ситуацию, губернские прокуроры направляли в наркомат юстиции, которому в то время подчинялась прокуратура, эмоциональные письма с подробным описанием бедственного положения сотрудников милиции. Так, осенью 1922 года прокурор Челябинской губернии Д.Ф. Татаркин, который руководил организацией прокуратуры на территории Южного Урала, информировал наркомат юстиции о том, что южно-уральские милиционеры, не получавшие заработной платы почти полтора месяца, создали артель по заготовке дров [9].

Аналогичная ситуация наблюдалась в начале 1920-х годов по всей стране. Ведущее печатное издание наркомата юстиции Еженедельник советской юстиции публиковал отрывки из писем, которые приходили с мест от прокуроров и начальников милиции.

Не только руководители прокуратуры и милиции, но и высокопоставленные представители партийных инстанций констатировали в своих отчетах тот факт, что далее «так продолжаться не может» [8]. Как отмечал секретарь Челябинского губернского комитета партии, «вместо того чтобы заниматься исполнением своих прямых обязанностей, сотрудники органов внутренних дел заняты поиском дополнительного заработка» [9].

Между тем, перед милицией тех лет стояли весьма нелегкие задачи – прежде всего, по борьбе с общеуголовной преступностью. Неблагоприятная экономическая ситуация в стране, связанная с последствиями гражданской войны, хозяйственной разрухи, сломом старого государственного аппарата, общим обнищанием широких масс населения вызвала практически неконтролируемый рост тяжких и особо тяжких уголовных преступлений. Поэтому убийства, грабежи, разбои, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести и так далее были суровой реальностью начала 1920-х годов. В то время начала складываться практика материального стимулирования сотрудников органов внутренних дел, были пред-

приняты первые попытки их социальной защиты, столь необходимые для эффективного выполнения профессиональных задач и функциональных обязанностей милиции. Особо отличившиеся сотрудники стали получать денежные премии, были освобождены от оплаты коммунальных услуг, сотрудники уголовного розыска приобрели право на дополнительные денежные выплаты. Своевременная реализация комплекса этих мер позволила удержать в органах внутренних дел ценных практических работников и способных руководителей. Однако для кардинального решения проблем финансово-экономического обеспечения сотрудников милиции был необходим перевод содержания милиции на общегосударственный бюджет, осуществившийся только в 1931 году.

Литература

1. Абрамовский, А.П., Кобзов, В.С., Вериге, Е.А. Челябинский областной суд 70 лет. Исторический очерк. – Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 2004. – 174 с.
2. Беда, А.М., Борисов, А.В., Дугин, А.Н., Малыгин, А.Я., Мулукаев, Р.С., Некрасов, В.Ф., Скрипильев, А.Е., Суслов, В.М. Полиция и милиция России: страницы истории. – М.: Изд-во «Наука», 1995. – 318 с.
3. Вепрев, О.В., Лютов, В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск: Юж.-Урал.кн.изд-во, 2002. – 448 с.
4. Коржихина, Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. Учебник для вузов по специальности «История». – М.: РГГУ, 1994. – 418 с.
5. Милиция Челябинской области 1802–2002. Страницы истории /Под ред.Д.В.Смирнова. – Челябинск: Изд-во ГУВД Челябинской области, 2002. – 447 с.
6. Некрасов, В.Ф. МВД России. Энциклопедия. – М.: Объединенная редакция МВД России; Олма-Пресс, 2002. – 624 с.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-77. Оп.1. Д.732. Л.42.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-10. Оп.1. Д.98. Л.7.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-77. Оп.1. Д.515. Л.10.
10. Рассказов, Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). – Уфа: Уфимская высшая школа милиции МВД РФ, 1994. – 465 с.
11. Салмина, С.Ю. Экономическое положение правоохранительной системы на Южном Урале в 1920-е годы // UNIVERSUM: экономика и юриспруденция. – 2017. – № 5 (38). – С. 5–8.
12. Салмина, С.Ю. Государственно-правовой статус Южно-уральской милиции в годы нэпа // Полиция и милиция России: региональный аспект. Сборник научных статей. – Челя-

бинск: Изд-во Челяб. юрид. ин-та МВД России, 2004. – С. 132–144

13. Служим Закону – служим Отечеству / Следственное управление следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. – 272 с.
14. Советская милиция: история и современность (1917–1987) /Под ред. А.В. Власова. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1987. – 335 с.
15. Щеткин, С.В. Преступность на Южном Урале в годы НЭПа (1921–1928 гг.) // Юридическая теория и практика. – Челябинск: Изд-во Челяб. юрид. ин-та МВД РФ. – 2006. – № 1. – С. 126–130.

FINANCIAL AND ECONOMIC SUPPORT OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE EARLY 1920S: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Salmina S. Yu.

Chelyabinsk State University

The article is devoted to the study of the problems of financial and economic support of the internal affairs bodies in the early 1920s. The source base of the study was made up of archival documents of those years. A comprehensive analysis of archival sources reveals how the country's transition to a new economic policy affected the economic situation of the police. During the transition to NEP, a course was announced to reduce the cost of maintaining the state apparatus. In order to save the state budget, the internal affairs bodies were transferred to funding from local budgets. This measure had a very detrimental effect on the socio-economic situation of the young Soviet militia. The standard of living of employees fell below the subsistence level. In order to preserve the police as a law enforcement body, a system of bonuses and social support for its employees was introduced. Despite the difficult economic situation, it was in those years that the practice of material incentives for the most distinguished employees and employees of operational services was born.

Keywords: internal affairs bodies, financial situation, new economic policy, state machine, stimulation, bonuses.

References

1. Abramovsky, A.P., Kobzov, V.S., Verigo, E.A. Chelyabinsk Regional Court 70 years old. Historical sketch. – Chelyabinsk: Creative Association «Stone Belt», 2004. – 174 p.
2. Beda, A.M., Borisov, A.V., Dugin, A.N., Malygin, A. Ya., Mulu-kaev, R.S., Nekrasov, V.F., Skripilev, A.E., Suslov, V.M. Police and Militia of Russia: Pages of History. – M.: Publishing house «Science», 1995. – 318 p.
3. Veprev, O. V., Lyutov, V.V. State Security: Three Centuries in the Southern Urals. – Chelyabinsk: Yuzh.-Ural.kn.izd-vo, 2002. – 448 p.
4. Korzhikhina, T.P. The Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991. Textbook for universities in the specialty «History». – M.: RGGU, 1994. – 418 p.
5. Police of the Chelyabinsk region 1802–2002. Pages of history / Edited by D.V. Smirnov. – Chelyabinsk: Publishing house of the Central Internal Affairs Directorate of the Chelyabinsk region, 2002. – 447 p.
6. Nekrasov, V.F. Ministry of Internal Affairs of Russia. Encyclopedia. – M.: Joint edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Olma-Press, 2002. – 624 p.
7. United State Archives of the Chelyabinsk Region. F. P-77. Op. 1. D.732. L.42.
8. United State Archives of the Chelyabinsk Region. F. P-10. Op. 1. D.98. L.7.
9. United State Archives of the Chelyabinsk Region. F. P-77. Op. 1. D.515. L.10.
10. Rasskazov, L.P. Punitive bodies in the process of formation and functioning of the administrative-command system in the Soviet

- state (1917–1941). – Ufa: Ufa High School of Police of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1994.– 465 p.
11. Salmina, S.YU. The economic situation of the law enforcement system in the South Urals in the 1920s // UNIVERSUM: economics and jurisprudence.– 2017. – No. 5 (38). – P. 5–8.
 12. Salmina, S.YU. State and legal status of the South Ural militia in the years of the New Economic Policy // Police and Militia of Russia: a regional aspect. Collection of scientific articles. – Chelyabinsk: Publishing house Chelyab. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. – P. 132–144.
 13. We serve the law – we serve the Fatherland / Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Sverdlovsk Region. – Yekaterinburg: AMB Publishing House, 2014.– 272 p.
 14. Soviet militia: history and modernity (1917–1987) / Ed. A.V. Vlasov. – M.: Publishing house “Legal Literature”, 1987.– 335 p.
 15. Shchetkin, S.V. Crime in the Southern Urals during the NEP years (1921–1928) // Legal theory and practice. – Chelyabinsk: Publishing house Chelyab. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.– 2006. – No. 1. – P. 126–130.

Динамика дееспособности юридического лица при несостоятельности (банкротстве)

Еничева Наталья Викторовна,

соискатель, кафедра гражданского права, Российский
государственный университет правосудия,
E-mail: natasav89@mail.ru

В гражданском праве для определения правового положения юридического лица ключевой категорией является категория правоспособности, поэтому именно во взаимосвязи с правоспособностью необходимо рассмотреть динамику процедур банкротства. Правомерная реализация правоспособности юридического лица при несостоятельности способствует поддержанию баланса интересов самого юридического лица, его кредиторов, а также интересов государства, которое регулирует данные отношения. Вместе с тем в части надлежащей реализации правоспособности субъектов банкротных правоотношений возникают теоретические и практические проблемы. Об этом свидетельствуют статистические данные о снижении эффективности процедур банкротства ввиду неэффективности реализации правоспособности юридического лица. Таким образом, цель банкротных процедур фактически не достигается, а кредиторы получают все меньше удовлетворения из конкурсной массы своих должников.

Ключевые слова: банкротство, закон, категория, право, процедура.

Дела о несостоятельности (банкротстве) существенно образом отличаются от большинства других видов дел, рассматриваемых судами. В банкротных правоотношениях суд оказывается вовлеченным в процесс управления должником, не просто определяя права и обязанности сторон (как в обычном исковом производстве), а участвуя в формировании целей, задач деятельности должника и механизмов достижения положительных результатов. Другая специфическая черта института банкротства состоит в том, что при банкротстве в силу необходимости защиты интересов кредиторов полномочия по управлению деятельностью должника субъекты получают от органа государственной власти (по указанию суда). В процедурах банкротства меняется компетенция и состав лиц, управляющих должником – юридическим лицом, воля должника формируется не только его учредителями (участниками) и лицами, входящими в состав иных органов управления, но и лицами, с которыми должник находится в обязательственных отношениях (кредиторы), либо которые назначаются судом (арбитражные управляющие). Очевидное сходство таких органов управления юридического лица, как единоличный исполнительный орган, общее собрание участников корпорации, коллегиальный орган управления, с арбитражным управляющим, собранием кредиторов, а также комитетом кредиторов соответственно ставит вопросы о применимости к последним положений об органах управления юридического лица.

Рассмотрение правоспособности юридического лица при банкротстве затрагивает вопросы изменения его конкретных субъективных прав и обязанностей. Если у физических лиц, как непосредственно закреплено в п. 1 ст. 22 Гражданского кодекса РФ, ограничению подлежит правоспособность и дееспособность, то по отношению к юридическим лицам в п. 2 ст. 49 ГК РФ закрепляется только возможность ограничения их прав. В связи с этим возникает вопрос о влиянии состояния банкротства на правоспособность и дееспособность юридического лица.

С.А. Карелина отмечает, что «...свойство правоспособности либо признается за тем или иным субъектом, либо не признается вообще. Исходя из этого тезиса, представляется, что правоспособность не может быть прекращена в полном объеме».

ме, да и об ограничении правоспособности можно говорить лишь с определенной долей условности» [1]. Данный подход справедливо подчеркивает постоянство правоспособности юридического лица как его особого свойства, означающее существование самого субъекта права.

Вместе с тем ограничения прав юридического лица изменяет содержание субъективных прав, влияя на правовой статус юридического лица, что позволяет судить о невозможности реализации соответствующих прав и, следовательно, ограничении дееспособности юридического лица. Как отмечается в зарубежной научной литературе, в целом практически для всех правовых систем мира, которые регулируют несостоятельность, свойственны три характерные черты несостоятельности (банкротства): во-первых, несостоятельность влечет прекращение свободы должника продолжать заключать сделки или его иное подчинение внешнему контролю; во-вторых, несостоятельность предполагает по общему правилу коллективный процесс, при котором все требования кредиторов к этому должнику подчиняются единому режиму, при котором активы должника частично или полностью выводятся из-под контроля должника; в-третьих, должник должен быть отстранен от всех долгов и восстановлен в его восприятии в качестве полноправного лица [2]. Возможность ограничения дееспособности юридического лица обосновывается ее относительной самостоятельностью и независимостью от правоспособности данного юридического лица. Применительно к ограничению дееспособности можно обобщить следующее:

- дееспособность может быть ограничена только лишь в случаях реализации права или исполнения обязанности обязанным лицом;
- дееспособность может быть ограничена лишь тогда, когда она отделена от правоспособности, которая в свою очередь продолжает существовать;
- при ограничении дееспособности субъективные права и юридические обязанности могут осуществляться с помощью действий других субъектов права;
- ограничение дееспособности всегда осуществляется принудительно, то есть независимо от воли субъекта права.

Как пояснил Конституционный Суд РФ, «предусмотренные Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» последствия введения наблюдения (в частности, необходимость получения согласия временного управляющего на совершение сделок..., запрет на реорганизацию и ликвидацию должника, создание юридических лиц, филиалов, представительств, выплату дивидендов, размещение ценных бумаг и т.д.) представляют собой существенные ограничения дееспособности предприятия – должника» [3]. Таким образом, ограничение прав юридического лица прямо влияет на возможность их реализации, не затрагивая правоспособность юридического лица.

Кроме того, динамика дееспособности выявляется при переходе отдельных полномочий органов, созданных в добровольном порядке, к образованиям, которые осуществляют отдельные функции органов управления юридического лица, специально создаваемым в принудительном порядке в состоянии банкротства. О динамике дееспособности может свидетельствовать тот факт, что юридическое лицо утрачивает возможность действовать самостоятельно через действия свои первоначальные органы.

Действия юридического лица считаются самостоятельными, если от его имени действуют лица, назначенные другими уполномоченными органами управления юридического лица. В качестве примера можно сослаться на действия единоличного исполнительного органа юридического лица. При этом в отношении юридических лиц существует возможность в принудительном порядке осуществить замену единоличного исполнительного органа, в том числе на арбитражных управляющих, в частности на временных или конкурсных управляющих. В этом смысле основания для признания действий юридического лица–должника самостоятельными отпадает. Соответственно, случаи, когда реализуются права и исполняются обязанности с помощью действий других субъектов права или с помощью арбитражного управляющего, которые определяются и назначаются в принудительном порядке вне зависимости от воли самого юридического лица–должника, являются ограничением дееспособности юридического лица.

В качестве примера ограничения дееспособности юридического лица в обычном состоянии можно привести установление дополнительных условий или обязанностей, при наличии которых реализация прав юридического лица осуществляется только при получении предварительного согласия другого субъекта права. Например, унитарные предприятия, которые обладают правом хозяйственного ведения на закрепляемое за ним имущество, в соответствии с п. 2 ст. 295 Гражданского кодекса РФ, п. 2 ст. 18 ФЗ о государственных и муниципальных унитарных предприятиях не имеют права без согласия собственника такого имущества распоряжаться недвижимым имуществом. Таким образом, совершение сделки унитарным предприятием обусловлено получением согласия собственника имущества, хотя сама сделка будет совершаться действиями юридического лица с помощью единоличного исполнительного органа или представителя юридического лица [4].

Другой пример связан с осуществлением деятельности юридического лица при банкротстве. Дееспособность юридического лица–должника ограничивается путем прекращения полномочий его единоличного исполнительного органа с момента введения процедуры внешнего управления, возложения управления делами должника на внешнего управляющего, на что указывается в п. 1 ст. 94 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», так как в данном случае происходит прину-

длительная замена лица, который участвует в правоотношениях от имени юридического лица. Вместе с тем такая замена не влияет непосредственно на объем правоспособности юридического лица—должника [5]. Следовательно, полномочия органа юридического лица—должника могут или полностью прекращаться, или переходить к специально назначаемым образованиям, исполняющим функции органов управления юридического лица, например, к арбитражным управляющим.

Таким образом, ограничение дееспособности юридического лица можно рассматривать с двух точек зрения: 1) когда ограничиваются права, и следовательно, исключается возможность их реализации; 2) когда компетенция органов юридического лица ограничивается, и определенные полномочия переходят к новым созданным в принудительном порядке образованиям, которые исполняют функции органов юридического лица, т.е. к арбитражному управляющему, собранию кредиторов, комитету кредиторов.

В соответствии с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» при рассмотрении дела о банкротстве юридического лица, имеющего задолженность, могут быть применены следующие процедуры:

- 1) наблюдение;
- 2) финансовое оздоровление;
- 3) внешнее управление;
- 4) конкурсное производство;
- 5) мировое соглашение.

Классическим для нашего российского права стало деление данных процедур на реабилитационные и ликвидационные. При этом в число реабилитационных процедур входят процедуры финансового оздоровления и внешнего управления. Ликвидационную процедуру наиболее ярко представляет конкурсное производство.

При дальнейшем исследовании проблемы, связанной с ограничением дееспособности юридического лица—должника, основное значение приобретает подразделение процедур несостоятельности на два подкласса. В первом подклассе полномочия органов управления юридического лица—должника сохраняются (наблюдение, финансовое оздоровление). Во втором подклассе предполагается, что введение тех или иных процедур несостоятельности влечет прекращение полномочий органов управления юридического лица—должника (яркие примеры отчетливо наблюдаются в процедурах внешнего управления, конкурсного производства). По мере развития процесса банкротства можно выявить постепенное изменение дееспособности юридического лица. Учитывая, что введение процедур банкротства не является строго стадийным и бесповоротным процессом, изменение дееспособности юридического лица представляется обоснованным рассматривать не только с точки зрения ее ограничения, но и расширения при введении процедуры, предоставляющей большую возможность реализации правоспособности юридического лица.

Учитывая недавние изменения в законодательстве по вопросам банкротства предприятий, уместно начать с определения этого понятия. Банкротство – несостоятельность должника восстановить свою платежеспособность за помощью процедуры санации и реструктуризации и погасить установленные в порядке, определенном законом из процедур банкротства, денежные требования кредиторов иначе, чем через применение ликвидации – признанной судом процедуры.

Как видно из приведенного в определении этого понятия, банкротство является последней мерой, которая применяет суд в случае, когда невозможно восстановить платежеспособность предприятия и рассчитаться по долгам перед кредиторами. Целесообразно исследовать, что может повлечь такие крайние меры для предприятия.

Банкротство предприятия вызывается наступлением глубокого системного кризиса, который возникает под влиянием взаимодействия внешних и внутренних кризисообразующих факторов, вследствие чего предприятие не имеет возможности продолжать свою хозяйственную деятельность из-за неплатежеспособности. Соглашаясь с таким утверждением, можно сделать вывод, что наиболее уязвимы для банкротства те предприятия, руководство которых не предпринимало превентивные меры, направленные на предотвращение наступления кризиса на предприятии.

Также существует проблема замалчивания руководителями предприятий перед владельцами факта наличия на предприятии проблем финансового характера, даже несмотря на то, что в случае возникновения признаков банкротства руководитель должника обязан направить учредителям извещение о наличии признаков банкротства. А собственники предприятия, в свою очередь, обязаны своевременно принимать меры для предотвращения банкротства. Такие действия руководителей предприятия не только вредят эффективному функционированию бизнеса, но и делают невозможным предоставление своевременной финансовой помощи от владельцев предприятий с целью сохранения их платежеспособности и избежания наступления системного кризиса на предприятии.

Некомпетентность руководства предприятия может стать причиной доведения его до состояния банкрота. Хотя в некоторых случаях власти и руководство предприятия намеренно пытаются через суд признать себя банкротом, не желая платить по своим обязательствам. То есть происходит целенаправленное постепенное доведение предприятия до кризисного состояния по полезным мотивам. Такими мотивами могут быть намерения невозврата кредитов, взятых в банках под залог определенных активов предприятия или получения оплаты по контракту за определенный заказ без намерения его выполнять. Такие действия являются незаконными и должны наказываться в соответствии с действующим законодательством.

Согласно п. 3 ст. 64 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» органы управления должника не вправе принимать решения:

- о реорганизации (слиянии, присоединении, разделении, выделении, преобразовании) и ликвидации должника;
- о создании юридических лиц или об участии должника в иных юридических лицах;
- о создании филиалов и представительств;
- о выплате дивидендов или распределении прибыли должника между его учредителями (участниками);
- о размещении должником облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг, за исключением акций;
- о выходе из состава учредителей (участников) должника, приобретении у акционеров ранее размещенных акций;
- об участии в ассоциациях, союзах, холдинговых компаниях, финансово-промышленных группах и иных объединениях юридических лиц;
- о заключении договоров простого товарищества.

В соответствии с п. 2 ст. 64 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» органы управления юридического лица при несостоятельности для совершения указанных в законе сделок по общему правилу обязаны получить согласие временного управляющего (причем в письменной форме). Речь идет о сделках, 1) связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения прямо либо косвенно имущества должника, балансовая стоимость которого составляет более пяти процентов балансовой стоимости активов должника на дату введения наблюдения; а также 2) связанных с получением и выдачей займов (кредитов), выдачей поручительств и гарантий, уступкой прав требования, переводом долга, а также с учреждением доверительного управления имуществом должника. Стоит уточнить, что речь идет о предварительном согласии, поскольку для последующего согласия существует специальное понятие – «одобрение» (см. ст. 157.1 ГК РФ). Возникает вопрос о полноте описания предмета сделки, на совершение которой дается согласие. Представляется, что можно согласиться с обоснованной позицией Ю.С. Поварова о применимости узкого подхода к пониманию предмета сделки, который «базируется на рассмотрении предмета сделки как важнейшего, но не единственного существенного условия» [6].

Дееспособность юридического лица–должника ограничивается таким образом, что исполнение обязательств происходит в рамках процедур несостоятельности под значительным влиянием арбитражного управляющего, учредителей (участников) юридического лица–должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия, третьих лиц по отношению к должнику.

В процедуре финансового оздоровления дееспособность юридического лица – должника ограничивается через запрет совершать определен-

ные сделки, установление необходимости получить согласие собрания кредиторов (или комитета кредиторов), административного управляющего на совершение сделок, а также путем принятия графика погашения задолженности (см. ст. 82 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Стоит отметить, что меры, закрепленные в плане внешнего управления, осуществляются арбитражным управляющим (внешним управляющим). Кроме того, согласно ст. 102 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» внешним управляющим принимаются и другие меры, в частности такие, как отказ от исполнения сделок, совершенных юридическим лицом при несостоятельности. Также в рамках процедуры внешнего управления вводятся мораторий на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, а также согласно п. 5 ст. 95 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» требований о взыскании задолженности по заработной плате, выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о выплате компенсации сверх возмещения вреда.

При введении процедуры внешнего управления и перехода функции управления делами юридического лица – должника на внешнего управляющего прекращаются полномочия лица, являющегося единоличным исполнительным органом. Это свидетельствует о том, что через ограничение дееспособности юридического лица ограничивается возможность вступать в правоотношения с другими субъектами права, что влечет невозможность принимать решения по тем вопросам, которые были отнесены к компетенции такого органа.

Постепенное введение ограничений и особенностей осуществления управления органами должника связано с задачами по восстановлению его платежной способности. При этом лишь в крайних случаях, например при введении процедуры конкурсного производства, полномочия указанных органов в основном прекращаются в связи с их переходом к конкурсному управляющему. Также важно отметить, что в рамках каждой из процедур банкротства возникает особый управляющий субъект, то есть арбитражный управляющий, чьи полномочия определяются в зависимости от соответствующей процедуры банкротства. При этом к нему переходит часть полномочий от органов юридического лица.

Вместе с тем динамика дееспособности, как было указано выше, предполагает не только ее ограничение, но и «расширение». Так, в соответствии со ст. 146 закона «О банкротстве» из процедуры конкурсного производства предусматривается потенциальная возможность перехода к процедуре внешнего управления. В том числе согласно п. 3 данной статьи в случае вынесения арбитражным судом определения о прекращении конкурсного производства и переходе к внешнему управлению прекращаются ограничения органов

управления должника, предусмотренные главой, регулирующей процедуру конкурсного производства. Следовательно, дееспособность юридического лица восстанавливается, т.е. относительно дееспособности в рамках конкурсного производства – «расширяется».

Итак, правоспособность является постоянным свойством юридического лица, в связи с чем она не может быть динамичной: наличие правоспособности обусловлено самим существованием юридического лица. Вместе с тем дееспособность юридического лица может быть динамичной, что особо показательно при ограничении возможности реализовывать права юридического лица. Во-первых, к ограничению относятся ограничения по полномочиям, которые переходят от органов юридического лица к арбитражному управляющему, собранию кредиторов, комитету кредиторов; во-вторых, такие полномочия могут полностью прекращаться, т.к. юридическому лицу запрещается осуществлять ту или иную деятельность.

Важно отметить, что динамика дееспособности юридического лица в процессе банкротства выражается в негативном тренде, что означает направленность на ее ограничение в силу развития процедур банкротства. Однако возможен и обратный эффект, когда, например, из ликвидационной процедуры происходит возврат к реабилитационной процедуре. Поэтому уместно говорить не только про ограничение дееспособности, но в целом про ее динамику, предполагающую также и «расширение» (или «восстановление») дееспособности.

Литература

1. Карелина С.А. Категория ответственности и институт несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 6.
2. Rajak H. The Culture of Bankruptcy // International Insolvency Law. Themes and Perspectives. Ed. by P.J. Omar. Ashgate Publishing Limited. 2008. P. 3.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.
4. Курбатов А.Я. Банковское право России. М., 2012. С. 39.
5. Богатырев Ф.О. Правовое обеспечение предпринимательской деятельности. С. 107, 115.
6. Поваров Ю.С. Содержание согласия на совершение сделки // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2018. Т. 160. кн. 2. С. 387.

DYNAMICS OF LEGAL CAPACITY IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Enicheva N.V.

Aspirant of the civil law department of the Russian State University of Justice

In civil law, to determine the legal status of a legal entity, the key category is the category of legal capacity, therefore it is in connection with legal capacity that it is necessary to consider the dynamics of bankruptcy procedures. The legitimate implementation of the legal capacity of a legal entity in case of insolvency contributes to maintaining a balance of interests of the legal entity itself, its creditors, as well as the interests of the state that regulates these relations. At the same time, in terms of the proper implementation of the legal capacity of the subjects of bankruptcy legal relations, theoretical and practical problems arise. This is evidenced by statistical data on the decrease in the effectiveness of bankruptcy procedures due to the ineffectiveness of the implementation of the legal capacity of a legal entity. Thus, the goal of bankruptcy procedures is actually not achieved, and creditors receive less and less satisfaction from the bankruptcy estate of their debtors.

Keywords: bankruptcy, law, category, law, procedure.

References

1. Karelina S.A. The category of responsibility and the institution of insolvency (bankruptcy) // Entrepreneurial Law. 2015. No. 2. P. 6.
2. Rajak H. The Culture of Bankruptcy // International Insolvency Law. Themes and Perspectives. Ed. by P.J. Omar. Ashgate Publishing Limited. 2008. P. 3.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.03.2001 No. 4-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2001. No. 5.
4. Kurbatov A. Ya. Banking law of Russia. M., 2012. S. 39.
5. Bogatyrev F.O. Legal support of entrepreneurial activity. S. 107, 115.
6. Povarov Yu.S. Contents of the consent to the transaction // Scientific notes of Kazan University. Humanities series. 2018. Vol. 160. kn. 2. P. 387.

Вопросы реализации процедуры банкротства в отношении физических лиц в Российской Федерации

Гришмановский Денис Юрьевич,

доцент, доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения кандидат юридических наук, Академия управления МВД России
E-mail: grishmanovsky@mail.ru

Клочихин Вячеслав Анатольевич,

старший преподаватель кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения, Академия управления МВД России
E-mail: v.klochikhin@gmail.com

Цвилий-Букланова Анна Александровна,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения, Академия управления МВД России
E-mail: anntsviliy@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена заинтересованностью государства в развитии финансового рынка страны, потребительского спроса, сохранении социальной стабильности в условиях снижения уровня дохода граждан. В статье рассмотрены результаты применения процедуры банкротства в судебном порядке в отношении граждан, проанализировано законодательство, регулирующее общественные отношения в данной сфере.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что институт банкротства в Российской Федерации является актуальной сферой правового регулирования в современном российском законодательстве, но существует ряд проблем, создающих препятствия для ее полноценного использования. В частности, проблемы, заключающиеся в несовершенстве законодательного регулирования, которые обуславливают необходимость пересмотра существующего механизма деятельности института банкротства. Помимо этого, авторами, в качестве самостоятельной и определенно значимой обозначена проблема отношения судебного корпуса к гражданам, в отношении которого проводится процедура банкротства.

Ключевые слова: Банкротство граждан, банкротство физических лиц, арбитражный управляющий, финансовый управляющий, конкурсная масса.

Введение института банкротства физических лиц в Российской Федерации в октябре 2015 года было встречено юридическим сообществом и гражданами страны с большим оптимизмом, отсутствие данного института в отечественном законодательстве создавало юридический вакуум в урегулировании проблем, вызванных невозможностью для граждан самостоятельно обслуживать свои долговые обязательства. Реакция финансовых институтов и судейского сообщества, напротив, была весьма сдержанной и менее склонной к оптимизму. Кредитные учреждения отмечали озабоченность, связанную с риском массового применения указанной процедуры со стороны недобросовестных заемщиков, у судейского сообщества тревогу вызывало ожидание роста подлежащих к принятию производством дел о банкротствах.

Следует отметить, что институт банкротства физических лиц не является абсолютно новым для отечественного законодательства, поскольку Гражданский кодекс Российской Федерации и Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и ранее содержали нормы, предусматривающие проведение процедуры банкротства в отношении физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей [1].

Таким образом, законодатель лишь расширил круг субъектов рассматриваемых правоотношений за счет граждан, не участвующих в предпринимательской деятельности.

Востребованность данной процедуры со стороны участников гражданского общества с момента ее законодательного закрепления не только не снижается, а напротив, имеет устойчивую тенденцию к постоянному росту. Предпосылками для этого служит экономическая ситуация в России, низкая экономическая и юридическая образованность граждан, менталитет.

Как следует из открытых статистических источников, за четыре года существования института банкротства указанным механизмом воспользовалось 163235 российских граждан, что, по мнению специалистов кредитных бюро, совершенно не отражает реальную потребность для финансового оздоровления общества, поскольку данные скоринговых систем относят к числу потенциальных банкротов как минимум 1 млн заемщиков.

Данные, представленные в статистическом бюллетене единого федерального реестра (далее – ЕФРСБ) по состоянию на 31 декабря 2019 г. наглядно демонстрируют ежегодную динамику ко-

личества проводимых процедур банкротств граждан (см. рис. 1) [2].

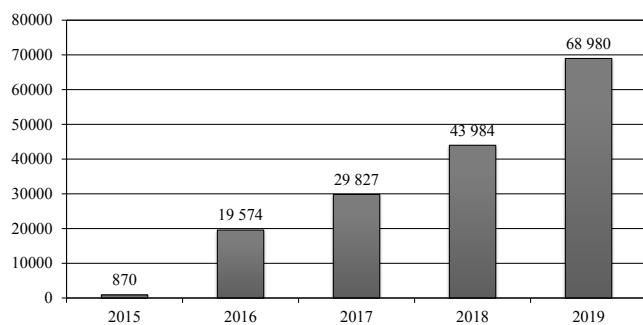

Рис. 1. Количество банкротств граждан

Поскольку в делах о банкротстве физических лиц обязательно участие финансового управляющего, можно предположить, что количество зарегистрированных указанных лиц также растет пропорционально динамике процедур банкротства, однако, статистические данные не подтверждают этот вывод [3].

По материалам статистического бюллетеня ЕФРСБ количество арбитражных управляющих в стране меняется крайне незначительно. Разница составляет около 1 тыс. человек, что в масштабах Российской Федерации не слишком значительная цифра [4]. Однако мы видим, что зависимость данных все же прослеживается. Так, введение новеллы банкротства физических лиц в конце 2015 г. вызвало увеличение числа управляющих, но рост оказался непродолжительным – уже в 2017 г. мы видим резкое сокращение количества арбитражных управляющих (см. рис. 2). Возможной предпосылкой этого является определенная разочарованность данной сферой со стороны специалистов, поскольку ответственность, возложенная на них, оказалась существенно выше возможного вознаграждения.

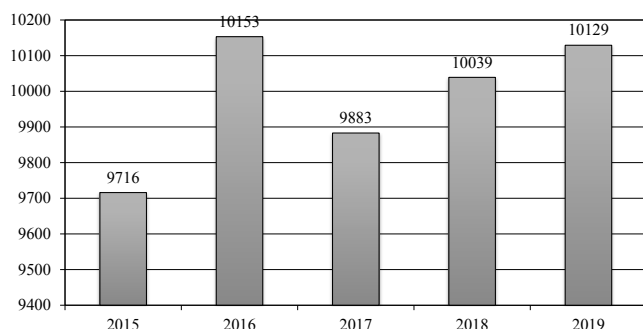

Рис. 2. Количество арбитражных управляющих

Это подводит нас к вопросу об экономической составляющей деятельности финансовых управляющих. Из пункта 3 статьи 20.6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» следует, что вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из суммы процентов и фиксированной суммы. Фиксированная выплата для финансового управляющего установлена в размере 25 000 рублей, а сумма процентов рассчитывается от проведенной процедуры и составляет 7% от размера

удовлетворенных требований кредиторов, а в случае исполнения должником утвержденного арбитражным судом плана реструктуризации его долгов – 7% выручки от реализации имущества гражданина и денежных средств, поступивших в результате взыскания дебиторской задолженности, а также в результате применения последствий недействительности сделок.

Сумма фиксированной выплаты должна быть помещена лицом на специальный счет на стадии подачи документов в суд. К заявлению должника прикладывается соответствующее подтверждение. Помимо этого, должник обязан уплатить государственную пошлину в размере 3000 рублей, взимаемую за обращение в арбитражный суд, которая установлена статьей 333.21 Налогового кодекса РФ.

Таким образом, для реализации своего права, касающегося запуска процедуры банкротства, должнику на начальном этапе необходимо обладать значительными денежными средствами, хотя должник и так уже находится в сложном финансовом положении. Следовательно, возникает абсолютно закономерный вопрос, где изыскать такие средства.

На этом финансовые затраты должника не заканчиваются. Ему также придется оплачивать расходы на публикацию необходимых сообщений о предстоящем банкротстве в соответствующих источниках и расходы на почтовые извещения участников судопроизводства.

Итогом такой ситуации становится то, что для большинства должников процедура банкротства оказывается лишь мечтой, достичь которую становится практически нереально.

Так, например, Арбитражный суд Свердловской области прекратил производство по делу о банкротстве Воронцова С.В. (№ дела А60–55040/2015) ввиду отсутствия у гражданина средств для дальнейшего финансирования процедуры банкротства, а также отсутствия какого-либо имущества в собственности [5].

Постановление Пленума ВАС РФ от 17 декабря 2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» разъясняет, что в случае недостаточности средств у должника для проведения процедуры, он вправе заявить ходатайство о рассрочке платежей. Или же его расходы может погасить кредитор, включив эти затраты в сумму долга. Однако не так много кредиторов согласны тратить средства свыше уже имеющегося долга физического лица, ведь отсутствие возможности оплатить процедуру зачастую свидетельствует и о невозможности погасить долг в дальнейшем при реализации имущества или даже реструктуризации долгов [6].

Еще одной важной финансовой проблемой является то, что, как уже было рассмотрено выше, в заявлении должник обязан указать саморегулируемую организацию, из числа которой назначается финансовый управляющий. Но редкая организация дает согласие на участие своего пред-

ставителя в деле о банкротстве без предварительной договоренности [7]. Зачастую содержанием этой договоренности и является финансовая сторона – дополнительная оплата услуг финансового управляющего. Как видно из данных, представленных на рис. 3, процедуры банкротства физического лица растягиваются на несколько месяцев, превышающих срок полгода. Проведение этих процедур долгая и кропотливая работа управляющего: проверки, отчеты, документационная деятельность. Стоимость имущества должника также зачастую является сравнительно небольшой ввиду его статуса физического лица. И оплата труда финансового управляющего в соответствии с законодательством оказывается несоразмерной затраченным усилиям. Этот факт вызывает нежелание управляющих брать на себя ответственность по делу о банкротстве без дополнительной оплаты.

Рис. 3. Средняя продолжительность процедур

Круг проблематики института банкротства не ограничивается финансовой частью. Так, следует отметить, что суды крайне неохотно идут на любые уступки, связанные с денежными средствами, что создает дополнительные проблемы. Ярким примером таких фактов является решение суда по делу А41–14878/16, в рамках которого должник, проходящий процедуру банкротства обратился в суд с ходатайством об исключении принадлежащего ему личного автомобиля из конкурсной массы. Как установлено из материалов дела, гражданин Бесмолин А.И., пояснил суду, что по состоянию своего здоровья и по необходимости проведения регулярных медицинских процедур вынужден возить жену, являющуюся инвалидом в больницу, что при его состоянии здоровья можно делать лишь на личном автомобиле, поскольку место его работы находилось на расстоянии 130 километров от места проживания, а больница в 60 километрах. Примечательно, что суд первой инстанции удовлетворил требование гражданина, но кредитор добился отмены решения суда в кассации. Суд кассационной инстанции посчитал, что исключение автомобиля из конкурсной массы не отвечает принципам разумного баланса интересов сторон, справедливости, гуманности и морали, после чего дело было вновь направлено на рассмотрение в первую инстанцию, которая оставила автомобиль в конкурсной массе [8].

Учитывая, что спорные ситуации, касательно исключения из конкурсной массы имущества должника возникают практически во всех без исключения рассматриваемых делах о банкротстве

граждан Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что в конкурсную массу по общему правилу включается все его имущество, а также имущество, принадлежащее должнику и супругу на праве общей собственности, кроме выплат должнику на содержание иных лиц. Однако, из конкурсной массы следует исключать различного рода социальные выплаты, а также имущество, на которое в соответствии с гражданским законодательством не может быть наложено взыскание. Касательно рассматриваемых выплат, речь идет о страховых и социальных пенсиях, пособиях, об алиментах, выплачиваемых на содержание несовершеннолетних детей [9].

Примечательно, что решение вопросов об исключении части имущества из конкурсной массы возложены и разрешаются во внесудебном порядке финансовым управляющим самостоятельно. Указанный порядок установлен при наличии прямого интереса со стороны финансового управляющего к реализации всего имущества должника, поскольку находится в зависимости от его фактического вознаграждения за участие в процедуре.

Решением суда, по мотивированному ходатайству любого участника дела о банкротстве из конкурсной массы может быть исключено дополнительно имущество или средства, используемые для обеспечения лиц, находящихся на иждивении лица, в отношении которого проводится процедура банкротства.

Следует отметить, что суды Российской Федерации крайне критически относятся к вопросам достоверности получаемой информации о должнике в целом и обоснованности его действий в частности. Об этом свидетельствует как приведенная ситуация выше, где суд не посчитал обоснованной и правдивой причину исключения из конкурсной массы автомобиля, так и статистика по оспариваемым сделкам должника, представленная на рис. 4. Количество принятых и рассмотренных заявлений о признании сделок должника недействительными свидетельствует не только о высокой актуальности и эффективности данного инструмента, но и демонстрирует в целом должника как стабильно слабую сторону этого процесса.

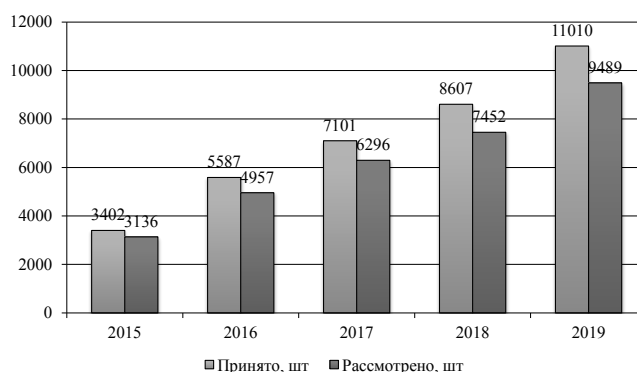

Рис. 4. Заявления о признании сделок должника недействительными

Таким образом, гражданин, желающий прибегнуть к процедуре банкротства, зачастую оказыва-

ется не в состоянии обойти формальные и процессуальные препятствия, возникающие на его пути. Процедура банкротства для обычного обывателя оказывается серьезным испытанием, а не помощью в избавлении от непосильных для него долгов. Для того, чтобы воспользоваться своим правом на признание несостоятельным он должен приложить значительные организационные, физические и финансовые усилия.

Несложно догадаться, что препятствия, которые для большинства законопослушных граждан становятся порой непреодолимыми не являются преградой для лиц, инициирующих процедуру банкротства с целью достижения финансовой стабильности. Речь идет о банкротстве состоятельных граждан, которые сознательно используют этот инструмент как возможность сохранить значительную часть своего имущества от требований кредиторов. Можно предположить, что данная категория граждан к процедуре банкротства готовится заранее, выводя часть имущества путем заключения различного рода сделок. Для них судопроизводство оказывается хоть и неприятной, но совершенно необременительной процедурой, которую они с легкостью проходят. Это и дело Тельмана Исмаилова [10], и бизнесмена Дмитрия Якубовского [11]. Процедуры банкротства таких лиц оказываются продолжительными только ввиду объемов реализуемого имущества, а не возникающих спорных моментов.

Такое положение дел явно не соответствует принципам справедливости судопроизводства. Как следствие, оно ориентировано на тех, кто и так в силу своего положения может найти выход из сложившейся ситуации. Обычные обыватели при этом остаются за бортом правового регулирования, один на один со своими проблемами, и государство, в свою очередь, не спешит оказать им помощь в решении жизненно важных для них проблем.

В свете изложенного, весьма оптимистичным выглядит инициатива законодателя о проведении процедуры банкротства для физических лиц во внесудебном порядке, реализация которой стала возможной с 1 сентября 2020 года [12]. На наш взгляд применение данного механизма позволит существенно расширить возможность применения процедуры банкротства для физических лиц, и одновременно, позволит избежать необоснованного увеличения нагрузки на судей.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что институт банкротства в Российской Федерации крайне необходим. Это актуальная сфера правового регулирования в российском праве, однако в ней существует ряд организационных проблем, создающих препятствия для использования ее теми, кому она реально необходима. И прежде всего, это проблемы правового характера, заключающиеся в несовершенстве законодательного регламентирования. Именно отсутствие четкой работающей системы института банкротства ведет к большинству существующих проблем в дан-

ной сфере. Для их решения необходимо пристальное внимание и заинтересованность государства в устранении подобных несовершенств.

Это обуславливает необходимость пересмотра существующего механизма деятельности института банкротства и его правового регулирования. Решение этой задачи видится в создании в Российской Федерации государственного бюро финансовых управляющих, которые будут обязаны осуществлять свои услуги только за предусмотренную в законе стоимость, а также государственного фонда, осуществляющего оплату услуг финансовых управляющих государственного бюро в виде оклада. Реализация предложенных мер позволит компенсировать низкую заработную плату за проведение процедур банкротства для финансового управляющего и сделает более доступным услуги управляющих для граждан.

Помимо этого, целесообразно корректировать отношения судов при рассмотрении дел о банкротстве физических лиц, устанавливая вектор деятельности его участия на более ориентированного к социальному существованию должника после завершения процедуры банкротства таким образом, чтобы прохождение рассматриваемой процедуры не становилось непреодолимым препятствием в повседневной жизни гражданина, а давало шанс на «жизнь без долгов».

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства. – 2002. – № 43 – ст. 4190.
2. Статистический бюллетень ЕФРСБ [Электронный ресурс]: сайт Федресурс. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/b0546f18-6128-4806-8cf3-7aea6f4834b3>. – (Дата обращения: 05.10.2020).
3. Русанов М.С. Институт арбитражного управляющего как базовый институт конкурсного права // Юриспруденция. 2010. Т. 18. № 2. С. 89–96.
4. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2019 года [Электронный ресурс]: сайт Федресурс. – URL: <https://fedresurs.ru/news/4b24791f-d649-4640-b2be-99d95b9b6f86>. – (дата обращения: 05.10.2020).
5. Дело А60–55040/2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/d4230cac-b791-473b-b854-4802373dcfaa>. – (дата обращения: 05.10.2020).
6. О порядке погашения расходов по делу о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 17 декабря 2009 № 91 // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 2.
7. Русанов М.С. Особенности включения требований уполномоченного органа в реестр требований кредиторов при несостоятельности физического лица // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2. С. 113–115.

8. Дело № А41–14878/16[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/c7703056-9577-459d-8da7-17d436bc9817>. – (дата обращения: 05.10.2020).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2019.
10. Дело № А41–94274/2015[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/el7dmHatNOj/>. – дата обращения: 05.10.2020).
11. Дело № А41–85318/2017 Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/778932bf-46f6-480b-80ab-d8d1559155f7>. – (дата обращения: 05.10.2020).
12. Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5048.

IMPLEMENTATION OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS AGAINST INDIVIDUALS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Grishmanovskii D. Yu., Klochikhin V.A., Tsviliy-Buklanova A.A.
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The relevance of the article is due to the interest of the state in the development of the country's financial market, consumer demand, maintaining social stability in the face of a decrease in the level of income of citizens. The article examines the results of applying the bankruptcy procedure in court against citizens, analyzes the legislation governing public relations in this area. As a result of the study, the authors come to the conclusion that the institution of bankruptcy in the Russian Federation is an urgent area of legal regulation in modern Russian legislation, but there are a number of problems that create obstacles to its full use. In particular, there are problems consisting in the imperfection of legislative regulation, which necessitate a revision of the existing mechanism of activity of the institution of bankruptcy. In addition, it is necessary to adjust the attitude of the courts when considering bankruptcy cases of individuals, to be more

focused on the social existence of the debtor after the bankruptcy procedure is completed.

Keywords: Bankruptcy of Citizens, Bankruptcy of individuals, Bankruptcy manager, financial manager, Bankruptcy estate.

References

1. On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ // Collected Legislation. – 2002. – No. 43 – art. 4190.
2. Statistical Bulletin EFRSB [Electronic resource]: site Fedresurs. – Access mode: <https://fedresurs.ru/news/b0546f18-6128-4806-8cf3-7aea6f4834b3>. – (Date of treatment: 10/05/2020).
3. Rusanov M.S. Institution of an insolvency administrator as a basic institution of bankruptcy law // Jurisprudence. 2010. T. 18. No. 2. S. 89–96.
4. Statistical Bulletin of the EFRSB as of December 31, 2019 [Electronic resource]: Fedresurs website. – URL: <https://fedresurs.ru/news/4b24791f-d649-4640-b2be-99d95b9b6f86>. – (date of access: 05.10.2020).
5. Case A60–55040 / 2015 [Electronic resource] – Access mode: <http://kad.arbitr.ru/Card/d4230cac-b791-473b-b854-4802373dcfaa>. – (date of access: 05.10.2020).
6. On the procedure for repayment of expenses in a bankruptcy case: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 17, 2009 No. 91 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2010. – No. 2.
7. Rusanov M.S. Features of the inclusion of the requirements of the authorized body in the register of creditors' claims in case of insolvency of an individual // Problems of Economics and Legal Practice. 2018.No. 2.P. 113–115.
8. Case No. A41–14878 / 16 [Electronic resource]. – Access mode: <https://kad.arbitr.ru/Card/c7703056-9577-459d-8da7-17d436bc9817>. – (date of access: 05.10.2020).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48 “On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in bankruptcy cases” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February, 2019.
10. Case No. A41–94274 / 2015 [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/arbitral/doc/el7dmHatNOj/>. – date of access: 10/05/2020).
11. Case No. A41–85318 / 2017 Electronic resource]. – Access mode: <https://kad.arbitr.ru/Card/778932bf-46f6-480b-80ab-d8d1559155f7>. – (date of access: 05.10.2020).
12. Federal Law dated July 31, 2020 No. 289-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Extrajudicial Bankruptcy of a Citizen” // Collected Legislation of the Russian Federation, 08/03/2020, No. 31 (Part I), Art. 5048.

Цифровая валюта – предмет преступлений в сфере предпринимательской деятельности

Порайко Василий Вячеславович,

соискатель, кафедра уголовного права, Уральский
государственный юридический университет
E-mail: porayko@mail.ru

Научная статья посвящена проблематике уголовно-правового понимания криптовалют. Обосновано значение этого вопроса в контексте дальнейших перспектив регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности.

Системный анализ новелл Федерального закона РФ № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. и норм иных нормативных правовых актов позволил автору признать цифровую валюту предметом совершаемых в сфере предпринимательской деятельности преступлений по признаку «иное имущество».

Относительно установленного законодательством запрета принимать цифровую валюту в оплату товаров, работ и услуг, а также распространять информацию о возможности расчетов цифровой валютой, автором обращено внимание на необходимость его подкрепления соответствующими санкциями. Обоснована позиция, согласно которой характер и степень общественной опасности использования цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги не позволяют говорить о целесообразности введения уголовной ответственности за его совершение. Противодействие как этому деянию, так и распространению информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты должно быть осуществлено в рамках административного законодательства.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, биткоин, преступления в сфере предпринимательской деятельности, предмет преступления.

Развитие современного общества неразрывно связано с внедрением цифровых технологий и созданием механизмов правового регулирования отношений в данной сфере. Предпринимательские общественные отношения чрезвычайно изменчивы: постоянно возникают новые области применения предпринимательских способностей, внедряются инновационные стратегии и способы организации бизнес-процессов, претерпевает изменения и корпоративное управление бизнес-структурами. Не менее изменчивы и посягательства на сферу предпринимательских отношений: появляются новые способы ухода от уголовной ответственности, а также способы совершения и даже предметы преступления.

Требующим внимания немаловажным вопросом, напрямую касающимся уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности, следует признать вопрос об уголовно-правовом понимании криптовалют.

Значительная часть дискуссий в литературе по криптовалюте сосредоточена на ее роли в качестве конкурента законных платежных средств [4. С. 11–16]. Криптовалюты рассматриваются некоторыми авторами в качестве альтернативы фиатным деньгам [5. С. 12–19]. Действительно, если исходить из предпосылок создания биткоина, то можно увидеть, что он был спроектирован как альтернатива существующим соглашениям о суверенной валюте, он должен был стать технологической альтернативой, действующей независимо от какого-либо правительства. Это стало возможным благодаря тому, что биткоин основан на применении технологии блокчейн и криптографии в распределенном реестре, что привело к появлению децентрализованной системы, в которой нет единого контролера или группы контролеров, а все участники задействованы в разработке и использовании системы. Запуск биткоина в 2009 г. привел к последующей разработке целого ряда криптовалют – их количество составляет более 2 000 [9]. Поэтому правительства и национальные регуляторы финансового рынка принимают меры по установлению правил функционирования этой сферы.

Так, профессор В.Н. Синюков отмечает, что социальным фактором реструктуризации права является изменение технологических укладов [7. С. 16], такие изменения влияют на трансформацию общественных отношений, в том числе и на сферу правового регулирования, связанную с развитием цифровых технологий. Правовая природа криптовалют, которая становится предметом активной дискуссии в научной литературе в настоящее время

мя, волнует ученых с точки зрения оценки последствий вовлечения криптовалют в хозяйственный оборот. В настоящее время криптовалюты используются и как средство платежа, и как объект инвестирования, в связи с чем актуальность приобретает вопрос правового регулирования выпуска и размещения криптовалют.

Криптовалюты существенно различаются по правам, которые они предоставляют своим владельцам, а также их фактическому и потенциальному использованию. С учетом разнообразия и сложности использования криптовалют разработано их деление на виды криптоактивов. Так, криптоактивы могут использоваться в качестве средства обмена, обычно функционирующие как децентрализованный инструмент, позволяющий реализовать куплю-продажу товаров и услуг, облегчить функционирование платежных сервисов, как объект вложения инвестиций, когда организации и потребители получают прямой доступ к трейдингу криптоактивами, как средство поддержания привлечения капитала и (или) создания децентрализованных сетей через ICO или другие механизмы распространения.

В рамках выпуска криптовалют значение имеет ICO (initial coin offering) – первичное размещение монет, представляющее собой процедуру выпуска криптовалюты, продавая которую лицо получает дополнительные средства. ICO – это метод краудфандинга для блокчейн-технологии, в рамках которой инвесторам предлагаются недавно выпущенные криптовалюты в обмен на бумажные валюты или другие криптовалюты. Монета или жетон ICO обычно дает держателю права на использование технологии после ее разработки, а в некоторых случаях право обменять ее на фиатную валюту, если криптовалюта принимается к торгам биржей криптовалют.

В связи с чем преступления, которые совершаются путем использования компьютерных технологий, можно обозначить как одну из основных угроз. Поскольку создание криптовалюты – это явление, ориентированное на рынок. Так как майнинг криптовалют осуществляется свободно неограниченным кругом лиц, его стоимость определяется рынком и не обеспечивается никакой суверенной властью. Рыночная оценка криптовалюты характеризуется большой волатильностью в ценах. Неопределенность в отношении стоимости криптовалюты в настоящее время предотвращает ее признание в качестве валюты, которая функционирует как денежная единица, криптовалюта в основном используется для проведения анонимных платежей или при необходимости устранения посреднических расходов. В связи с возможностью такого практического применения криптовалюта считается угрозой для противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

В 2020 г. все больше государств осознают необходимость отдельного законодательного регулирования выпуска и оборота криптовалют. В этой связи следует оценить как своевременное подпи-

сание Президентом РФ 31 июля 2020 г. Федерального закона РФ № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон, Закона)[1]. Федеральный закон вступает в силу, за исключением отдельных его положений, с 1 января 2021 г.

Права на цифровые финансовые активы возникают у их первого обладателя с момента внесения в систему записи о зачислении ему подобных активов. Эти записи могут вноситься как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели. Вид и объем прав, которые удостоверяются цифровыми финансовыми активами, прямо прописываются в решении об их выпуске.

Цифровые финансовые активы учитываются в системе, в которой они выпускаются. По общему правилу записи о цифровых финансовых активах могут вноситься или изменяться по указанию лица, которое выпустило эти активы, а также их обладателя. Предполагается, что признаки цифровых финансовых активов, которые вправе приобретать только квалифицированные инвесторы должны быть определены в специальном подзаконном нормативном правовом акте Банка России.

Нормы Закона не ограничивают круг совершаемых с цифровыми финансовыми активами сделок. При этом, в ст. 10 упоминаются, в частности, купля-продажа, а также обмен цифровых финансовых активов одного вида на аналогичные активы другого вида.

Сделки могут быть заключены лишь через операторов обмена цифровых финансовых активов, в качестве которых могут выступать кредитные организации, организаторы торговли и другие юридические лица, которые включены Банком России в соответствующий реестр операторов.

Также в Законе дано легальное определение цифровой валюты.

Законодатель не воспринял широко используемый в научной литературе термин «криптовалюта», вполне справедливо охарактеризовав подобные валюты как цифровые. К числу их законодательно закрепленных признаков следует отнести то, что:

- цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе;
- они могут быть приняты как инвестиции или средство платежа, не являющегося денежной единицей;
- в отношении цифровой валюты по общему правилу нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных.

Включенная в российское законодательство дефиниция цифровой валюты применима не только к соответствующим валютам, выпущенным в российской юрисдикции под контролем Центрального Банка РФ, но и к цифровым валютам зарубежного происхождения. В числе последних, в частности, получивший широкое распространение биткоин. Подобное законодательное решение позволяет гармонизировать российское законодательство

о цифровых валютах с международно-правовыми и зарубежными наработками в правовом регулировании рассматриваемой сферы.

Существовавший ранее законодательный пробел в части непризнания криптовалют имуществом имел ряд негативных последствий. Так, из-за отсутствия законодательного регулирования криптовалют невозможно было однозначно определить, к какой категории относятся цифровые валюты – к «активам», «информации» или «денежным суррогатам».

Сегодня цифровая валюта прямо поименована имуществом в законодательстве о банкротстве (ст. 2 Федерального закона РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] дополнена нормой, согласно которой «для целей настоящего Федерального закона цифровая валюта признается имуществом), а также в законодательстве об исполнительном производстве (аналогичное дополнение внесено в ст. 68 Федерального закона РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [3]).

Тем не менее, вплоть до настоящего времени в правоприменительной практике редки случаи привлечения к уголовной ответственности за преступления, предметом в которых бы выступала криптовалюта. Связано это как с латентностью подобных преступлений, так и с проблемами понимания фактической и юридической сущности криптовалют, что порождало объективные трудности при раскрытии и расследовании подобных преступлений, а также их квалификации. Так, суд Петроградского района г. Санкт-Петербурга отказался включать в обвинение ущерб свыше 55 млн рублей в криптовалюте из-за того, что она никак не регулируется в стране. В 2018 г. потерпевшего под угрозой пыток заставили перечислить 5 млн. рублей, 99,7035 BTC и более мелкие суммы в монетах DigiByte и BitShares. Под видом сотрудников ФСБ преступники угрожали предпринимателю, деятельность которого связана с криптовалютами. Суд признал, что потерпевший перевел активы под воздействием угроз, но отказался включить их в материальную базу обвинения. Суд сослался на информацию Банка России, согласно которой по виртуальным валютам отсутствует обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты [6]. Думается, что последние изменения и дополнения в законодательство о цифровых валютах исключат подобные ситуации.

Длительное отсутствие правового регулирования криптовалют в нашей стране, их нахождение вне правового поля не могло не послужить препятствием для признания их предметом преступления.

В настоящее время уже существует судебная практика, признающая сделки с криптовалютой, полученной преступным путем, легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества (статьи 174, 174.1 УК РФ). Согласимся с мнением, что тем самым суды пусть косвенно, но уже всё чаще признают криптовалюту иным имуществом [7, С. 91].

Криптовалюты очень ликвидны. Они котируются и свободно конвертируются на многочисленных интернет-биржах, могут быть использованы для непосредственной оплаты товаров и услуг. Таким образом, биткойны, а также другие криптовалюты по своему функциональному предназначению и возможности использования почти не отличаются от безналичных денег.

Соответственно, вряд ли можно отрицать фактическую возможность криптовалют выступать эквивалентом стоимости товаров и услуг, а также вероятность возникновения незаконного оборота криптовалют, в том числе и в криминальных предпринимательских отношениях. В научной литературе справедливо отмечается, что «в случаях, когда криптовалюта служит средством совершения преступлений, задействуется именно ее платежная функция, так как альтернативные платежные системы позволяют анонимно и бесконтрольно посредством переводов криптовалюты финансировать деятельность и осуществлять расчеты по сделкам, в том числе связанным с оборотом запрещенных предметов – оружия, наркотиков, поддельных денег, документов и т.п.» [8, С. 70].

Вместе с тем, представляется, что в настоящий момент, с учетом системного толкования законодательства, криптовалюты возможно признавать предметом преступления по признаку «иное имущество». Речь идет именно о толковании действующих правовых норм, а не о применении аналогии права или закона, что противоречило бы принципу законности (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Важное ограничение на оборот цифровой валюты установлено ч. 5 ст. 15 Закона. Для российских юридических лиц, а также физических лиц, фактически находящихся на российской территории не менее 183 дней в течение следующих подряд месяцев введен запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги. Кроме того, установлен запрет на распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

Тем самым, в Российской Федерации можно на законных основаниях выпускать, продавать, покупать, цифровую валюту, совершать с ней иные сделки. Но запрещено принимать её в оплату товаров, работ и услуг, а также распространять информацию о возможности расчетов цифровой валютой. Однако, при обращении к процитированной нами ранее ч. 3 ст. 1 Закона видно определенное противоречие. Дело в том, что в ряду легальных признаков цифровой валюты законодателем выделено то, что она предлагается и (или) может быть принята в качестве средства платежа. По всей видимости, законодателем подразумевается фактическая возможность распоряжения цифровой валютой подобным образом, которая далее им пресекается.

Очевидно, что названные запреты должны быть подкреплены соответствующими санкциями за их нарушение. Использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги подрывает монополию российского государства на выпуск денежных средств.

Использование цифровой валюты для оплаты товаров, работ и услуг, а также распространение информации о возможности расчетов цифровой валютой посягает на кредитно-денежную сферу как часть сферы экономической деятельности. Вместе с тем, характер и степень общественной опасности использования цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги, на наш взгляд, не позволяют говорить о целесообразности введения уголовной ответственности за его совершение. Противодействие как этому деянию, так и распространению информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг) должно осуществляться в рамках административного законодательства.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2020).
2. Федеральный закон РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Федеральный закон РФ от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.
4. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие и особенности правового регулирования криптовалют // Предпринимательское право. 2019. N 3. С. 11–16.
5. Ефимова Л.Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. N 3. С. 12–19.
6. Российский суд отказался признать 55 млн рублей ущерба в биткойне. 2.07.2020 [Электронный ресурс] // РБК: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5efdb4359a79470e8ada135> (дата обращения: 1.08.2020).
7. Сinyukov В.Н. Современные технологические вызовы и трансформация правового регулирования // Цифровое право. 2020. С. 16.
8. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. – М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019.– 212 с.

9. Arner D.W., Buckley R.P., Didenko A., et al. Distributed Ledger Technology and Digital Assets – Policy and Regulatory Challenges in Asia // Asian Development Bank Economics Research Report; UNSW Law Research Paper. 2019. N 19–60, University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper N 2019/040.

DIGITAL CURRENCY IS THE SUBJECT OF BUSINESS CRIM

Porayko V.V.

Urals State Law University

The author draws attention to the cases, which have become more frequent in our country in recent years, of prosecution under anti-extremist articles of the criminal law of persons who have committed acts that do not pose a significant public danger, which undermines the constitutional values of a legal democratic state.

The author criticizes the legislator's approach, according to which the social danger of an extremist crime is presumed by the very fact that the person who committed it has an extremist motive. At the same time, motive is an optional feature of the subjective side of a crime, which affects the degree and nature of the social danger of an act, but should not underlie the substantive understanding of crimes of a particular category. Another drawback of the legal definition of extremist crimes, the author sees in the fact that it is built on evaluative legal categories (such as social group, political and ideological hatred or enmity).

The scientific article defends the position according to which the criminal law concept of crimes of an extremist orientation should be based on an objective sign of corpus delicti, testifying to the undoubted social danger of the act, namely its violent nature. The validity of this position is confirmed by the provisions of international legal acts ratified by our country in the field of combating extremism. An appeal to foreign legislation shows that a criminal ban on the commission of nonviolent acts of an extremist orientation is established only in those countries that do not have an analogue of Russian administrative law in their arsenal.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, bitcoin, business crimes, subject of crime.

References

1. Federal law of the Russian Federation of 31.07.2020 No. 259-FZ "On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 01.08.2020).
2. Federal law of the Russian Federation of 26.10.2002 No. 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. St. 4190.
3. Federal law of the Russian Federation of 02.10.2007 No. 229-FZ "On enforcement proceedings" // Collection of legislation of the Russian Federation. 08.10.2007. No. 41. St. 4849.
4. Egorova M. A., Efimova L. G. The concept and features of legal regulation of cryptocurrencies // Business law. 2019. N 3. P. 11–16.
5. Efimova L. G. some aspects of the legal nature of cryptocurrencies // Yurist. 2019. N 3. P. 12–19.
6. the Russian court refused to recognize 55 million rubles of damage in bitcoin. 2.07.2020 [Electronic resource] // RBC: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5efdb4359a79470e8ada135> (accessed: 1.08.2020).
7. Sinyukov V. N. modern technological challenges and transformation of legal regulation // Digital law. 2020. C. 16.
8. Criminal-jurisdictional activity in the conditions of digitalization: monograph / N.A. Golovanova, A.A. Gravina, O.A. Zaitsev et al. – Moscow: Izisp, KONTRAKT, 2019.– 212 p.
9. Arner D.W., Buckley R.P., Didenko A., et al. Distributed Ledger Technology and Digital Assets – Policy and Regulatory Challenges in Asia // Asian Development Bank Economics Research Report; UNSW Law Research Paper. 2019. N 19–60, University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper N 2019/040.

Как стоит различать географические указания и наименования места происхождения товара

Ярыгин Никита Олегович,

аспирант кафедры интеллектуальных прав, ФГБОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: nickitayarygin@gmail.com

Данная работа представляет собой критический анализ критериев разграничения наименования места происхождения товаров и географического указания, установленных статьей 1516 ГК РФ, а также доктринальных подходов относительно данного вопроса. Автором высказывается ряд замечаний в отношении концепции, рассматривающей наименование места происхождения товара, как частный случай географического указания, и предлагается иной подход к разделению данных средств индивидуализации, основанный на анализе сущности тех связей, которые возникают между товаром и территорией, с которой он происходит. На основании данного подхода предложены иные, по сравнению с изложенными в ГК РФ условия охраноспособности рассматриваемых обозначений. К этим условиям, в том числе относится отмена требования о специальных формы выражения для наименования места происхождения и установление критерия известности обязательным для географического указания.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности; средства индивидуализации; географическое указание; наименование места происхождения товара; стадии производства; критерии охраноспособности;

С появлением нового объекта права интеллектуальной собственности – географического указания – встает вопрос: как различать два схожих средства индивидуализации – наименование места происхождения и географическое указание. Юристами как с теоретической, так и с практической точки зрения предлагаются различные подходы к соотношению данных объектов, начиная от достаточно формальных – по количеству стадий производства, происходящих в указанной географической области, или в зависимости от групп товаров, которыми обозначаются рассматриваемые средства индивидуализации, заканчивая рассмотрением наименования места происхождения товара как частного случая географического указания. Решение данной проблемы носит и прикладной характер, поскольку напрямую влияет на установление требований, предъявляемых законодательством к охраноспособным обозначениям.

С отсутствием четкой грани между географическим указанием и наименованием места происхождения товара связана и критика введения в перечень объектов права интеллектуальной собственности географического указания как *«второго, дублирующего во многом наименование места происхождения товара, охраняемого объект»* [1, с. 2], а также вывод о том, что *«установление самостоятельной правовой охраны географического указания как средства индивидуализации наряду с правовой охраной наименования места происхождения товара излишне»* [1, с. 4]. И с учетом нынешнего законодательного подхода к разделению рассматриваемых объектов – данный вывод О.А. Городова выглядит весьма логичным и обоснованным.

Постараемся разобраться в данной проблеме, рассмотрев различные взгляды на соотношение данных объектов, и предложить несколько иной подход их разграничения.

Исходя из положений пункта 1 статьи 1516 ГК РФ, законодатель разделяет географическое указание и наименование места происхождения в зависимости от

1) формы выражения: географическое указание может быть любое обозначение, идентифицирующее товар как происходящий из определенной территории, в то время как наименование места происхождения должно представлять собой обозначение, содержащее топоним, на который указывает, или полностью состоящее из него;

2) известности обозначения: для наименования места происхождения установлен критерий известности, который не применяется в случае с географическим указанием;

3) особенности товара, обусловленные его происхождением: определенное качество, репутация или другие характеристики для географического указания и особые свойства для наименования места происхождения;

4) степени влияния происхождения на особенность товара: в случае с географическим указанием отличительные черты продукта должны быть в значительной степени связаны с его географическим происхождением, а для предоставления охраны наименования места происхождения специфика исключительно определяется характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами;

5) количества стадий производства, влияющих на формирование особенностей товара, которые должны осуществляться в указанной области: хотя бы одна из стадий для географического указания и все стадии для наименования места происхождения.

Как видно из приведенных выше критериев, требования предоставления охраны географического указания значительно проще, чем предъявляемые к наименованию места происхождения, что позволяет расширить круг производителей, использующих обозначения географического происхождения (так автором настоящей статьи именуются охраняемые средства индивидуализации, общность которых определяется идентификацией товаров по месту их происхождения) за счет предоставления правовой охраны тем обозначениям, которые не могут быть зарегистрированы в качестве наименования места происхождения товара. Кроме того, если проанализировать эти критерии, то можно сделать вывод о том, что для российского законодательства наименование места происхождения является частным случаем географического указания, идентифицирующим товары с более тесной связью между их особенностями и местом их производства, что соответствует самому распространенному подходу в определении соотношения двух обозначений географического происхождения.

Данную концепцию в методических целях использует и Всемирная организация интеллектуальной собственности, указывая на то, что «*наименование места происхождения представляет собой особый вид географического указания*», объясняя дифференциацию между ними тем, что «*в случае наименования места происхождения связь с местом происхождения должна быть более сильной*» [2]. Нашла эта концепция отражение и в ряде работ российских ученых, посвященных обозначениям географического происхождения.

На более прочную связь особенностей товаров, обозначенных НМПТ, с территорией их происхождения указывает Э.А. Шахназарова, также определяя НМПТ как особый вид ГУ [3, с. 178]. Аналогичной позиции придерживается А.П. Рабец, соотнося наименование места происхождения и географическое указание как род и вид [4, с. 146].

Достаточно схожей является позиция В.И. Еременко, который отмечает, что качественные характе-

ристики товаров, обозначенных ГУ, не являются уникальными в отличие от объектов, идентифицируемых НМПТ [5, с. 22]. При этом ученым предлагается оригинальное сравнение: «*Если прибегнуть к языку моды, то упомянутые понятия соотносятся между собой, как высокая мода и добротный ширпотреб*» [6, с. 5]. При этом остается неясным, для каких целей законодатель предоставляет право на столь уникальное средство индивидуализации, коим является географическое указание, производителям «добротного ширпотреба», но об этом чуть позже.

О.А. Городов указывает, что свойства товаров, обозначенных ГУ, лишь должны быть связаны с географическим происхождением и формально не зависят от естественных условий и людских факторов, имеющих в области, обозначенной как территория происхождения [7, с. 21]. При этом, как уже указывалось выше, О.А. Городов достаточно критически относится к установлению правовой охраны одновременно в отношении двух обозначений географического происхождения [1 с. 4].

На наш взгляд, если рассматривать географическое указание как наименование места происхождения с пониженным уровнем связи особенностей товара и места его происхождения, то, действительно, его введение было бы не вполне оправдано, так как в таком случае было бы разумнее отказаться от критериев, препятствующих расширению круга лиц, использующих наименование места происхождения, если в этом имеется необходимость, а понятие «географическое указание» применять лишь в отношении отдельных категорий товаров (например, для вин), устанавливая специальный режим защиты через профильные нормативно-правовые акты. Либо наоборот, оставить НМПТ в качестве единственного охраняемого средства индивидуализации, предусмотрев дополнительные механизмы защиты против недобросовестных практик использования ГУ в рамках антимонопольного законодательства.

Однако есть и иной путь, который заключается в том, что в случае с географическими указаниями предлагается рассматривать связь между местом происхождения и товаром не как более слабую по сравнению с НМПТ, а как принципиально иную. В случае с ГУ связь между местом и товаром не является чисто физической, так как она рождается в первую очередь в сознании потребителей, которые в результате бесчисленного множества сделок начинают позиционировать товар, происходящий из конкретного места, как имеющий особые характеристики. Сами же характеристики могут носить весьма субъективный характер.

Можно сказать, что в данном случае особую ценность представляет тот нематериальный компонент места, формирующий особые производственные практики, традиции изготовления и ноу-хау, благодаря которым у товара возникают те особые свойства, которые выделяют его среди аналогичных товаров и помогают создать особую репутацию продукта у потребителей. В процессе

длительного товарного оборота идентификация таких ценных нематериальных активов, как репутация и узнаваемость формируются вокруг определённого места, изначально являвшегося лишь набором координат. И именно эти нематериальные активы являются сутью связи места и товара в случае с географическим указанием. Отсюда следует и вывод о том, что известность является необходимым критерием для географического указания даже в большей степени, чем для наименования места происхождения.

Так, в основе европейского подхода к расширению перечня охраняемых обозначений географического происхождения лежит компромисс между разными пониманиями сути связи товара и места: регионы южной Европы отдают предпочтение естественным факторам, непосредственно определяющим свойства товаров, в то время как по мнению представителей стран северной Европы, качества определяются использованием ноу-хау и опытом производителей [См 8 с.136–155].

Таким образом, главным вопросом в разграничении наименования места происхождения и географического указания является следующий: что именно послужило отправной точкой в формировании специфики товара: продолжительная производственная практика в указанном регионе или естественные факторы?

С практической точки зрения это означает, что:

1) ГУ и НМПТ не должны различаться по форме выражения и могут представлять собой любое обозначение, идентифицирующее товар как происходящий из определенной территории;

2) критерий известности должен применяться для обоих обозначений географического происхождения;

3) специфические характеристики товара, обусловленные его происхождением, как и степень влияния происхождения на эти характеристики в случае с географическим указанием, могут являться субъективными или оценочными категориями и могут определяться, исходя из известности обозначения и мнения широкого круга потребителей о товаре, происходящем с указанной территории;

4) для товара, обозначенного географическим указанием на указанной территории, должны осуществляться те стадии производства, которые связываются с характеристиками товара.

Предлагаемый автором работы подход к разграничению наименования места происхождения и географического указания, безусловно, является спорным и требующим обсуждения. В связи с чем хотелось бы привлечь внимание специалистов к данной теме с целью обсуждения должного критерия разграничения географического указания и наименования места происхождения.

Литература

1. Городов О. А. О географических указаниях и наименованиях мест происхождения това-

ров // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019 № 8. С. 2–9.

2. https://www.wipo.int/geo_indications/ru/faq_geographicalindications.html (дата обращения 24 сентября 2020 года)
3. Шахназарова Э. А. Особенности международного правового охраны наименований мест происхождения товаров и географических указаний в свете принятия Женевского акта Лиссабонского соглашения 20 мая 2015 г. // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 171–180
4. Рабец А. П. О некоторых аспектах правовой охраны географических указаний в качестве новых объектов интеллектуальных прав // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 140–151.
5. Еременко В. И. Географическое указание: Новый объект – новые проблемы. Часть I // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 1. С. 20–28
6. Еременко В. И. Географическое указание: Новый объект – новые проблемы. Часть II // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 2. С. 2–19
7. Городов О. А. Изменения в правилах правовой охраны средств индивидуализации уникальных товаров // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 3. С. 19–26.
8. См. Штоппель В. Охрана географических указаний происхождения и наименований мест происхождения товара // Вопросы охраны интеллектуальной собственности и противодействия монополистической деятельности. Минск: Амалфея, 2011. – С. 136–155.

HOW TO DISTINGUISH GEOGRAPHICAL INDICATIONS AND APPELLATION OF ORIGIN

Yarygin N.O.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This work is a critical analysis of the criteria for distinguishing between appellation of origin of goods and geographical indication, established by Article 1516 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as doctrinal approaches to this issue. The author makes a number of comments regarding the concept that considers the appellation of origin of goods as a special case of geographical indication, and propose a different approach to the separation of these means of individualization, based on the analysis of the essence of those connections that arise between the goods and the territory with which it occurs. On the basis of this approach, other, in comparison with those set out in the Civil Code of the Russian Federation, conditions for the protection of the considered designations are proposed. These conditions, among other things, include the abolition of the requirement for special forms of expression for an appellation of origin and the establishment of the criterion of prominence as mandatory for a geographical indication.

Keywords: intellectual property; means of individualization; geographical indication; appellation of origin of goods; production stages; eligibility criteria.

References

1. Gorodov OA About geographical indications and appellations of origin of goods // Patents and licenses. Intellectual rights. 2019 No. 8. P. 2–8.
2. https://www.wipo.int/geo_indications/ru/faq_geographicalindications.html (date of the application 24 September 2020);

3. Shakhnazarova E.A. Features of international legal protection of appellations of origin and geographical indications in the light of the adoption of the Geneva Act of the Lisbon Agreement on May 20, 2015 // Journal of Russian Law. 2016. No. 11. P. 171–180
4. Rabets A.P. On some aspects of the legal protection of geographical indications as new objects of intellectual rights // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2019. No. 2. P. 140–151
5. Eremenko V.I. Geographical Indication: New object – new problems. Part I // Patents and licenses. Intellectual rights. 2020. No. 1. P. 20–28
6. Eremenko V.I. Geographical Indication: New object – new problems. Part II // Patents and licenses. Intellectual rights. 2020. No. 2. P. 2–19
7. Gorodov O.A. Changes in the rules of legal protection of means of individualization of unique goods // Patents and licenses. Intellectual rights. 2020. No. 3. P. 19–26
8. Shtopel V. Protection of geographical indications of origin and appellations of origin of goods // Issues of intellectual property protection and counteraction to monopolistic activity. Minsk: Amalfeya, 2011. P. 136–155

Проблема запрета осуществления коллекторской деятельности в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг

Масленников Эрнест Александрович,

аспирант Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации

E-mail: ernestmaslennikov@gmail.com

В настоящей работе рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования коллекторской деятельности юридических лиц в контексте изменений жилищного законодательства. Автор анализирует обоснованность введения законодательного запрета на осуществление коллекторской деятельности в сфере взыскания (возврата) задолженности физических лиц по денежным обязательствам, возникшим по основаниям, предусмотренным действующим жилищным законодательством. В работе приводится классификация оснований ограничений применения законодательства о коллекторской деятельности по субъектному составу, по отраслевому критерию. Отстаивается тезис о необоснованности введения абсолютного запрета на осуществление профессиональными коллекторскими организациями, а также кредитными организациями действий по возврату задолженности за жилищно-коммунальные услуги на основании договоров уступки требования и агентирования, приводятся аргументы теоретического и практического, подтверждающие данную позицию. Отмечается, что введение данного запрета не служит достижению социально значимых целей правового регулирования и несет риски возникновения убытков у добросовестных участников гражданского оборота.

Ключевые слова: обязательство, исполнение обязательства, коллекторская организация, должник, закон о коллекторской деятельности, жилищное законодательство.

В 2016 году на волне негативной информационной обстановки в средствах массовой информации и необходимостью социально адекватной реакции со стороны государства российским законодателем был принят Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [1] (далее – Закон о коллекторской деятельности, Закон). Как следует из наименования и положений статей Закона данный нормативный правовой акт был принят в целях надлежащего и наиболее правового регулирования деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц (далее – коллекторская деятельность) как таковой сферы предпринимательской деятельности, которая наиболее часто подвержена злоупотреблениям со стороны профессиональных субъектов соответствующего рынка [2]. Под последними мы имеем в виду, в частности, микрофинансовые организации, кредитные организации, а также иные кредиторы, осуществляющие предпринимательскую деятельность, например, товарищество собственников жилья, управляющая многоквартирным домом организация, ресурсоснабжающая организация и др.

В целях защиты прав и законных интересов физических лиц Закон о коллекторской деятельности устанавливает правовые основы коллекторской деятельности (ч. 1 ст. 1 Закона). Данное положение получило детализованное развитие как в последующий нормативно-правовых положениях Закона о коллекторской деятельности, иных федеральных законах, так и в подзаконных актах. Так, Законом о коллекторской деятельности установлены требования, которым должны соответствовать юридические лица, осуществляющие коллекторскую деятельность (например, по размеру уставного капитала, чистым активам), порядок и условия включения таких юридических лиц в специальный реестр, общие и специальные правила по осуществлению отдельных способов взаимодействия в должником – физическим лицом, необходимость участия коллекторских организаций в некоммерческих организациях, саморегулируемых организациях и иные юридически значимые вопросы.

Кроме того, в силу ч. 1 ст. 3 Закона правовое регулирования коллекторской деятельности осуществляется в соответствии с общими положениями Гражданского кодекса РФ [3] (далее – ГК РФ) и иными федеральными законами, что подчеркивает стремления российского законодателя обеспечить осуществления заявленной выше цели не посредством запрета коллекторской деятельности, а установить оптимальные и всеобъемлющие правила и ограничения для реализации права требования кредитора, в том числе посредством привлечения коллекторской организации [4]. В условиях пандемии COVID-19 особо следует отметить принятие Федерального закона от 20.07.2020 № 215-ФЗ «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции» [5] (далее – Закон о рассрочке погашения задолженности), согласно ч. 4 ст. 2 которого коллекторской организации не вправе осуществлять деятельность по возврату просроченной задолженности по обязательству, по которому предоставлена рассрочка. В ряду подзаконных нормативных правовых актов наибольшее юридическое значение для анализа и оценки представляют постановления Правительства Российской Федерации, принятые на основании и во исполнение положений Закона о коллекторской деятельности. Например, Правительством Российской Федерации определена Федеральная служба судебных приставов как орган контрольно-надзорный орган в данной сфере предпринимательской деятельности [6].

Как видно из краткого анализа системы нормативных правовых актов законодателем был избран вариант жесткого специального нормативно-правового регулирования коллекторской деятельности как отдельного вида предпринимательской деятельности. Вместе с тем, данный специальный Закон не распространяется на все виды гражданско-правовых обязательств с просрочкой исполнения на стороне должника.

Во-первых, из-под действия Закона о коллекторской деятельности выведены обязательство с иным, неденежным исполнением, будь то передача индивидуально-определенной вещи, выполнение работ, оказание услуг и др. (ст. 307 ГК РФ). Легального определения денежного обязательства гражданское законодательство не содержит, однако Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что исполнение денежного обязательства предполагает использование денег в качестве средства платежа (средства погашения денежного долга) [7].

Во-вторых, из системного анализа положений ч. 1–4 ст. 1 Закона о коллекторской деятельности без законодательного регулирования остались общественные отношения, возникающие в связи и по поводу осуществления действий по возврату задолженности по денежным обязательствам, должниками по которым выступают юридически

лица и (или) индивидуальные предприниматели. Данная разновидность коллекторской деятельности получила в юридической литературе доктринальное определение – корпоративное коллекторство. Так, по мнению Д.Ю. Жданухина, корпоративное коллекторство – внесудебный возврат долгов организаций [8]. Данная разновидность коллекторской деятельности отличается возможностью негативного информационного воздействия, нанесения репутационного вреда предпринимателю юридическому лицу и (или) индивидуальному предпринимателю, которые рассматриваются как формы эффективного давления на последние [9].

В-третьих, в силу прямого указания ч. 4 ст. 1 Закона о коллекторской деятельности отдельные правовые отношения, возникающие в связи и по поводу осуществления действий по возврату задолженности граждан по обязательствам, возникшим по основаниям, предусмотренным жилищным законодательством, а также законодательством о водоснабжении, водоотведении, теплоснабжении и др., не регулируются настоящим Законом. Классическим примером последних может служить обязательство собственника по внесению платы за жилое помещение согласно ст. 155 Жилищного кодекса РФ [10] (далее – ЖК РФ). Иными словами, деятельность управляющих компаний, товариществ собственников жилья (ст. 291 ЖК РФ), ресурсоснабжающих организаций [11] выводилась из предмета правового регулирования Закона, специально принятого с целью защиты граждан. Вместе с тем коллекторская деятельность специально созданных и соответствующих законодательным требованиям юридических лиц по возврату задолженности физических лиц за жилищно-коммунальные услуги первоначально допускалась. Небезынтересно отметить, что данное положение Закона о коллекторской деятельности претерпело изменения в связи необходимостью защиты прав и законных интересов граждан при осуществлении коллекторскими организациями деятельности по возврату задолженности за жилищно-коммунальные услуги. При этом в контексте динамики изменений действующего законодательства представляется необходимым отметить следующее.

В прежней редакции ч. 4 ст. 1 Закона о коллекторской деятельности было указано, что в случае передачи полномочий по взысканию задолженности за предоставленные жилищно-коммунальные услуги кредитным организациям или коллекторским организациям, на последние распространяется действие данного Закона. Следовательно, по первоначальному замыслу законодателя коллекторская деятельность, советующая требованиям специального федерального закона, принципиально допускалась. Договорно-правовым основанием коллекторской деятельности юридического лица в сфере взыскания (возврата) задолженности за оказанные жилищно-коммунальные услуги на практике являлись сделка по уступке требова-

ния или цессия (ст. 382, 388 ГК РФ) или агентский договор (ст. 1005 ГК РФ), и никаких ограничений в данном аспекте в российском законодательстве предусмотрено не было.

Однако 11 марта 2019 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен Проект Федерального закона № 662059–7 [12], концепция которого была направлена на запрет взыскания (точнее – возврата) с физических лиц задолженности за жилищно-коммунальные услуги юридическими лицами, осуществляющим деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, т.е. коллекторскими организациями. Согласно пояснительной записке к законопроекту целью введения ограничения является «конкретизация гарантии защиты прав граждан ...». Для их достижения авторами законопроекта предлагались среди прочего следующие законодательные новеллы:

1) предусмотреть в ЖК РФ запрет «... уступать право (требование) по взысканию просроченной задолженности» за жилищно-коммунальные услуги любым лицам, помимо профессиональных участников рынка жилищно-коммунальных услуг, например, управляющей компании, товариществу собственников жилья и др.;

2) пересмотреть норму ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности ...», определяющую предмет его правового регулирования, в части исключения передачи кредитным организациям, а также коллекторским организациями как профессиональным взыскателям полномочий по взысканию задолженности за жилищно-коммунальные услуги.

В настоящее время данный законопроект принят в качестве Федерального закона от 26.07.2019 № 214-ФЗ [13], который вступил в силу 26 июля 2019 года, и вышеприведенные положения стали официальными законодательными изменениями (новеллами), ограничивающими (запрещающими) деятельность отдельных организаций, направленных на возврат задолженности в сфере ЖКХ. На наш взгляд, данный подход к правовому регулированию общественных отношений является избыточным по ряду причин, однако прежде чем привести аргументы в обоснование нашей точки зрения, мы приведем перечень данных новелл.

Во-первых, согласно ч. 4 ст. 1 Закона о коллекторской деятельности в пореформенной редакции исключена положение о возможности передачи полномочий по взысканию задолженности за жилищно-коммунальные услуги как кредитным организациям, так и коллекторским организациям.

Во-вторых, ст. 155 ЖК РФ дополнена частями 18 и 19, нормативно-правовое содержание которых устанавливает запрет для профессиональных участников рынка жилищно-коммунальных услуг на совершение сделки по уступке права

(требования) по обязательствам граждан, возникающим по основаниям, предусмотренным жилищным законодательством. Данный договор уступки требования в силу прямого предписания ч. 18 ст. 155 ЖК РФ считается ничтожным. Однако в случае, если цессионером по договору уступки будет выступать управляющая компания, товарищество собственников жилья или иной профессиональный участник рынка жилищно-коммунальных услуг, данная сделка будет являться действительной.

Следовательно, российский законодатель резко изменил правовой подход к решению проблемы коллекторской деятельности в аспекте взыскания (возврата) задолженности за жилищно-коммунальные услуги, практически лишив коллекторские организации возможности осуществлять деятельность по возврату задолженности граждан за жилищно-коммунальные услуги. Вместе с тем это противоречит запросу организаций рынка жилищно-коммунальных услуг, которые высказывались за расширение сотрудничества с коллекторскими организациями по взысканию долгов граждан по оплате жилищно-коммунальных услуг. Об этом свидетельствуют данные Национальной ассоциации профессиональных коллекторских агентств [14] и судебно-арбитражной практики [15]. На наш взгляд, данный запрет на осуществление коллекторской деятельности по основанию возникновения обязательства и соответственно задолженности представляются необоснованными и неэффективными по следующим причинам.

Во-первых, запрет на уступку прав требований за жилищно-коммунальные услуги является неоправданным вмешательством в гражданско-правовое регулирование обязательственных правоотношений. Так, проблема ограничения уступки права требования по субъектному составу, сводящемуся к профессиональным участникам определенного сектора экономики, в науке и практике не нова. Ярким примером является имевшее ранее место противоречие подходов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросу действительности уступки требования к заемщику-потребителю, когда цессионер не является кредитной организацией. Недавно Верховный Суд поставил точку в данном вопросе в пользу действительности такой уступки [16]. Примечательно, что аргументация авторов законопроекта коррелирует с позицией сторонников предшествующей практики Верховного Суда РФ.

Во-вторых, цель защиты прав и законных граждан не была и не будет достигнута, поскольку практика взыскания задолженностей со стороны профессиональных участников рынка жилищно-коммунальных услуг не ограничена ни правилами, аналогичными нормам Закона о коллекторской деятельности, ни мерам административной ответственности. Именно это и способствует нарушению прав граждан. Наоборот, профессиональные коллекторские организации, к которым действует более строгое законодательство предъявляет повышенные

требования на всех стадиях осуществления коллекторской деятельности от создания юридического лица, присвоения последнему специального правового статуса до регламентации совершения отдельных способов взаимодействия с должником, ориентированы на соблюдение норм действующего законодательства и добросовестную практику возврата задолженностей. В случае же нарушения коллекторские организации требований Закона и (или) стандартов практики добросовестного взыскания задолженности, утвержденных саморегулируемой организацией «Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств» (далее – СРО НАПКА), такие организации будут отстранены как от работы с долгами граждан по оплате жилищно-коммунальных услуг, так и от осуществления коллекторской деятельности в целом посредством исключения записи из реестра коллекторских организаций (ст. 16 Закона о коллекторской деятельности).

В-третьих, принятие данного федерального закона ограничило возможность для управляющих компаний и иных организаций в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг извлечения прибыли посредством уступки прав требований по обязательствам граждан или передаче полномочий по взысканию задолженности на основании агентского договора. Тем самым, данные организации будут вынуждены учитывать риски неоплаты задолженностей при формировании тарифов за жилищно-коммунальные услуги, что в свою очередь принесет дополнительное финансовое бремя на тех собственников жилых помещений, которые добросовестно исполняют свои обязательства по оплате жилищно-коммунальных услуг надлежащим образом.

Таким образом, введенный с 26 июля 2019 года Федеральный закон от 26.07.2019 № 214-ФЗ запрет кредитным и коллекторским организациям на осуществление деятельности, направленной на возврат просроченной задолженности по денежным обязательствам граждан за предоставленные жилищно-коммунальные услуги не является оправданным, не способствует достижению целей правового регулирования коллекторской деятельности и подлежит изменению и (или) отмене.

Литература

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4163.
2. Соловьев И.Н. Антиколлектор. Правовые основы государственного регулирования взыскания просроченной задолженности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2016. Приведено по СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».
4. Санникова Л., Нестеренко А., Докучаева Е., Гальперин М., Жданухин Д., Масленникова А., Кукин А., Зайцев Р., Валуева Л. Коллекторам закон написан: кто выиграет? // Закон. 2016. № 7. Приведено по СПС «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 20.07.2020 № 215-ФЗ «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4741 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Правительства РФ от 19.12.2016 № 1402 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном осуществлять ведение государственного реестра юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, и федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью юридических лиц, включенных в указанный реестр» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7666 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».
8. Жданухин Д.Ю. Ведение реестра коллекторских агентств в России: возможные сложности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11. Приведено по СПС «Консультант Плюс».
9. Гуреев В.А. Отдельные вопросы оптимизации сферы применения законодательства о защите прав должников при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 4. Приведено по СПС «Консультант Плюс».
10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».
11. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // Собрание законодательства

РФ. 2011. № 22. Ст. 3168 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».

12. Паспорт проекта Федерального закона № 662059–7 «О внесении изменений в статьи 155 и 162 Жилищного кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (в части запрета на уступку права требования по взысканию просроченной задолженности по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги третьим лицам)». Документ опубликован не был. Приведено по СПС «Консультант Плюс».
13. Федеральный закон от 26.07.2019 N214-ФЗ «О внесении изменений в статьи 155 и 162 Жилищного кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4116 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».
14. Коммунальщики заявили о планах передавать коллекторам долги по ЖКХ // Официальный сайт Национальной ассоциации профессиональных коллекторских агентств (НАПКА): http://www.napca.ru/publishing/3994/?sphrase_id=9865. Дата обращения: 20.10.2020.
15. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2018 № 10АП-11882/2018 по делу № А41–17813/18. Документ опубликован не был. Приведено по СПС «Консультант Плюс».
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Российская газета. 2017. № 297 (с изм. и доп.). Приведено по СПС «Консультант Плюс».

THE PROBLEM OF DEBT COLLECTION ACTIVITIES PROHIBITION IN THE COMMUNAL SERVICES PROVISION

Maslennikov E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This paper examines topical problems of legal regulation of collection activities of legal entities in the context of changes in housing legislation. The author analyzes the validity of the introduction of a legislative ban on the implementation of collection activities in the field of collection (return) of debts of individuals on monetary obligations arising on the grounds provided for by the current housing legislation. The paper provides a classification of the grounds for limiting the application of legislation on collection activities by subject composition, by industry criterion. The thesis is defended on

the groundlessness of introducing an absolute ban on professional collection organizations, as well as credit organizations, of actions to recover debts for housing and communal services on the basis of assignment and agency agreements, theoretical and practical arguments are presented that confirm this position. It is noted that the introduction of this prohibition does not serve the achievement of socially significant goals of legal regulation and carries risks of losses for bona fide participants in civil turnover.

Keywords: obligation, performance of an obligation, debt collection organization, debtor, law on collection activities, housing legislation.

References

1. Federal Law of 03.07.2016 No. 230-FZ "On the protection of the rights and legitimate interests of individuals in the implementation of activities for the return of overdue debts and on amendments to the Federal Law" On Microfinance Activities and Microfinance Organizations // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (Part I). Art. 4163.
2. Soloviev I.N. Anti-collector. Legal foundations of state regulation of the collection of overdue debts: a tutorial. Moscow: Prospect, 2016. Provided by ATP Consultant Plus.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301 (with amendments and additions). Provided according to ATP "Consultant Plus".
4. Sannikova L., Nesterenko A., Dokuchaeva E., Galperin M., Zhdanukhin D., Maslennikova A., Kukin A., Zaitsev R., Valueva L. The law is written for collectors: who will win? // Law. 2016. No. 7. Provided according to the ATP "Consultant Plus".
5. Federal Law of 20.07.2020 N215-FZ "On the peculiarities of the execution of judicial acts, acts of other bodies and officials, as well as the return of overdue debts during the spread of a new coronavirus infection" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 30. Art. 4741 (with amendments and additions). Provided according to the ATP "Consultant Plus".
6. Decree of the Government of the Russian Federation of December 19, 2016 No. 1402 "On the federal executive body authorized to maintain the state register of legal entities carrying out activities for the return of overdue debt as the main type of activity, and federal state control (supervision) over the activities of legal entities, included in the specified register" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 52 (Part V). Art. 7666 (with amendments and additions). Provided according to ATP "Consultant Plus".
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7 "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations" // Rossiyskaya Gazeta. 2016. No. 70 (with amendments and additions). Provided according to ATP "Consultant Plus".
8. Zhdanukhin D. Yu. Maintaining the register of collection agencies in Russia: possible difficulties // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 11. Provided according to the ATP "Consultant Plus".
9. Gureev V.A. Certain issues of optimization of the scope of application of legislation on the protection of debtors' rights in the implementation of activities for the return of overdue debts // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. No. 4. Provided according to the ATP "Consultant Plus".
10. Housing Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 188-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (part 1). Art. 14 (with amendments and additions). Provided according to ATP "Consultant Plus".
11. Decree of the Government of the Russian Federation of 05/06/2011 No. 354 "On the provision of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 22. Art. 3168 (as amended and supplemented). Provided according to the ATP "Consultant Plus".
12. Passport of the draft Federal Law No. 662059–7 "On Amendments to Articles 155 and 162 of the Housing Code of the Russian Federation and Article 1 of the Federal Law" On Protection of the Rights and Legal Interests of Individuals in the Implementation of Activities to Return Overdue Debts and on Amendments to the Federal Law "On microfinance activities and microfinance organizations" (in terms of the prohibition on assign-

ment of the right of claim to collect overdue debts for payment of housing and utilities payments to third parties) “. The document has not been published. Provided according to ATP “Consultant Plus”.

13. Federal Law of July 26, 2019 N214-FZ “On Amendments to Articles 155 and 162 of the Housing Code of the Russian Federation and Article 1 of the Federal Law” On the Protection of the Rights and Legal Interests of Individuals in Carrying Out Activities to Return Overdue Debts and on Amendments to the Federal Law “On Microfinance Activity and Microfinance Organizations” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 30. Art. 4116 (with amendments and additions). Provided according to the ATP “Consultant Plus”.
14. Utilities announced plans to transfer debts to collectors for housing and communal services // Official website of the National Association of Collection Agencies (NAPKA): http://www.napca.ru/publishing/3994/?sphrase_id=9865. Date of treatment: 10/20/2020.
15. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 08.08.2018 No. 10AP-11882/2018 in case No. A41–17813 / 18. The document has not been published. Provided according to the ATP “Consultant Plus”.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017 No. 54 “On some issues of applying the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in the obligation on the basis of a transaction” // Rossiyskaya Gazeta. 2017. No. 297 (with amendments and additions). Provided according to ATP “Consultant Plus”.

Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия

Дарда Алексей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

E-mail: kafedraotpd.tgpdarda@mail.ru

Статья посвящена анализу существующих в настоящий момент в системе правосудия информационных технологий. Автор выделяет характерные черты этих технологий, раскрывает сущность, положительные и отрицательные стороны, а также их влияние на правосудие. В частности, раскрываются такие дополнительные преимущества электронного правосудия как возможность заявителя предоставлять документы в электронной форме, контролировать этапы продвижения дела в суде, принимать участие в процессе в дистанционном формате с помощью видеоконференцсвязи, что позволяет существенно экономить средства граждан, а так же упрощает и ускоряет сам процесс обращения, позволяя оставаться в рамках процессуальных сроков. Выделяется ряд проблем, связанных с внедрением информационных технологий в судебный процесс в Российской Федерации. В частности, анализируются и даются практические рекомендации по таким вопросам как защита информации, которая попадает в системы электронного правосудия, вопрос детального закрепления в процессуальном законодательстве порядка проведения судебного заседания с использованием процедуры видеоконференцсвязи, вопрос возможности участия адвоката в процессе при применении видеоконференцсвязи для защиты своего клиента, вопрос двойного документооборота и вопрос закрепления обязанности по распечатке искового заявления и всех письменных доказательств и их дальнейшему сообщению всем заинтересованным лицам на работника аппарата суда при электронной форме подачи обращения. На основе исследования тенденций развития информационных технологий сделаны выводы о проблемах и возможностях дальнейшего внедрения информационных технологий в российское судопроизводство.

Ключевые слова: информационные технологии, электронное правосудие, видеоконференцсвязь, электронная подпись.

Стремительное развитие научно-технического прогресса и внедрение новых технологий способствовало изобретению и широкому распространению большого количества средств коммуникации в обществе, что отразилось на нем и привело к изменениям во всех сферах жизни, способствовало созданию новых форматов взаимодействия человека и государства и особенно создание новых возможностей по защите имеющихся у человека прав. В этой связи особое значение приобретает вопрос обеспечения доступности граждан к правосудию и обеспечение максимально возможной прозрачности ее деятельности.

Данное обстоятельство не могло не отразиться на правовом регулировании правоприменительной деятельности, а также появлению дополнительных прав и обязанностей участников правоприменительного процесса. В связи с чем, в последние годы в деятельности судов мы наблюдаем широкое распространение новых информационных технологий, которые способствуют повсеместному внедрению электронного правосудия.

Электронное правосудие – это способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий. Оно включает в себя целый ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности судов и систем автоматизации судопроизводства. Электронные инструменты обеспечивают абсолютную открытость и доступность судов, улучшение качества судебской работы, сокращение издержек и максимальное удобство для участников спорных правоотношений [15].

По мнению Тищенко А.В. электронное правосудие – это осуществление судами разрешения правовых конфликтов путем совершения процессуальных действий посредством электронного документооборота и системы видео-конференц-связи, результаты которого отображаются в информационной системе [13].

Так же в научной литературе существует и такая точка зрения, исходя из которой электронное правосудие – это триединство: «электронные процессуальные действия», «электронные документы» и «электронное обеспечение» [5].

С помощью электронного правосудия у участников судебного разбирательства появляются дополнительные преимущества. В частности, появляется возможность обращения в суд и предоставление соответствующих документов в электронной форме, заявитель может проконтролировать этапы продвижения дела в суде, имеет обратную связь с судом, что ускоряет сам процесс

и имеет возможность принять участие в процессе в дистанционном формате с помощью конференцсвязи, что частично экономит время и финансы его участников.

В современный период времени информационные технологии в правосудии представлены системой «Интернет-портал ГАС «Правосудие» и множеством ее подсистем. Основные ее задачи сводятся к тому, чтобы обеспечить формирование единого информационного пространства, в котором возможна полноценная реализация новых информационных технологий, совершенствование механизма обращений граждан в суд (в том числе возможность подачи обращений в электронной форме).

В 2016 году Судебный департамент при Верховном Суде РФ утверждает Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде.

С 1 января 2017 г. у граждан возникает возможность подачи своих исковых заявлений во все федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде. В связи с чем, на портале ГАС «Правосудие» разрабатывается и размещается унифицированная форма самого заявления [14]. Например, для подачи искового заявления в судебный орган требуется на его сайте заполнить вышеупомянутую форму и приложить отсканированное заявление и все доказательства правоты заявителя. Далее работник аппарата суда должен в течение дня распечатать копию обращения в суд и приобщить на бумажном носителе к материалам судебного дела [6]. Формируется дополнительное требование к желающим реализовать право на подачу обращения в электронной форме, а именно заявитель должен обладать электронной подписью (в некоторых случаях усиленной квалифицированной электронной подписью). В частности, подписание усиленной квалифицированной электронной подписью требуется исключительно в следующих случаях:

- заявление об обеспечении иска (ч. 1 ст. 139 ГПК);
- подача искового заявления, содержащего ходатайство об обеспечении иска (ч. 4 ст. 131 ГПК);
- заявление о приостановлении исполнения судебного акта (ч. 1 ст. 391.5 ГПК) [2].

Данное обстоятельство видится нам как положительный аспект, поскольку позволяет существенно экономить средства граждан (если сравнить с подачей заявления лично, через представителя или с помощью почты), а также упрощает и ускоряет сам процесс обращения, позволяя оставаться в рамках процессуальных сроков. В то же самое время данный способ подачи обращений вовсе не исключает возможность подачи таковых в классическом виде, т.е. на бумажном носителе.

Еще одним позитивным проявлением новых информационных технологий является видеоконференцсвязь. Данная технология позволяет сформировать единое информационное пространство,

в рамках которого происходит объединение судов разных уровней друг с другом и судов со следственными изоляторами. Данный элемент электронного правосудия позволяет существенно экономить финансовые средства, связанные с перевозкой лиц из следственных изоляторов в суды для рассмотрения дела. Кроме того, с помощью видеоконференцсвязи происходит экономия времени, причем как у самого суда, так и у участников процесса, которые сохраняют возможность оставаться на месте, при этом находясь в разных географических регионах.

В отношении использования видеоконференцсвязи имеются определенные основания, ограничивающие ее применение в судебном процессе. Они сводятся к следующему:

- если рассмотрение дела происходит в закрытом судебном заседании;
- отсутствует техническая возможность использования видеоконференцсвязи.

Особую актуальность видеоконференцсвязь получила в настоящее время, когда в условиях коронавирусной инфекции позволила судебной системе продолжить свою работу в непростой ситуации.

Несмотря на множество положительных аспектов электронного правосудия, существует достаточное количество проблемных вопросов, разрешение которых позволит исключить его уязвимые места.

Наиболее важной проблемой является вопрос связанный с защитой информации, которая попадает в системы электронного правосудия, а точнее всего соблюдение баланса между защитой прав лиц на получение информации и соблюдением правового режима охраняемых законом тайн и возможных ограничений прав и свобод.

Согласно федерального закона № 262-ФЗ от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» при размещении судебных решений в сети Интернет в целях защиты прав и обеспечения безопасности потерпевшего его персональные данные подлежат исключению из текста судебного решения. Вместо исключенных персональных данных используются инициалы, псевдонимы или другие обозначения, не позволяющие идентифицировать личность потерпевшего [9].

Вопрос обеспечения безопасности информации, которая имеется в системе ГАС «Правосудие» является крайне актуальным и ему должно уделяться огромное внимание. К этой проблеме должны привлекаться профессиональные специалисты, в силах которых создать надежную защиту данной информации через разработку эффективных средств ее осуществления. Информация, используемая в судебном процессе, должна быть защищена от незаконных посягательств. Данный аспект безопасности очень важен, поскольку в противном случае может быть нанесен серьезный репутационный ущерб всей судебной власти или отдельным участникам процесса.

Очередной проблемой в системе электронного правосудия является вопрос детального закрепления в процессуальном законодательстве порядка проведения судебного заседания с использованием процедуры видеоконференцсвязи. В настоящее время в действующих нормативно-правовых актах закреплена возможность (право, а не обязанность) проведения судебного заседания в данном формате, но одновременно с этим не конкретизирован вопрос обязательного порядка немедленного ознакомления с документами, представленными в процессе как доказательства. Достаточно часто суд ссылается на отсутствие технической возможности мгновенного ознакомления с представленными доказательствами, и сторона лишается возможности выразить свои мнения или соображения по данному поводу. Подобная ситуация не самым лучшим образом может отразиться на конечный результат рассмотрения дела, т.к. при вынесении решения суда не исключена ошибка.

В обязательном порядке необходима правовая регламентация использования электронной подписи для подтверждения юридической значимости исполнительного документа. Данное нововведение значительно усовершенствует и ускорит процесс исполнения судебных актов. Для создания исполнительного документа в виде электронного документа потребуется обеспечить судей электронной подписью. Однако в настоящее время техническими решениями ГАС «Правосудие» применение электронных документов, юридическая значимость которых подтверждается электронной подписью, не предусмотрено [8].

Так же необходимо затронуть вопрос возможности участия адвоката в процессе при применении видеоконференцсвязи для защиты своего клиента. Процессуальным законодательством данный вопрос не урегулирован, однако на практике достаточно часто в процессе возникает необходимость в обсуждении между адвокатом и своим клиентом конфиденциальной информации. Подобная необходимость в процессе может возникать достаточно часто, и если будет отсутствовать какой-либо отдельный канал связи, то потенциально это может ограничить или нарушить конституционное право на юридическую помощь [11].

Еще одним потенциально проблемным аспектом в вопросе применения процедуры видеоконференцсвязи может являться возможность более простой (легкой) дачи заведомо ложных показаний. Данное обстоятельство не самым лучшим образом влияет на распространение данной информационной технологии, в том числе и в других государствах, даже при наличии технической возможности.

Необходимо затронуть проблему двойного документооборота. В сложившейся ситуации работники аппарата суда выполняют первичную регистрацию, передачу и другие дальнейшие действия, как в электронном виде, так и на бумажном носителе. В итоге, работа продлевается дважды, что

перегружает аппарат суда и не отвечает основным целям внедрения новых информационных технологий. Более того, сложившаяся ситуация провоцирует необходимость в распечатывании большого объема документов для направления их в адрес других участников разбирательства.

Так же хочется затронуть еще один уязвимый вопрос ничем не регламентируемый до настоящего времени, который касается закрепления на работника аппарата суда при электронной форме подачи обращения обязанности по распечатке искового заявления и всех письменных доказательств, а так же их дальнейшему сообщению всем заинтересованным лицам. Практика применения складывается весьма разнообразным образом. От вменения обязанности заявителю самостоятельно информировать все заинтересованные стороны (позитивный исход), до оставления искового заявления без движения, если работник аппарата суда по своей доброй инициативе не размножит исковое заявление и все доказательства к нему и не направит в адрес всех участвующих в деле лиц. Освобождение истцов, обратившихся в суд посредством сервиса «Электронное правосудие», от обязанности представить копии документов на бумажном носителе поставит их в неравное положение с лицами, обратившимися в суд в обычном порядке (ведь они обязаны нести расходы по представлению копий документов), а также возложит на суды необоснованные и дополнительные расходы по изготовлению документов на бумажном носителе [4].

В сложившейся ситуации, на наш взгляд, следует взять на вооружение вариант, существующий в арбитражном процессе, который предполагает самостоятельное направление истцом копий всех документов, лицам, участвующим в деле и направление в суд соответствующего уведомления о вручении. Данный вариант развития событий будет способствовать развитию ситуации, в которой стороны смогут начать взаимодействовать и возможно инициируют примирительную процедуру, которая будет выгодна самим сторонам и снизит нагрузку на суд. Так же соглашаемся с мнением И.В. Решетниковой, которая говорит, что возложение обязанности по рассылке копии иска и приложенных документов на истца не будет для него обременительным, разгрузит аппарат суда и будет способствовать примирению сторон [12].

Обращает на себя внимание достаточно разная степень технического оснащения судебных органов. Причиной этому, на наш взгляд, является недостаточное финансирование со стороны государства. Вследствие чего не все суды имеют техническую возможность применения основных элементов указанных выше информационных технологий.

Хотелось бы отдельно остановиться на вопросе информированности наших граждан о возможности применения новых информационных технологий, существующих на сегодняшний день в судебной системе РФ. Убеждены, что для достижения

наилучшей осведомленности граждан в обязательном порядке необходимо разработать и внедрять информационные курсы по использованию отдельных элементов информационных технологий, а в самих судах возможно даже ввести отдельную штатную должность (единицу), основной задачей которой было бы повышение уровня знаний и умений по новым информационным технологиям и повсеместное содействие гражданам в реализации их прав в суде с помощью этих технологий.

Параллельно с вышеуказанной проблемой очень острым остается вопрос наличия надлежащих профессиональных кадров, которые должны содействовать в продвижении информационных технологий. Нет должностей специалистов в районных судах, а инженеры ФГБУ ИАЦ закреплены за несколькими районами и не подчиняются руководству судов. Данная ситуация влечет такие последствия как:

1. Плохая реализация в настоящий момент взаимодействия между внутренним и общедоступным (сетевым) контурами ГАС «Правосудие».
2. Недостаточное техническое оснащение и использование устаревших СУБД (системы управления базами данных) версий.
3. Недостаточное оснащение учреждений ФСИН РФ оборудованием видеоконференцсвязи, что влечет за собой выстраивание очередей на сеанс связи.
4. Аудиопrotocolирование в формате «Фемида» выходит из строя, поэтому аудиозапись осуществляется на диктофон.

В этой связи необходимо скорейшее внедрение программного обеспечения, позволяющего в полном объеме предоставлять сторонам доступ к материалам дела в электронном виде.

Внедрение новых технологий способствует ускорению обмена информацией и одновременно порождает затруднения в обеспечении достоверности той информации, которая передается в электронном виде. По нашему мнению, данное обстоятельство вызывает особую тревогу, поскольку критерий достоверности в данных отношениях играет особо важную роль как для лиц, обратившихся в суд, так и для самого суда, поскольку именно ему необходимо оценивать достоверность предоставленных сторонами доказательств и принимать решение по делу.

Важным условием реализации новых информационных технологий, по нашему мнению, является их доступность, т.е. издержки по ведению дела должны снизиться и упроститься процедура некоторых действий (получение электронной подписи). Это возможно только в ситуации, когда рассмотрение и дальнейшее ведение дел поставлено на поток, в котором все дела сходны по своему содержанию. При наличии в производстве разнообразных по содержанию дел снизить издержки по содержанию невозможно.

Современные информационные технологии не должны препятствовать судьям применять за-

кон независимо и беспристрастно, а сложности в функционировании новых технологий не могут мешать судам даже на короткий период времени выносить решения и предпринимать необходимые процедурные шаги [1].

Необходимо четко понимать, что само по себе внедрение новых информационных технологий автоматически не сделает правосудие более качественным, прозрачным или доступным. По-прежнему требуется планомерное соблюдение основных принципов делопроизводства. И, конечно же, в новых условиях необходимо стремиться обеспечить высочайший уровень безопасности информационных систем и защищенности имеющейся в них информации, а так же соблюдать разумный баланс между электронным и бумажным оборотом.

Хочется отметить гораздо лучшую ситуацию по внедрению и функционированию новых информационных технологий в системе арбитражных судов. Именно благодаря этим информационным технологиям основная масса решений арбитражных судов находится в общедоступном доступе. Данное обстоятельство определенным образом может способствовать единообразной практике правоприменения. Крайне продуктивно было бы достижение подобных успехов в судах общей юрисдикции.

Абсолютно согласны с мнением адвоката Гейко П., который считает, что сокращение временных, трудовых и финансово-экономических затрат благодаря использованию цифровых технологий, безусловно, произойдет, однако при этом велик риск дополнительных затрат на устранение негативных последствий информатизации судебных систем, – в частности, на ликвидацию последствий технических ошибок работы судебной системы или злонамеренного использования «слабых мест» цифровых технологий [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что новые информационные технологии стремительно внедряются в систему российского правосудия, имеют положительный опыт их применения и требуют дальнейшего планомерного развития по таким направлениям как дальнейшее информирование граждан о возможностях и потенциале новых информационных систем, разработка современных требований по защите имеющейся в электронных системах информации и привлечение профессиональных специалистов для разработки эффективных средств ее осуществления.

Литература

1. Алешкова И.А., Молокаева О.Х. Судебная власть в условиях новой информационной реальности // Государство и право в новой информационной реальности. Сборник научных трудов. Москва. 2018. – С. 98.
2. Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Ж-л Закон. № 1. 2018. С. 59–70.

3. Гейко П. Цифровизация правосудия: преимущества и риски // Адвокатская газета. 29 июля 2020 г.
4. Забелина О.А. Проблемы, возникающие при применении электронных документов в деятельности судов // Судья. 2017. № 11. С. 30–34.
5. Зарубина М.Н., Новикова М.М. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. – М., 2017. – № 1. – С. 9–12.
6. Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. № 36.
7. «Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации» (утв. приказом Верховного Суда РФ от 10.12.2015 № 67-П)
8. Об использовании юридически значимых электронных документов в деятельности органов судебной власти: пост. Президиума Совета судей РФ от 1 февраля 2012 г. № 290 // СПС «Консультант Плюс».
9. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»: Федеральный закон № 262-ФЗ от 22 декабря 2008 (в ред. ФЗ № 423-ФЗ от 28 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217; 2018. № 1 (часть I). Ст. 7.
10. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ Право. 2020. № 1.
11. Практика применения видео-конференц-связи в уголовном процессе. – Режим доступа: <http://www.livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/poryadok-protsedur/item/723>
12. Решетникова И.В. Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 49.
13. Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году // Журнал Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 65–69.
14. Фемида в новом формате. – Mode of access: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/26377/
15. Электронное правосудие: итоги и перспективы // интернет-интервью с Председателем Арбитражного суда Калужской области Сергеем Юрьевичем Шараевым, 2011 URL: <http://www.garant.ru/action/regional/271319/>

IMPACT OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES ON THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

Darda A.V.

North Caucasus branch of the Russian state University of justice

The article is devoted to the analysis of information technologies currently existing in the justice system. The author highlights the characteristic features of these technologies, reveals the essence,

positive and negative aspects, as well as their impact on justice. In particular, such additional advantages of e-justice as the applicant's ability to provide documents in electronic form, control the stages of the case's progress in court, take part in the process in a remote format using a conference call, which significantly saves citizens' money, as well as simplifies and speeds up the application process itself, allowing you to stay within the procedural deadlines. There are a number of problems associated with the introduction of information technologies in the judicial process in the Russian Federation. In particular, it analyzes and provides practical recommendations on such issues as the protection of information that enters the electronic justice system, the issue of detailed fixing in the procedural legislation of the procedure for holding a court session using the videoconferencing procedure, the issue of the possibility of participation of a lawyer in the process when using videoconferencing to protect their client, the issue of double document flow and the issue of fixing the obligation to print out the statement of claim and all written evidence and further communicate them to all interested parties to the employee of the court staff in the electronic form of filing an appeal. Based on the study of trends in the development of information technologies, conclusions are drawn about the problems and opportunities for further implementation of information technologies in Russian legal proceedings.

Keywords: information technology, e-justice, video conferencing, electronic signature.

References

1. Aleshkova I. A., Molokaeva O.H. Judicial power in the new information reality // State and law in the new information reality. Collection of proceedings. Moscow. 2018. – p. 98.
2. Branovitsky K.L. Use of information technologies in the context of optimization of civil proceedings // Zh-I Law. No. 1. 2018. pp. 59–70.
3. Geiko P. Digitalization of justice: advantages and risks // Advocate newspaper. July 29, 2020
4. Zabelina O.A. Problems arising from the use of electronic documents in the activities of courts // Judge. 2017. No. 11. P. 30–34.
5. Zarubin M. N., Novikova M.M. To the question about the nature of e-justice in the Russian Federation // the Administrator of the court. – M., 2017. – No. 1. – P. 9–12.
6. The instruction on judicial office-work in district court, approved by Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of 29 April 2003 no 36.
7. «The concept of Informatization of the Supreme Court of the Russian Federation» (UTV. by order of the Supreme Court of 10.12.2015 No. 67-P)
8. On the use of legally significant electronic documents in the activities of judicial authorities: post. Presidium of the Council of judges of the Russian Federation No. 290 dated February 1, 2012 // SPS «Consultant Plus».
9. «On ensuring access to information about the activities of courts in the Russian Federation»: Federal law No. 262-FZ of December 22, 2008 (as amended). Federal law No. 423-FZ of December 28, 2017 // collection of legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). Article 6217; 2018. No. 1 (part I). Article 7.
10. Pashentsev D.A. Features of law enforcement in the conditions of digitalization of public relations. Vestnik SPbSU Pravo. 2020. № 1.
11. The practice of application of video conferencing in criminal proceedings. – Access mode: <http://www.livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/poryadok-protsedur/item/723>
12. Reshetnikova I.V. Legal proceedings in courts of first instance: comparative legal analysis through the prism of the upcoming unification of civil and arbitration procedural law // arbitration and civil process. 2015. no. 2. P. 49.
13. Tishchenko A.V. Electronic justice: judicial reform by 2020 // journal of Law and order: history, theory, practice. 2018. No. 4 (19). pp. 65–69.
14. Themis in a new format. – Mode of access: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/26377/
15. Electronic justice: results and prospects // Internet interview with Sergey Sharaev, Chairman of the arbitration court of the Kaluga region, 2011 URL: <http://www.garant.ru/action/regional/271319/>

Направления совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере народных художественных промыслов в России

Жигалова Ирина Валерьевна,

директор филиала в г. Нижний Новгород, юридическая фирма
«Городисский и партнеры»

E-mail: Zhigaloval@gorodissky.ru

В настоящее время промышленно-художественный сектор, НХП столкнулся с рядом вызовов – индустриализацией и глобализацией, вследствие чего как отдельные мастера, так и организации НХП стали неспособны конкурировать с хорошо организованной промышленной системой, расположенной не в традиционных местах производства изделий НХП. В качестве приоритетных направлений развития предпринимательской деятельности в сфере НХП следует определить: развитие механизма государственно-частного партнерства; формирование туристическо-рекреационных кластеров с привязкой к ряду объектов туристического назначения и производителям НХП, формирование особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности в сфере НХП, является формирование системы получения данных о ее результатах, фактов и цифр, касающихся занятости, доходов производства, экспорта и импорта различных изделий НХП и совершенствование государственного контроля осуществления предпринимательской деятельности в сфере НХП, особенно в части защиты интеллектуальной собственности и антимонопольной политики. Сделан вывод, что исходя из указанных приоритетов развития сферы НХП, существует потребность в разработке и реализации соответствующей государственной политики, направленной на развитие предпринимательской деятельности в целях сохранения традиционного наследия и развития отрасли НХП.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, народные художественные промыслы, государственно-частное партнерство, государственный контроль, субъекты предпринимательства

Народные художественные промыслы в настоящее время являются средством сохранения и развития культурных и художественных традиций, таких как различные приемы и навыки традиционных ремесел, передающихся из поколения в поколение. В настоящее время промышленно-художественный сектор НХП, столкнулся с рядом вызовов, таких как индустриализация и глобализация, вследствие чего отдельные мастера и организации НХП стали неспособны конкурировать с хорошо организованной промышленной системой, как правило, расположенной не в традиционных местах производства изделий НХП и вынуждены продавать свою продукцию в низком ценовом диапазоне или прекращать свою деятельность. Индустриализация изменила образ жизни и потребности потребителя, и как следствие традиционные российские субъекты предпринимательства в сфере НХП медленно теряют рынок сбыта. Потребители изделий кустарного промысла уменьшаются по мере усложнения промышленной продукции, что вынуждает ремесленников поменять специализацию. Таким образом, учитывая сложившуюся ситуацию и необходимость защиты предпринимательства в сфере НХП, необходимо определить ряд приоритетов его развития.

Предпринимательская деятельность в сфере НХП в настоящее время является частью глобального сообщества, в котором торговые соглашения, договоры, касающиеся производства, поиск материалов и их транспортировка, аутсорсинг производства, сбыт продукции и многое другое являются взаимосвязанными на локальном и глобальном уровнях. В связи с индустриализацией изделия НХП стали бытовым товаром, а традиционные ремесла заменяются продуктами производственного изготовления. В результате возросшей конкуренции на мировом уровне традиционным изделиям НХП приходится противостоять «продуктами-заменителям». Следовательно, выпускаемый объем изделий НХП ручной работы очень быстро уменьшается. Традиционные ремесла столкнулись с жесткой конкуренцией на рынках, так как массовые товары относятся к более низкому ценовому диапазону, а их производители имеют мощности с современной материально-технической поддержкой. Кроме того, традиционные ремесла сталкиваются с «нелегальной» конкуренцией изделий, не являющихся аутентичными. В эпоху глобализации и быстрых экономических перемен наследие НХП нужно заново идентифицировать и защитить, иначе оно может исчезнуть навсегда.

В этой связи в качестве приоритетного направления развития предпринимательской деятельности в сфере НХП следует определить развитие механизма государственно-частного партнерства, как значимого фактора не только поддержки традиционных промыслов, но и их сохранения для будущих поколений. В целях унификации понимания сущности частно-государственного партнерства Комитетом Международной организация экономического сотрудничества и развития (OECD) по научной и технологической политике было принято следующее определение, которое трактует партнерство как *«любые официальные отношения или договоренности на фиксированный/бесконечный период времени, между государственными и частными участниками, в котором обе стороны взаимодействуют в процессе принятия решения и соинвестируют ограниченные ресурсы, такие как деньги, персонал, оборудование и информацию для достижения конкретных целей в определенной области науки, технологии и инноваций»* [7].

В России сегодня достаточно успешно применяется данный механизм взаимодействия как фактор решения социально и экономически значимых задач.

Учитывая, что частно-государственное партнерство в современных экономических реалиях выполняет роль особого механизма передачи части государственных функций субъектам предпринимательства, применительно в сфере НХП может происходить естественное «размывание» границ между частным и государственным секторами, «поскольку для его успешного осуществления государственные структуры были вынуждены начать думать и действовать в логике частных предприятий, а частный бизнес освоить государственную логику и открыть свою внутреннюю кухню общественному контролю» [7]. Учитывая, что в сфере НХП есть свои особенности, а производство находится как правило в частных руках и практически не требует инвестиций в основные средства, подобные различия с государственно-частным партнерством в рамках крупных инфраструктурных проектов являются позитивным моментом для его развития в указанной сфере.

Государственно-частное партнерство в сфере НХП могло бы существенно изменить состояние в отрасли НХП. Основной принцип предлагаемого государственно-частного партнерства – это централизация усилий по поддержке отрасли, которая включает аккумуляцию финансовых ресурсов из государственных и частных источников, охрану на государственном уровне объектов интеллектуальной собственности и защиту от контрафактной продукции.

К основным задачам государственно-частного партнерстве в сфере НХП, без решения которых его развитие невозможно, можно отнести следующие:

- совершенствование законодательства в части регулирования государственной поддержки предпринимательства,

- совместное управление интеллектуальной собственностью
- развитие системы информационно-консультационной поддержки субъектов предпринимательства,
- оказание административной поддержки на уровне регионов и местного самоуправления,
- формирование системы федеральной и региональной финансовой поддержки
- создание системы образования с целью подготовки кадров, имеющих отвечающие современным предпринимательским реалиям компетенции.

Необходимо указать на то, что как особая форма взаимодействия государства и предпринимательства в сфере НХП, государственно-частное партнерство в России переживает еще стадию своего становления и развития соответствующих механизмов, хотя уже существуют определенные результаты данного партнерства в сфере культуры.

Как правило, изделия НХП продаются на региональных рынках в непосредственной близости от туристических объектов. Развитие внутреннего и зарубежного туризма содействует размещению на большинстве туристических направлений информации о культурных традициях, достопримечательностях, общественных мероприятиях, возможных экскурсиях, а также основных народных промыслах. Это предполагает формирование необходимой базовой инфраструктуры, которая может быть использована и субъектами НХП, и туристическими организациями. Интересной формой решения подобного рода задач могут быть признаны туристическо-рекреационные кластеры, формируемые в рамках одного субъекта с привязкой, как правило, к ряду объектов туристического назначения и производителям НХП.

Кроме того, развитие кластерного подхода в сфере НХП в целом представляется как достаточно значимое направление развития предпринимательской деятельности в этой сфере. Речь идет о придании импульса развития и оптимизации производства и реализации продукции НХП. Перспектива этого сектора лежит в инфраструктурной модернизации, диверсификации оборудования и продукции. Инновационное производство, а также защита объектов интеллектуальной собственности изделий НХП являются предпосылками формирования рыночного сегмента для изделий, изготовленных кластерами НХП. Принимая во внимание тот факт, что экспортная стоимость реализации изделий традиционного промысла довольно высока, интегрированное развитие инфраструктуры производства НХП являлось бы решением серьезной предпринимательской задачи.

Кластерный подход все чаще признается в качестве одной из стратегий повышения эффективности затрат, инклюзивной, устойчивости и интеграции, и развития субъектов малого и среднего бизнеса. В частности, кластеры НХП должны быть

расположены в четко идентифицируемых географических зонах локации (кластеры), специализирующиеся на конкретных продуктах, с близкими связями и взаимозависимостями между ключевыми участниками кластера. В настоящее время актуальной является программа развития зонтичного кластера, что позволяет привести программу развития в интегрированное и целостное состояние.

Потребность состоит в том, чтобы масштабировать сегменты рынка НХП и интегрировать их со значительно более высоким уровнем финансирования. Цель состоит в том, чтобы развивать основные кластеры НХП на основе инфраструктуры мирового уровня, которая сможет удовлетворять бизнес-потребности субъектов НХП по стимулированию производства и экспорта. Иначе говоря, основная цель создания кластеров в этой сфере заключается в оказании помощи мастерам народных промыслов и предпринимателям для формирования предприятий с современной инфраструктурой, новейшими технологиями, а также адекватной системой подготовки кадров в сочетании с рыночными связями и диверсификацией производства.

Следовательно, программа развития кластеров в сфере НХП может состоять в следующем: в повышении конкурентоспособности кластеров с точки зрения увеличения доли рынка и обеспечение повышения производительности труда за счет более высокой удельной стоимости реализации продукции; в обеспечении эффективной интеграции разрозненных мастеров НХП и предпринимателей для обеспечения экономии производства от масштаба операций, в обеспечении необходимой поддержки и выстраивания связей с точки зрения адекватной инфраструктуры, технологий, диверсификации продукции, развития дизайна, маркетинга и продвижения продукции, безопасности и других компонентов, жизненно важных для устойчивого развития производителей НХП. В целом, применение кластерного подхода в сфере развития предпринимательской деятельности в области НХП создает необходимые предпосылки для формирования централизованной организации с государственным участием, которой может стать Государственная Корпорация НХП.

Кроме того применительно к реализации предпринимательской деятельности речь может идти о формировании особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности в сфере НХП. Сущностью данного режима может быть признано определение особенностей регулирования отдельных отношений, связанных с функционированием территории сохранения и развития традиций и уклада бытования. Среди таких особенностей можно выделить экономические, финансовые и организационные. В частности, к финансовым можно отнести особенности налогообложения резидентов территории сохранения и развития традиций и уклада бытования, установленные законодательством Российской Фе-

дерации о налогах и сборах; освобождение в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, законодательством субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований резидентов территории сохранения и развития традиций и уклада бытования от уплаты налогов на имущество организаций и земельного налога. К экономическим – установление резидентам территории сохранения и развития традиций и уклада бытования льготных ставок арендной платы за пользование объектами недвижимого имущества, принадлежащими управляющей компании на праве собственности или аренды и расположенными на территории сохранения и развития традиций и уклада бытования; приоритетное подключение к объектам инфраструктуры территории сохранения и развития традиций и уклада бытования. К организационным – особенности осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля на территории сохранения и развития традиций и уклада бытования; особый порядок предоставления государственных услуг на территории сохранения и развития традиций и уклада бытования и ряд других. В силу того, что обычно субъектами НХП являются представители малого бизнеса, они не имеют большого финансового потенциала и ресурсов для участия в международных выставках и выставках для представления своего культурного творчества, что может приводить к потере конкурентоспособности. Поэтому и государство, и финансовые институты должны поддерживать подобного рода организации, предоставляя целевое финансирование, которое поможет этим субъектам расширить свой бизнес.

Значимым направлением развития предпринимательской деятельности и, особенно ее государственной поддержки в сфере НХП является формирование системы получения данных о ее результатах, фактов и цифр, касающихся занятости, доходов производства, экспорта и импорта различных изделий НХП, что также является одним из основных препятствий для развития и популяризации традиций народных промыслов. Речь в данном случае можно вести о формировании электронного реестра на федеральном уровне, который бы включал не только сведения об изделиях НХП, но и относительно применяемых при их изготовлении технологий.

Одной из причин отсутствия достаточных данных является отсутствие консенсуса по определению традиционных народных промыслов и закреплению их признаков на нормативном уровне. При этом и система описания и кодирования товаров не идентифицирует изделия традиционного промысла отдельно. Что затрудняет сбор и компиляцию данных, связанных с промыслами. Таким образом, должны быть установлены надлежащие отраслевые кодексы для обеспечения сбора и обобщения данных, связанных с отдельными видами изделий НХП. В конечном счете, продуктовая

классификация в сфере НХП по сегментам рынка представляется целесообразной, поскольку именно так большинство покупателей рассматривают рынок как потребители, и в соответствии с этим принимают решения о покупках.

Кроме этого, в настоящее время на рынке существует множество заменителей аутентичных изделий НХП и, следовательно, необходимо дифференцировать и развивать систему дифференциации этих изделий в силу жесткости конкуренции на рынке. Например, изделия НХП могут быть разделены на две категории, одна для местного потребительского рынка, другая для элитного потребительского рынка. В этой связи становится значимой проблема брендинга изделий НХП и присвоение им товарного знака. Это позволит проследить историю изделий, их уникальные особенности, происхождение дизайна продукта, оценить навыки мастеров НХП или их культуру. Учитывая, что большинство изделий НХП представляют собой творческий продукт, вопрос маркетингового развития производства становится достаточно актуальным.

Несмотря на то, что сфера НХП играет важную роль в обществе, статус мастера НХП в современном российском обществе достаточно низок. Принимая во внимание, что они заслуживают признания за свою творческую работу, актуальным становится развитие не только материальных форм поощрения и благодарности за их ценную практику. Это будет не только мотивировать мастеров, чтобы продолжить развивать свои навыки и умения, но и создает хорошее внимание к этому сектору. Следует указать на программу ЮНЕСКО «живое человеческое сокровище» по официальному признанию талантливых носителей традиций и практики, в том числе мастеров НХП. В этой связи различные государства-члены ЮНЕСКО приняли эту программу и предоставили такое признание с различными денежными льготами, такими как Южная Корея предоставляет 850 долларов США в месяц, Япония предоставляет 16200 евро в год, а Франция предоставляет 16000 евро в год [5]. Следовательно, такая финансовая поддержка будет не только мотивировать мастеров НХП к профессиональному развитию, но и стимулировать их к этому, а также привлекать молодое поколение к продолжению карьеры в этой сфере. Кроме того, такое признание основано на конкурентной основе и только очень ограниченному количеству мастеров НХП может быть предоставлено официальное признание. Кроме того, и присвоение почетных степеней может также повысить социальный статус мастеров НХП.

Несомненно, что образование и профессиональная подготовка являются средствами наращивания потенциала, сохранения, поощрения и передачи традиционных производственных знаний промысла, которые передаются из поколения в поколение. Одним из важнейших направлений развития предпринимательства в сфере НХП для развития ремесел является обеспечение образо-

вания и подготовки кадров с целью повышения их способность учиться и развиваться в профессии. Во многих европейских странах это ремесло уже давно включено в учебную программу. Например, в Финляндии она была включена в национальную учебную программу в 1866 году [6]. В разных государствах это происходит как часть искусства и культурного образования в рамках учебной программы, однако концепция учебных программ по искусству значительно отличается между европейскими странами. Около двух третей европейских стран включает ремесло как обязательный предмет в их учебной программе по искусству.

Кроме того, в Великобритании есть программа курсов повышения квалификации для специалистов-педагогов ремесел, дизайна и изобразительного искусства. Во многих европейских странах ремесло является частью курсов по искусству, домоводству или дизайну, таких как Дания, Эстония и т.д. Таким образом, студенты могут приобрести необходимые навыки для производства изделий НХП и будут знать, как разрабатывать новые идеи для проектирования и разработки продуктов в этой сфере.

Необходимо обратить пристальное внимание на подготовку квалифицированных кадров с целью сохранения и дальнейшего развития производств изделий НХП. Это возможно, например, за счет централизованного выделения субсидий на обучение молодых мастеров, открытие специализированной колледжей мастеров, формирования и реализации государственных программ подготовки и переподготовки, введения стимулирующих доплат, а также прикрепление к предприятиям НХП и выделения финансовых средств в рамках определенных социальных программ стимулирования сферы НХП. Это будет способствовать не только сохранению техники, навыков культурных традиций, но и развитию этой отрасли.

Еще одним направлением развития предпринимательства в сфере НХП необходимо указать совершенствование государственного контроля во всех сферах осуществления предпринимательской деятельности в указанной отрасли, особенно в части защиты интеллектуальной собственности и антимонопольной политики. Государственный контроль в сфере предпринимательской деятельности рассматривается как особая управленческая деятельность уполномоченных органов государственной власти по наблюдению за определенными сферами предпринимательства (с наличием возможности вмешиваться в финансово-хозяйственную деятельность предпринимателей), анализу полученных в результате контрольных мероприятий результатов, а также применению мер различного вида ответственности в случае выявленных нарушений.

Одним из ключевых моментов совершенствования системы государственного контроля является повышение эффективности контролируемых мероприятий, основным критерием которой является степень удовлетворенности всеми члена-

ми общества и отдельно взятой личности. Соответственно, в основе повышения эффективности системы государственного контроля лежит «оптимальное распределение имеющихся у общества властных ресурсов» [3, с. 168]. К основным задачам государственного контроля относятся проверка соответствия предпринимательской деятельности требованиям нормативно-правовых актов, решениям государственных органов, а также профилактика и пресечение нарушений в сфере государственного управления и, при необходимости, определение комплекса мер по устранению причин этих нарушений. При этом следует отметить, что государственный контроль над предпринимательской деятельностью в сфере НХП это не только форма формой государственного регулирования, но и инструмент, способствующий выявлению проблемных вопросов в нормативно-правовом регулировании предпринимательской деятельности.

Таким образом, культурное наследие, воплощенное в изделиях НХП, является ценным культурным достоянием для народа России, культуры и традиций конкретного региона. В этой связи представленные предложения не только помогут сохранить навыки и практику традиционного наследия изделий НХП, но помочь субъектам НХП дальше развивать свой бизнес и обеспечить их устойчивое развитие в рамках единой государственной политики в сфере НХП.

Литература

1. Приказ Минпромторга России от 20.07.2015 N2011 «Об утверждении Стратегии развития народных художественных промыслов на 2015–2016 гг. и на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_252153/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdad518/
2. Макаров А.А. Частно-государственное партнерство в России // Молодий вчений. 2014. № 8 (11).
3. Полещук А.С. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. М., 2012.
4. Arts and Cultural Education at School in Europe (Eurydice). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/thematic_reports/113EN.pdf
5. Lupu, N.; Tanase, M.O.; Tudorache, P. Quo vadis Living Human Treasures? // *Amfiteatru Econ. J.* 2016, № 18, PP. 757–766.
6. Mika, M.; Manne, K. Craft interests during leisure time and craft learning outcomes in Finland. *Craft Res.* 2014, № 5, PP.35–53.

7. Public/private partnerships for innovation: policy rationale, trends and issues, OECD, 10–12 December 2002, Headquarters, Paris
8. Public-Private Partnerships, Fiscal Risks, and Fiscal Institutions in the EU8. The World Bank. Hana Brix, Nina Budina, and Timothy Irwin. Draft chapter for report on fiscal reforms in the EU8. 13 April 2005. URL: <http://www.worldbank.org>

AREAS OF IMPROVEMENT LEGAL REGULATION OF BUSINESS ACTIVITIES IN THE FIELD OF FOLK-ART CRAFTS IN RUSSIA

Zhigalova I.V.

Law Firm "Gorodissky & Partners" Ltd.

Currently, the industrial and artistic sector, NCP is facing a number of challenges-industrialization and globalization, as a result of which both individual craftsmen and NCP organizations have become unable to compete with a well-organized industrial system located not in the traditional places of production of NCP products. Development of the public-private partnership mechanism should be identified as priority areas for the development of entrepreneurship in the field of NCP; the formation of tourist and recreational clusters with reference to a number of tourist facilities, and producers of NCP, the formation of a special legal regime of entrepreneurial activities in the field of NHP is the creation of a system for obtaining data about its results, facts and figures relating to employment, income, production, export and import of various products NCP and improvement of the state control of entrepreneurial activities in the field of NHP, especially in terms of intellectual property protection and antitrust policy. It is concluded that based on these priorities for the development of the NCP sphere, there is a need to develop and implement appropriate state policies aimed at the development of business activities in order to preserve the traditional heritage and develop the NCP industry.

Keywords: business activity, folk art crafts, public-private partnership, state control, business entities

References

1. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia of 20.07.2015 N2011 "On approval of the Strategy for the development of folk arts and crafts for 2015–2016. and for the period until 2020 " [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_252153/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdad518/
2. Makarov A.A. Public-private partnership in Russia // *Molodiy Vcheniy.* 2014. No. 8 (11).
3. Poleshchuk A.S. Constitutional and legal foundations of public control in the Russian Federation: dis... Cand. jurid. sciences. M., 2012.
4. Arts and Cultural Education at School in Europe (Eurydice). [Electronic resource]. – Access mode: http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/thematic_reports/113EN.pdf
5. Lupu, N.; Tanase, M. O.; Tudorache, P. Quo vadis Living Human Treasures? // *Amfiteatru Econ. J.* 2016, No. 18, PP. 757–766.
6. Mika, M.; Manne, K. Craft interests during leisure time and craft learning outcomes in Finland. *Craft Res.* 2014, No. 5, PP.35–53.
7. Public / private partnerships for innovation: policy rationale, trends and issues, OECD, 10–12 December 2002, Headquarters, Paris
8. Public-Private Partnerships, Fiscal Risks, and Fiscal Institutions in the EU8. The World Bank. Hana Brix, Nina Budina, and Timothy Irwin. Draft chapter for report on fiscal reforms in the EU8. 13 April 2005. URL: <http://www.worldbank.org>

Развитие концепции цифровых прав в российском гражданском законодательстве

Конобеевская Ирина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: ikonobeevskaya@yandex.ru

В настоящей статье проводится анализ законодательного регулирования цифровых прав в Российской Федерации. Развитие современных технологий вызвало к жизни множество объектов цифровой природы, ранее неизвестных праву, таких как криптовалюты, токены, аккаунты в онлайн-системах и т.д. Одной из актуальных задач гражданского права является регулирование правоотношений, связанных с возникновением, распоряжением и осуществлением прав на такие объекты. Автором показано место утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов в общей концепции правового регулирования цифровых прав, раскрыты перспективы и ограничения дальнейшего правового регулирования данной сферы. Обоснована необходимость ослабления жесткой привязки конструкции цифровых прав к понятию «информационная система», в частности, устранение или уточнение требования возможности осуществления цифровых прав исключительно в рамках информационной системы. Обоснована также необходимость подзаконного регулирования с учетом специфических особенностей тех цифровых объектов, которые легализованы в российском гражданском законодательстве в качестве цифровых прав.

Ключевые слова: цифровые права, токены, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, информационная система, осуществление права.

Федеральным законом № 34-ФЗ от 18 марта 2019 года [1] в Гражданский Кодекс была внесена статья 141.1, закрепляющая понятие цифровых прав как *названных в таком качестве* в законе обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами *информационной системы, отвечающей установленным законом признакам*. Важным признаком цифрового права является возможность его *осуществления или распоряжения им только в информационной системе без обращения к третьему лицу*. Был также расширен перечень объектов гражданских прав, установленный в статье 128 ГК РФ: цифровые права были включены в него как вид имущественного права.

Данные законодательные новеллы явились результатом долгого поиска компромисса и ответа на вызовы современных реалий, связанных с четвертой технологической революцией, когда такие явления как криптовалюты, токены, технология блокчейн и др. порождали многочисленные отношения в имущественной сфере, которые право нередко «не замечало», поскольку они с большим трудом соотносились с традиционными объектами правоотношений.

Анализируя историю принятия новых норм и их содержание в более ранней статье, мы задались вопросом, являются ли цифровые права правами в собственном смысле этого слова, а тем более новыми объектами гражданских прав и пришли к мнению о том, что ни криптовалюты, ни токены не являются принципиально новыми объектами с позиций гражданско-правового регулирования, а права, которые они предоставляют, принципиально не отличаются от других прав, известных законодателю. По сути особенностью этих прав является лишь способ их фиксации, связанный с использованием распределенного реестра, что, собственно, и отражено в статье 141.1 ГК РФ, при этом вместо распределенного реестра было решено использовать еще менее специфическое понятие – информационная система [2 с. 330–334].

Следует особенно отметить, что жесткая привязка данного понятия к правовой конструкции информационной системы будет значительно влиять на дальнейшее развитие института цифровых прав в Российской Федерации, причем, влиять ограничивающим и сдерживающим образом. Во-первых, данная конструкция имеет иную отраслевую принадлежность. Само по себе это, возможно, является даже плюсом для укрепления общего понятийного аппарата, но едва ли можно уверенно говорить о том, что понятие информационной системы в ад-

министративном и информационном праве является окончательно устоявшимся. Наибольшее развитие этот институт получил в сфере создания и правового регулирования государственных и муниципальных информационных систем, но даже в этой сфере, как отмечают некоторые авторы, существующая правовая конструкция позволяет относить к информационным системам произвольные «виртуальные» объекты [3 с. 38]. В каждом индивидуальном случае для «скрепления» в рамках информационной системы ее элементов, указанных в законе – программ для ЭВМ, баз данных и технических средств – обычно используется правовое обеспечение. В частности, государственные и муниципальные информационные системы создаются только на основании нормативных правовых актов, определяющих цели и границы информационной системы, а также правила ее использования [4 с. 251], наличие которых оказывается одним из квалифицирующих признаков цифровых прав. Однако информационные системы на базе распределенных реестров, в которых функционируют биткоин и многие другие криптовалюты не имеют иных правил кроме заложенных в их основе алгоритмов – тем более, нормативно закрепленных. Существует значительная вероятность, что новые цифровые объекты, в отношении которых будут возникать отношения имущественного характера, будут также возникать на базе глобальных распределенных платформ и сервисов, не имеющих нормативно утвержденных правил функционирования и использования и не всегда укладывающихся в прокрустово ложе конструкции информационной системы, закрепленной в российском праве.

Однако новое понятие несомненно послужило толчком к дальнейшему развитию гражданского законодательства и научной дискуссии, в частности, после того как с принятием Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] бланкетная норма ч. 1 ст. 141.1 впервые получила реальное содержание.

Данный закон определил первый вид цифровых прав – *утилитарные цифровые права*, к которым отнесены три разновидности прав требования: передачи вещей, передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (или их использования), выполнения работ или оказания услуг, в случае если основанием возникновения таких прав является договор о приобретении утилитарного цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы. Соответственно инвестиционная платформа стала первым видом информационных систем, на базе которых возможно осуществление или распоряжения цифровых прав. Признаки и требования к таким системам установлены ст. 11 рассматриваемого закона.

Утилитарные цифровые права легализовали в российском правовом поле одну из устоявшихся

за рубежом бизнес-практик краудфандинга на основе технологии «блокчейн» – выпуск *utility-токенов* или «служебных токенов», дающих доступ к услугам, предоставляемым в рамках проекта, под который привлекаются инвестиции» [6 с. 327–337].

А.В. Габов и И.А. Хаванова прослеживают в этом логику развития отношений в новой технологической реальности: «движение права от строгих форм к более условным «техно»-конструкциям, когда форма реализации становится движителем правового обособления отношений по инвестированию». По их мнению, «следующим пунктом на данном пути является «техно-правовое» регулирование, которое в настоящее время наиболее явственно выражено феноменом смарт-контрактов» [7 с. 40–41].

С 1 января 2021 года вступает в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], которым вводится второй вид цифровых прав – *цифровые финансовые активы*, включающие, согласно ч. 2 ст. 1 названного закона:

- а) денежные требования,
- б) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам,
- в) права участия в капитале непубличного акционерного общества,
- г) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Данные права должны быть предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в установленном законом порядке, а их выпуск, учет и обращение возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Хотя в формулировке использовано слово «включает», на основе общего анализа закона можно сделать вывод, что список цифровых прав, входящих в понятие «цифровые финансовые активы», является закрытым. Закон по существу вводит еще одно важное понятие, хотя специально его не определяет – «информационные системы, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов», признаки которых установлены в ч. 6 и 8 ст. 1.

Новый закон легализует вторую разновидность токенов – *security-токенов*, схожих по своей сущности с ценными бумагами. Они предполагают участие в прибыли проекта (в форме получения базовых активов, дивидендов, процентных платежей), под который привлекаются инвестиции.

Примечательно, что в том же самом законе вводится понятие цифровой валюты, обособленное от понятия цифрового права. Таким образом, хотя и авторы законопроекта о поправках в ГК и многочисленные его комментаторы принципиально воспринимали криптовалюты и токены как основные объекты цифровых прав, мы видим, что

данная концепция получила развитие в несколько ином направлении. За небольшой период времени после оформления цифровых прав в ГК РФ и до принятия нового закона едва начала формироваться судебная практика в данной сфере, причем, оказалось, что суды не склонны оценивать правоотношения, возникающие по поводу цифровых прав, исходя из их сущностных особенностей, если законом не предусмотрены специальные нормы для таких правоотношений. В частности, одним из оснований для отклонения требований кредитора арбитражный апелляционный суд посчитал отсутствие допустимых и надлежащих доказательств принадлежности криптовалюты должнику. Как указано в постановлении суда, «довод о том, что принадлежность криптовалюты до момента ее продажи не требует подтверждения по ст. 141.1 ГК РФ и не может быть подтверждена в силу особенности объекта гражданского права (цифровое право) основан на неверном толковании норм права» [9].

Таким образом, известные на сегодняшний день российскому гражданскому законодательству цифровые права представляют собой разновидности токенов – инструмента, возникшего в рамках концепции ICO («первичного размещения монет»). В зарубежной практике инвестирования в цифровые активы центральным объектом, вокруг которого организуется ICO, является *инвестиционный проект*. Он может заключаться как в создании уникального продукта или услуги (наиболее распространенная форма), так и в организации чисто финансового инструмента (имеющего зачастую чисто спекулятивную природу). Но в любом случае для понимания ценности токенов и оценки рисков инвестору необходимо получение информации о проекте, что достигается путем выпуска «белой книги», а также соблюдения требований к раскрытию информации, декларируемых национальными регулирующими органами. В российском законодательстве в настоящий момент получила закрепление чисто технологическая модель, в которой достаточно детально устанавливаются требования к операторам информационных систем, посредством которых происходит оборот цифровых прав, а также к правилам возникновения и перехода цифровых прав. Однако практически не затронут вопрос об их сущности, обеспеченности и инвестиционной ценности. Считаем, что данный пробел должен быть закрыт хотя бы на уровне подзаконного регулирования.

В то же время необходимо отметить тот факт, что все виды цифровых прав, закрепленные в российском законодательстве в настоящее время, имеют связь с традиционными объектами гражданских прав. Хотя сами цифровые права создаются и обращаются исключительно внутри информационной системы, их жизненный цикл завершается в «материальном мире» (т.е. в мире традиционных гражданских прав), например, путем реализации права требования передачи эмиссионных ценных бумаг. Это отличает их от той же крипто-

валюты, которая не только существует исключительно в цифровой форме, но и не дает своему владельцу каких-либо прав за пределами информационной системы (блокчейна), в которой она создается и учитывается. Возможность купли-продажи криптовалюты обусловлена исключительно законами спроса и предложения и не обеспечена какими-либо обязательствами участников отношений по ее обороту. Д.В. Лоренц пишет о том, что в результате в отечественном правопорядке появилась новая юридическая фикция и новой юридической символики, «так как учетная запись в информационной системе наделена свойством оборотоспособности». Он утверждает, что «токены (цифровые права) не должны быть объектами гражданских прав, а должны оставаться технологией, которая предназначена для фиксации имущественных прав на традиционные объекты» [10 с. 57–60].

Действительно, изначальная концепция существенно изменилась с разделением понятий цифровых прав и криптовалютных инструментов. Анализируя появление цифровых прав в ГК РФ, А.А. Карцхия утверждал, что «цифровые объекты непосредственно не участвуют в гражданском обороте, а оборотоспособными являются цифровые права на такие объекты, которые признаются и учитываются (удостоверяются) в цифровых реестрах посредством цифровых записей компьютерных кодов» [11 с. 44]. По его представлению «субъектами цифровых прав могут выступать юридические или физические лица посредством цифровых идентификаторов субъекта, включая компьютерные коды, IP-адреса, персональный идентификатор (ID номер), условные обозначения (nickname и др.), а также в виде цифровых сущностей (искусственный интеллект в различных формах). Субъекты (обладатели) цифровых прав выступают в гражданских правоотношениях посредством цифровых идентификаторов при распоряжении цифровыми правами, признаваемыми за правообладателями» [11 с. 44]. Другими словами, на ожидания по поводу содержания понятия «цифровое право» сильно влияли представления о сущности криптовалюты и подобных объектов, жизненный цикл которых полностью ограничен рамками информационной системы. Более того, ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ по-прежнему утверждает, что осуществление цифрового права возможно только в информационной системе.

Как отмечает Л.В. Кузнецова, хотя гражданское законодательство широко использует понятие «осуществление гражданских прав», оно не содержит его определения, при этом оно нашло освещение в доктрине гражданского права и «не вызывает существенных споров или разногласий, требующих их разрешения в форме нормативного закрепления определения» [12]. В римском праве осуществление права состоит в совершении лицом действий, служащих для удовлетворения его положительных интересов (*uti, frui*), защищаемых правом, и в противодействии нарушению

этих прав (*imperare, vetare*) [13]. Одной из форм осуществления субъективного права, признаваемых доктриной, является реализация правомочия требования, представляющего собой возможность субъекта, требовать от обязанного субъекта исполнения возложенных на него обязанностей.

Формулировка ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ исключает более широкое понимание термина «осуществление», которое может подразумеваться во многих других ситуациях. Если рассматривать, например, утилитарное право требования передачи вещи (или вещей), то с учетом того, что действия по передаче вещи заведомо не могут быть совершены обязанным субъектом в информационной системе, осуществление права ограничивается собственно предъявлением соответствующего требования. Получается, что все последующие действия (например, в случаях, когда по каким-то причинам обладатель вещи отказывается ее передать) выходят за рамки данного правоотношения. Возникающая неопределенность может быть разрешена только в одной интерпретации нормы: в момент заявления соответствующего требования утилитарное цифровое право прекращает свое существование («осуществляется»), а у его обладателя возникает новое право – право на получение соответствующей вещи (или ее дальнейшего требования), относящееся уже к традиционным правам, просто имеющее необычное основание.

Соответствующие рассуждения справедливы не только в отношении вещей, но и иных цифровых прав, установленных в законодательстве. Данная конструкция представляется неоправданно громоздкой. Поневоле приходится согласиться с О.А. Городовым о том, что «цифровые мыши» начинают появляться в облике преимущественно юридических мутантов типа «права на право» или «правоотношение в правоотношении» [14 с. 6–7].

Вполне можно допустить, что появление цифровых прав подвигнет к дальнейшему развитию доктрины, в частности, уточнения в ней понятия «осуществление права» применительно к объектам виртуального мира. Однако, на наш взгляд, правильное решение лежит в отказе от требования осуществления прав исключительно в рамках информационной системы.

В институт цифровых прав в российском гражданском законодательстве заложен существенно больший потенциал, чем легализация различных видов токенов. Он может быть использован для упорядочения отношений по поводу виртуальной собственности в так называемых виртуальных мирах, например, многопользовательских играх [15 с. 93–114], а также различных онлайн-сервисах. Например, если учетная запись предусматривает возможность пользоваться платным цифровым контентом в форме музыки видеоигр и т.д. [16], она вполне может рассматриваться как цифровое право, распоряжение которым (например, передача по наследству, о чем пишет О.Г. Лазаренкова [17 с. 24–27]) осуществляется в рамках соответствующей информационной системы. При этом

необходимо отметить, что требование осуществления прав исключительно в рамках информационной системы и в этом случае ограничивает объем правоотношений, которые могли бы охватываться институтом цифровых прав. В частности, при возникновении споров пользователя (обладателя права на использование учетной записи в онлайн-сервисе) и оператора такого сервиса, связанного с блокированием данной записи (например, по причине нарушения пользовательского соглашения) осуществление права в форме требования к оператору или суду прекратить его нарушение, невозможно будет предъявить в рамках информационной системы, ведь именно возможности использования этой системы пользователь будет лишен.

Таким образом, наряду с дальнейшим развитием института путем выявления и легализации новых видов цифровых прав мы видим два основных направления совершенствования правового регулирования:

1. Ослабление жесткой привязки конструкции цифровых прав к понятию «информационная система», в частности, устранение или уточнение требования возможности осуществления цифровых прав исключительно в рамках информационной системы.

2. Повышение роли подзаконного регулирования с учетом специфических особенностей тех цифровых объектов, которые легализованы в российском гражданском законодательстве в качестве цифровых прав.

Литература

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 25.03.2019, № 12 ст. 1224.
2. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 330–334.
3. Амелин Р.В. Целостность как конститутивный признак государственной информационной системы // Современное право. 2015. № 4. С. 36–40.
4. Амелин Р.В. Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве: теоретико-правовой анализ: монография / под ред. С.Е. Чаннова. – М.: ГроссМедиа, 2018.
5. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 05.08.2019, № 31, ст. 4418.
6. Amelin R., Arkhipov V., Channov S., Dobrobaba M., Naumov V. (2019) Prospects of Block-chain-Based Information Systems for the Protection of

Intellectual Property. Digital Transformation and Global Society. DTGS2019. Communications in Computer and Information Science, vol 1038. Springer, Cham, 2019, pp. 327–337.

7. Габов А.В., Хаванова И.А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 1. С. 28–44.
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.
9. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2020 № 01АП-5933/2018 по делу № А43–34718/2017// СПС «КонсультантПлюс», 2020
10. Лоренц Д.В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 57–60.
11. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5. Под ред. Л.В. Санниковой. – М.: Статут, 2015.
13. Римское частное право: учебник; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: КНОРУС, 2013.
14. Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовой принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019, № 3. С. 5–10.
15. Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия ВУЗов. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 93–114.
16. Сарбаш С.В. Гражданский оборот в цифровую эпоху // Закон.ру [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/10/21/grazhdanskij_oborot_v_cifrovuyu_epohu (дата обращения: 22.09.2020).
17. Лазаренкова О.Г. К вопросу о цифровых правах, а также цифровой учетной записи в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2019. № 3. С. 24–27.

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF DIGITAL RIGHTS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Konobeevskaya I.M.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

This article analyzes the legal regulation of digital rights in the Russian Federation. The development of modern technologies has

brought to life many objects of digital nature, previously unknown to the law, such as cryptocurrencies, tokens, accounts in online systems, etc. One of the urgent tasks of civil law is the regulation of legal relations related to the creation, disposal and exercise of rights to such objects. The author shows the place of utilitarian digital rights and digital financial assets in the General concept of legal regulation of digital rights, reveals the prospects and limitations of further legal regulation of this area. The rigid binding of the construction of digital rights to the concept of “information system” should be weakened, in particular, the requirement for the possibility of exercising digital rights exclusively within the information system should be eliminated. Also, the need for by-law regulation, taking into account the specific features of digital objects that are legalized in Russian civil legislation as digital rights, was justified.

Keywords: digital rights, tokens, utilitarian digital rights, digital financial assets, information system, exercise of law.

References

1. Federal Law of 18.03.2019 № 34-FZ “On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of The civil code of the Russian Federation” SZ RF. 2019. no. 12 Art. 1224.
2. Konobeevskaya I.M. Digital rights as a new object of civil rights. Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 330–334.
3. Amelin R.V. Integrity as a constitutive feature of the state information system. Modern law, 2015, no. 4, pp. 36–40.
4. Amelin R.V. State and Municipal Information Systems in Russian Information Law: Theoretical and Legal Analysis. Moscow, GrossMedia, 2018.
5. Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ “On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // SZ RF. 2019. № 31, art. 4418.
6. Amelin R., Arkhipov V., Channov S., Dobrobaba M., Naumov V. (2019) Prospects of Blockchain-Based Information Systems for the Protection of Intellectual Property. Digital Transformation and Global Society. DTGS2019. Communications in Computer and Information Science, vol. 1038. Springer, Cham, 2019, pp. 327–337.
7. Gabov A.V., Khavanova I.A. Crowdfunding: legalization of the web-model of financing in the context of legal doctrine and foreign experience. Perm University Bulletin. Legal sciences, 2020, no. 1, pp. 28–44.
8. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”// SZ RF, 03.08.2020. № 31 (part I), art. 5018.
9. Resolution of the First Arbitration Court of Appeal dated 13.03.2020 № 01АП-5933/2018 in case № А43–34718 / 2017
10. Lorentz D.V. Digital rights in real estate: legal nature and protection methods. Russian justice, 2020, no. 2, pp. 57–60.
11. Kartskhia A.A. Digital rights and enforcement. Monitoring enforcement, 2019, no. 2, pp. 43–46.
12. Sannikova L.V. (ed.) Civil Code of the Russian Federation. An article-by-article commentary on chapters 1–5. Moscow, Statut, 2015.
13. Novitsky I.B., Peretersky I.S. (ed.) Roman private law: textbook. Moscow, KNORUS, 2013.
14. Gorodov O.A. Digital legal relationship: species and content. Law and the digital economy, 2019, no. 3, pp. 5–10.
15. Arkhipov V.V. Virtual law: the main problems of the new direction of legal research. Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence, 2013, no. pp. 93–114.
16. Sarbash S.V. Civil circulation in the digital age. Zakon.ru, 2017, URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/21/grazhdanskij_oborot_v_cifrovuyu_epohu
17. Lazarenkova O.G. On the issue of digital rights, as well as a digital account in inheritance legal relations, Inheritance law, 2019, no. 3, pp. 24–27.

Юридические аспекты регулирования экологической безопасности строительства автомобильных дорог

Иванов Александр Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: aleks-i-82@yandex.ru

Кирсанова Олеся Геннадьевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: larsuna@mail.ru

Федоскин Николай Николаевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Данная статья рассматривает особенности нормативного регулирования экологической безопасности при проведении дорожно-строительных работ. В настоящее время важным является соблюдение норм экологического права, направленного на формирование благоприятной среды для развития дорожно-транспортной инфраструктуры, а также разработку регламентов, содействующих сохранности природно-ресурсного потенциала региона. Авторы работы приходят к выводам, что проблемой является сформировавшееся в настоящее время отставание требований нормативной документации, регламентирующей процедуры проектирования и строительства автомобильных дорог в соответствии с требованиями современного экологического законодательства. Тема научного исследования представляется достаточно актуальной для дальнейшего изучения и разработки рекомендаций по формированию нормативной базы, регламентирующей экологические аспекты безопасности дорожного строительства в Российской Федерации.

Ключевые слова: автомобильные дороги, дорожное строительство, экологическая безопасность.

Дорожное хозяйство является одной из важнейших отраслей экономики, от устойчивого и эффективного функционирования которой в значительной степени зависят социально-экономическое развитие российских регионов и условия жизни населения.

Необходимыми условиями, обеспечивающими функционирование хозяйственных связей регионов, как на внутреннем, так и международном экономическом пространстве являются надлежащее состояние сети автомобильных дорог общего пользования, соответствие их характеристик требованиям технических нормативов, государственных и международных стандартов, а также нормам экологического законодательства.

В настоящее время сфера дорожного хозяйства испытывает значительные трудности, связанные с обеспечением ее модернизации и развития, что обусловлено, прежде всего, недостаточностью финансирования федеральных и региональных целевых программ, отзывом большей части средств дорожных фондов на реализацию «более значимых» национальных проектов (например, многолетнее строительство моста в Керченском проливе). Высоким является также уровень коррупции в системе управления развитием дорожного хозяйства различных уровней.

Указанные факторы являются одними из немногих, которые привели к обострению ряда проблем, характерных в настоящее время для российской сети автомобильных дорог федерального, регионального и межмуниципального значения: значительная степень износа более 50% автомобильных дорог сложилась вследствие недостаточного финансирования ремонтных работ в условиях постоянного увеличения интенсивности движения, роста парка транспортных средств и несоблюдения межремонтных сроков.

До принятия 18.10.1991 Закона РФ № 1759–1 «О дорожных фондах в Российской Федерации» (упразднен Федеральным законом от 27.12.2000 № 150-ФЗ) содержанию и ремонту автомобильных дорог в области не уделялось должного внимания. Основные усилия были направлены на строительство новых дорог, для которого использовались некачественные материалы и техника, имеющая высокий уровень физического и морального износа. Как правило, такие дороги были рассчитаны на небольшие нагрузки отечественного транспорта (традиционно нагрузка конструкций дорожных одежд до сих пор составляет в большинстве случаев 6 тонн на ось), и в настоящее время эксплуатация их производится в условиях, близких к экс-

тремальным, когда под движением тяжеловесного транспорта нагрузка на дорожное полотно составляет более 12 тонн на одиночную ось.

До принятия 18.10.1991 Закона РФ № 1759–1 «О дорожных фондах в Российской Федерации» (упразднен Федеральным законом от 27.12.2000 № 150-ФЗ) содержанию и ремонту автомобильных дорог в области не уделялось должного внимания. Основные усилия были направлены на строительство новых дорог, для которого использовались некачественные материалы и техника, имеющая высокий уровень физического и морального износа. Как правило, такие дороги были рассчитаны на небольшие нагрузки отечественного транспорта (традиционно нагрузка конструкций дорожных одежд до сих пор составляет в большинстве случаев 6 тонн на ось), и в настоящее время эксплуатация их производится в условиях, близких к экстремальным, когда под движением тяжеловесного транспорта нагрузка на дорожное полотно составляет более 12 тонн на одиночную ось [5, с. 37].

В современных условиях поддержки сферы дорожного строительства для эффективного решения задачи сохранения, надежности функционирования и пользовательских свойств, автомобильных дорог используются объективные данные диагностики их состояния. На основании оценки фактического транспортно-эксплуатационного состояния автодорог назначаются виды ремонтных работ, определяется приоритетность объектов. Основная задача планирования дорожных работ – сохранение существующей сети автомобильных дорог от разрушения и увеличение протяженности дорог, соответствующих нормативным требованиям к транспортно-эксплуатационным показателям.

Отметим, что имеющаяся нормативная база, регламентирующая сферу дорожного строительства, представлена либо законодательными актами, затрагивающими достаточно косвенно экологические аспекты сферы дорожного строительства, либо не затрагивающими их вообще.

Одним из немногих нормативных актов, регулирующих сферу дорожного строительства является Федеральный закон от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», последняя редакция которого была осуществлена 13.12.2010 (Федеральный закон № 358-ФЗ), что является явно недостаточным для обеспечения правового регулирования одной из наиболее сложных инфраструктурных элементов социально-экономической среды Российской Федерации [6, с. 9].

Следует отметить, что в настоящее время достаточно важным является соблюдение норм экологического права, направленного на формирование благоприятной среды для развития дорожно-транспортной инфраструктуры, а также разработку регламентов, содействующих сохранности природно-ресурсного потенциала региона.

Поскольку автомобильные дороги являются неотъемлемым элементом окружающей экологической системы, вписываясь в природные ландшафты, то требования законодательства к сохранности земельных, лесных и водных ресурсов уже на стадии проектирования автомобильной дороги являются актуальными.

Тем не менее, очевидной проблемой является сформировавшееся в настоящее время отставание требований нормативной документации, регламентирующей процедуры проектирования и строительства автомобильных дорог современной экологической ситуации. До сих пор не принят Федеральный закон, определяющий рамки экологической безопасности дорожного строительства. Действующая нормативная база в данной отрасли сведена к системе ГОСТов, СНИПам и инструкциям, отражающим достаточно разрозненные требования к проектированию и строительству автомобильных дорог.

Многие нормативные акты достаточно поверхностно рассматривают отдельные аспекты дорожного строительства, не обращая внимания на соблюдение экологической безопасности. Недоработкой с юридического аспекта является отсутствие нормативных актов регионального и муниципального значения, которые учитывали бы в полной мере особенности природно-ресурсного потенциала региона, возможности проведения мониторинга, действительное состояние и уровень экологической безопасности сети автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения.

Предписания нормативных документов являются достаточно расплывчатыми, не учитывающими особенности природно-ресурсного потенциала конкретных регионов и областей. Внимание в них уделяется принципам экономного проектирования и организации строительных работ. Сильной стороной действующих нормативных актов являются четко установленные требования к качеству дорожного полотна, техническим характеристикам дороги. Развитие придорожной инфраструктуры отдано частной инициативе. Экологические аспекты, направленные на обеспечение безопасности животного мира, сохранности земельных и водных ресурсов рассмотрены достаточно поверхностно.

Принятая система ГОСТов и СНИПов, инструкций, регламентирующих процедуры дорожного строительства, является достаточно устаревшей. Основные нормативные акты в данной сфере были утверждены также в 70–80-х гг. XX в., в последующем они подвергались незначительной редакции, в которой экологическая безопасность занимала одно из последних мест.

Следует также отметить, что достаточно косвенно обозначены мероприятия, направленные на защиту флоры и фауны окружающей экосистемы. Вопреки возрастающему интересу к экологии, на территории Российской Федерации до сих пор нет единого закона, например “Экологического кодекса”, что является явным упущением законода-

тельства, Президент не раз отмечал, что в XXI веке не существует законодательной базы, регламентирующей охрану окружающей среды, в четкой кодификации [7, с. 131].

Также можно сказать, что существенным недостатком является отсутствие законодательно закрепленной административной ответственности за нарушение требований экологической безопасности при осуществлении дорожного строительства, что характеризует несовершенство нормативной базы, регламентирующей данную сферу деятельности, и обозначает актуальность для проведения дальнейшей нормотворческой работы в данном направлении.

Литература

1. Федеральный закон от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 20.07.2020) // Собрании законодательства Российской Федерации от 12 ноября 2007 г. N46 ст. 5553.
2. СНиП 2.05.02–85. Автомобильные дороги [Электронный ресурс]. – URL: <http://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293801/4293801871.htm>
3. ВСН 8–89. Инструкция по охране природной среды при строительстве, ремонте и содержании автомобильных дорог [Электронный ресурс]. – URL: <http://files.stroyinf.ru/Data1/5/5541/>
4. ВСН 24–88. Технические правила ремонта и содержания автомобильных дорог [Электронный ресурс]. – URL: <http://files.stroyinf.ru/Data1/5/5548/>
5. Кирсанова О.Г., Заводянский А.Л. Инвестиционные перспективы проекта платной автомобильной дороги // Логистика: проблемы и решения. Международный научно-практический журнал (г. Харьков, Украина). – 2013. – № 3 (46). – С. 36–42.
6. Кирсанова О.Г. Перспективы развития сети автомобильных дорог общего пользования Смоленской области в рамках формирования регионального логистического кластера // Materiały Xwiedzynarodowej naukowij-praktycznej konferencji «Strategiczne pytania światowej nauki – 2013» Volume 7. Ekonomiczne nauki. (07–15 lutego 2013 roku). – Przemysł: Nauka i studia. – С. 8–11.

7. Пархачёва А.С., Федоскин Н.Н. Государственное экологическое управление / В сборнике: Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. Сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции. Москва, 2019. – С. 129–133.

LEGAL ASPECTS OF REGULATING THE ENVIRONMENTAL SAFETY OF ROAD CONSTRUCTION

Ivanov A.M., Kirsanova O.G., Fedoskin N.N.

Smolensk branch of the Saratov state law Academy, Smolensk branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration

This article considers the peculiarities of the legal regulation of environmental safety when carrying out road construction works. Currently, it is important to comply with the norms of environmental law aimed at creating a favorable environment for the development of road transport infrastructure, as well as the development of regulations that contribute to the preservation of the natural resource potential of the region. The authors come to the conclusion that the problem is the current backlog of requirements of regulatory documentation regulating the procedures for designing and building highways in accordance with the requirements of modern environmental legislation. The topic of the research is quite relevant for further study and development of recommendations on the formation of a regulatory framework regulating environmental aspects of road construction safety in the Russian Federation.

Keywords: highways, road construction, environmental safety.

References

1. Federal law No. 257-FZ of 08.11.2007 “On highways and road activities in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” (as amended). 20.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation of November 12, 2007 N46 article 5553.
2. SNiP 2.05.02–85. Highways [Electronic resource]. – URL: <http://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293801/4293801871.htm>
3. VSN8–89. Instructions for the protection of the natural environment in the construction, repair and maintenance of highways [Electronic resource]. – URL: <http://files.stroyinf.ru/Data1/5/5541/>
4. VSN24–88. Technical rules for repair and maintenance of highways [Electronic resource]. – URL: <http://files.stroyinf.ru/Data1/5/5548/>
5. Kirsanova O. G., Zavodyansky A.L. Investment prospects of the toll road project // logistics: problems and solutions. International scientific and practical journal (Kharkiv, Ukraine). – 2013. – № 3 (46). – pp. 36–42.
6. Kirsanova O.G. Prospects for the development of a network of public roads in the Smolensk region as part of the formation of a regional logistics cluster MateriałyXwiedzynarodowej naukowij-praktycznej konferencji «Strategiczne pytania światowej nauki – 2013» Volume 7. Ekonomiczne nauki. (07–15 lutego 2013 roku). – Przemysł: Nauka i studia. – С. 8–11.
7. Paracheva A. S., Fedorkin N.N. The state environmental management / In the collection: theoretical aspects of jurisprudence and law enforcement issues. Collection of articles based on the materials of the XXX international scientific and practical conference. Moscow, 2019, Pp. 129–133.

Оценка результатов экспертных исследований цифровых видеоизображений при расследовании дорожно-транспортных происшествий

Евдокимова Валерия Александровна,

адъюнкт кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: lera635@yandex.ru

В статье рассмотрены основные направления оценки экспертного исследования по цифровым видеозаписям различными субъектам: экспертом, следователем, судом с точки зрения соблюдения критериев, предъявляемых к доказательствам по уголовным делам. А также рассмотрены подготовительные и первоначальные действия при работе с цифровой информацией в целях обеспечения критерия допустимости доказательств. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Оценка следователем заключения эксперта с точки зрения относимости не должна вызывать сомнения. С точки зрения допустимости – соблюдение процессуального законодательства, а также ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих производство экспертизы и структуру экспертного заключения как документа. Полнота оценки допустимости экспертного заключения отражает компетентность следователя. Достоверность заключения эксперта определяется всесторонностью проведенного исследования, соответствия примененных методик и методов исследования, научной обоснованности выводов. Однако, для этого необходимо владеть специальными знаниями. Поэтому оценка заключения эксперта со стороны достоверности отражается в убедительности – оформление и структура заключения, дающего возможность проверить ход проведения исследования, результаты исследования путем иллюстрирования. Все доказательства, подлежат оценке. Заключение эксперта не является исключением. Однако, данный вид доказательств подлежит оценке большим количеством субъектов.

Ключевые слова: ДТП, цифровые доказательства, цифровые видеозаписи, допустимость, достоверность, относимость, полнота, экспертное исследование.

Расследование дорожно-транспортных происшествий (ДТП), квалифицированных статьями 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) сопровождается назначением и производством различных экспертиз и исследований. Для их проведения привлекаются лица, обладающие специальными знаниями. Наиболее квалифицированной формой применения специальных знаний является экспертиза, а производство ее поручается соответствующему эксперту, который согласно Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации (УПК РФ) является – лицом, обладающим специальными знаниями и назначен в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения [1]. Результаты исследований, проводимых экспертом, оформляются в виде заключения эксперта. Согласно ст. 80 УПК РФ заключение эксперта является доказательством в уголовном судопроизводстве.

Все доказательства, подлежат оценке. Заключение эксперта не является исключением. Однако, данный вид доказательств подлежит оценке большим количеством субъектов.

В первую очередь заключение эксперта по завершению исследования подлежит оценке самим экспертом. Он рассматривает свое заключение, во-первых, с точки зрения соблюдения процессуальных норм структуры заключения эксперта как документа. Во-вторых, рассматривает содержательную составляющую проведенного исследования и соответствие выводов на поставленные вопросы. Оценка заключения экспертом – это субъективная оценка своей работы.

Далее заключение эксперта оценивает следователь. Его оценка проводится по следующим направлениям:

- 1) соблюдение процессуальных требований при назначении экспертизы;
- 2) соблюдение всех процессуальных требований составления документа;
- 3) анализ информации, содержащийся в документе;
- 4) соответствие выводов экспертизы доказательствам, ранее собранным по делу.

Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Оценка следователем заключения эксперта с точки зрения относимости не долж-

на вызывать сомнения. С точки зрения допустимости – соблюдение процессуального законодательства, а также ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих производство экспертизы и структуру экспертного заключения как документа. Полнота оценки допустимости экспертного заключения отражает компетентность следователя.

Достоверность заключения эксперта определяется всесторонностью проведенного исследования, соответствия примененных методик и методов исследования, научной обоснованности выводов. Однако, для этого необходимо владеть специальными знаниями. Поэтому оценка заключения эксперта со стороны достоверности отражается в убедительности – оформлении и структура заключения, дающего возможность проверить ход проведения исследования, результаты исследования путем иллюстрирования. Иллюстрации подтверждают выводы (синтезирующие либо окончательные) и убеждают в достоверности заключения эксперта. Мы согласны с точкой зрения О.Я. Баева «Чем более убедительно доказательство подтверждает или опровергает исследуемы по делу факт или обстоятельство, тем лучше или «выше» его качество» [3, с. 424.].

Однако заключение эксперта имеет специфику при его оценке, а именно проверка соблюдения требований при назначении экспертизы. Назначение экспертизы отражается в постановлении о назначении экспертизы и направлении объекта исследования, каждый из которых подлежит оценке. В рамках расследования ДТП частым объектом исследования выступают цифровые видеоизображения, на которых запечатлено событие преступления. Сами эти объекты исследования подлежат оценке по следующим критериям: допустимости, достоверности, относимости, полноте отраженной информации, качества видеоизображений (рис. 1).

Рис. 1. Критерии оценки цифровых видеоизображений

Цифровые видеоизображения с точки зрения допустимости должны соответствовать нормам процессуального законодательства при получении (изъятии) их в ходе следственных действий. Одной из проблем оценки допустимости цифровых видеоизображений является отсутствие стандартных методических рекомендаций для следователей

по обнаружению, фиксации и изъятию на местах происшествий, содержащейся в них цифровой информации [3, с. 29–30].

На первоначальном этапе работы с цифровыми видеозаписями необходимо решить вопрос о форме предоставления эксперту. Наиболее целесообразно изъятие цифровой информации – изъятие объекта записи. В частности, цифровые видеозаписи могут находиться во внутренней памяти самого записываемого устройства, на съемной карте памяти либо в памяти сервера. Изъятие с устройством записи позволяет установить наиболее достоверную криминалистически значимую информацию, например, дата и время записи. В то же время обеспечить сохранность видеозаписи и невозможность внесения изменений иными заинтересованными лицами. Однако, на практике не всегда предоставлена возможность изъятия объекта носителя и необходимо продублировать цифровую видеозапись на иной носитель информации.

Необходимо разграничивать понятия оригинала, копии и дубликата видеозаписи.

Оригиналом выступает видеозапись, записанная на первичном носителе информации, который находился во время записи непосредственно в устройстве. Также оригиналом может выступать само записывающее устройство, которое не содержит съемного носителя информации. Изъятие оригинала видеозаписи считается наиболее достоверным источником информации.

Дубликатом является файл-образ, т.е. полная копия содержания и структуры файловой системы и данных, находящихся на носителе-оригинале. Дубликат может быть сделан всей информации либо части. Аналогично дубликату документов, дубликат цифровой видеозаписи имеет одинаковую юридическую силу с оригиналом.

При дублировании цифровых видеозаписей также переносится информация о свойствах этой записи, которая является криминалистически значимой при доказывании [8, 135]. Такими данными выступает дата, время создания видеозаписи. А при копировании информации (простом переносе на съемный носитель) такая криминалистически значимая информация может быть изменена. Использование копий цифровых видеозаписей в виду их изменчивости недопустимо.

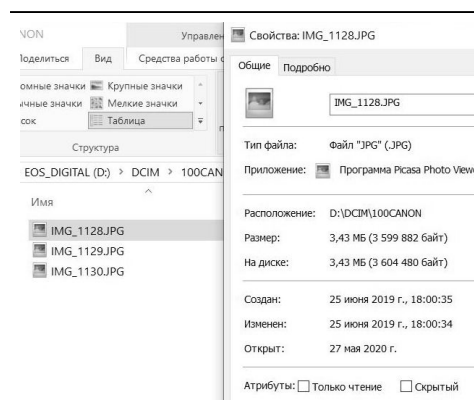
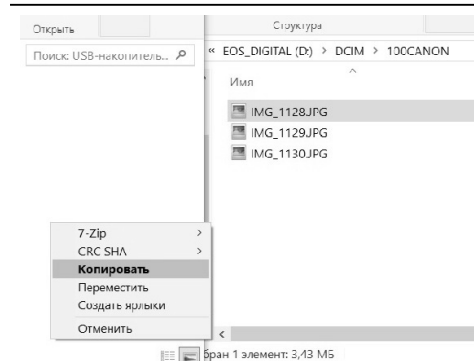
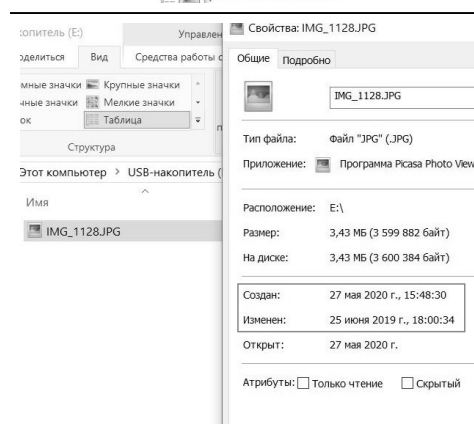
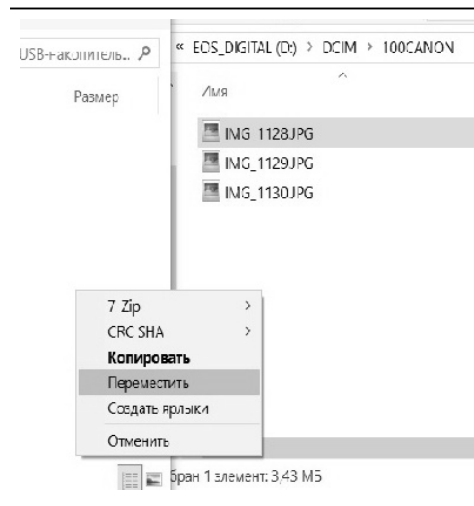
Нами рассмотрены конкретные примеры потери криминалистически значимой информации при работе с цифровой информацией. Результаты представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 следует, что «Копирование» при работе с цифровой информацией, в частности цифровыми видеозаписями, недопустимо. Учитывая эту информацию не следует забывать о носителе информации на который переносится информация (таблица 2).

Запись видеозаписей (дублирование) производится только на носители однократной записи либо в режиме «диск за раз». Однако, на полупроводниковых носителях такого режима нет. В целях сохранности полученной информации после запи-

си на полупроводниковые носители стоит включить режим запрета записи. На некоторых носителях информации режим запрета можно включить механически, но большинство при помощи командной строки.

Таблица 1. Изменение свойств при «Копировании» и «Перемещении»

	Исходный файл IMG_1128. Во вкладке «Свойства» мы видим основные данные: тип файла, размер, дату создания файла, дату изменения
	Производим «Копирование» файла на носитель информации.
	Произошло изменение даты создания. Оно соответствует дате и времени копирования файла.
	Производим «Перемещение» файла на носитель информации.

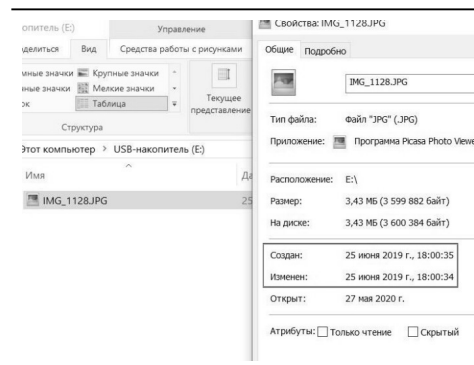
	Изменений в данных даты и времени не произошло.
---	--

Таблица 2. Виды носителей информации

Однократной записи	Множественной записи	
		
оптические		полупроводниковые
разрешено использовать	Использование только в режиме «диск за раз»	Использование только с включением запрета записи после переноса информации

В данной статье нами рассмотрены лишь подготовительные и первоначальные действия по переносу цифровой информации, в частности цифровых видеозаписей, для производства экспертных исследований. Соблюдение приведенных нами правил отражает критерий допустимости, но не стоит забывать и о иных критериях.

Достоверность цифровых видеоизображений — это правильность отражения обстоятельств ДТП, их точность, получение из достоверных источников и отсутствие изменений, вносимых в цифровые видеоизображения. Проверка факта внесения изменений в видеозапись может выражаться в производстве отдельной судебной экспертизы, например, видеотехнической или компьютерно-технической экспертизы.

Относимость цифровых видеозаписей определяется главным образом по тому, запечатлено ли обстоятельство, которое может быть выяснено с помощью производства экспертизы, а также способна ли цифровая видеозапись по своему содержанию служить установлению этого обстоятельства. Относимость определяется через призму предмета доказывания [8,55].

Количественную сторону оценки цифровых видеозаписей отражает критерий полноты. В пол-

ной ли мере отражено обстоятельство на видеозаписи.

Для оценки качества изображения следует исходить от конкретной задачи. Однако, для того чтобы в полной мере оценить качество цифрового видеозображения по определенным параметрам необходимо иметь специальные знания. Поэтому оценка качества проводится, как правило, не в полном объеме по субъективному восприятию. Это в дальнейшем приводит следователя в тупик, так как представленная эксперту цифровая видеозапись не подлежит исследованию из-за плохого качества. На наш взгляд, для решения этой проблемы необходимо разработать методические рекомендации для следователей по оценке качества цифровых видеозаписей.

После процессуальной оценки заключения эксперта и объекта экспертизы следователь оценивает содержательную сторону проведенного исследования. Проверка соответствия полученной информации другим доказательствам и материалам дела. Определение места в структуре доказывания по делу. Ответы на вопросы, полученные от эксперта, опровергают или подтверждают гипотезы при расследовании. Следователь проверяет соответствие выводов эксперта относительно других материалов дела [9, с. 184]. Такую оценку следователь проводит исключительно по внутреннему убеждению и совести, и она является неотъемлемой частью при расследовании.

Таким образом оценка экспертного заключения следователем является неотъемлемой частью процесса расследования и построения линии обвинения в суде.

Заключение эксперта также подлежит оценке следующим субъектом судопроизводства – судом. Суд оценивает заключение эксперта в соответствии со ст. 88 УПК РФ с точки зрения относимости, допустимости, достоверности как доказательства. При производстве экспертного исследования применяются специальные знания в области искусства, науки, техники и ремесла, а так как суд не является носителем специальных знаний, его оценка в большей мере связана с признанием (или непризнанием) его как доказательства по рассматриваемому делу [7, с. 103]. Суд проверяет и оценивает действия всех участников судопроизводства, имеющих отношение к процедуре производства экспертизы. Оценивает объекты, образцы исследования, процессуальную процедуру назначения экспертизы, получения образцов для сравнения, процедуру изъятия объектов. Нарушение процессуального порядка изъятия объектов экспертного исследования, даже если экспертиза проведена в полном объеме и объективно, дает основание суду исключить заключение эксперта из доказательственной базы.

Таким образом суд оценивает процессуальную составляющую заключения эксперта как документа, а также действия лиц, причастных к производству экспертного исследования (следователь, эксперт). А также фактическую содержательную со-

ставляющую проведенного исследования и полученных выводов.

Оценка заключения эксперта, как доказательства, производится большим количеством субъектов (рис. 2). Были рассмотрены основные направления, однако они не исчерпывающие. Защитник (адвокат), потерпевший также оценивают заключение эксперта, но их оценка зачастую схожа с оценкой приведенных выше субъектами.

Рис. 2. Основные субъекты оценивания заключения эксперта

При оценке заключений эксперта по делам ДТП следователь сталкивается со специфичным объектом исследования – цифровыми видеозображениями, которые также должны подвергаться оценке на стадии принятия решения об изъятии данного объекта исследования. Для решения рассмотренных проблем, связанных с неполнотой оценки цифровых видеозображений, необходимо разработать методические рекомендации для следователей по обнаружению, фиксации и изъятию на местах происшествий, содержащейся в них цифровой информации.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
3. Баев О.Я. Уголовно-процессуальное доказательство: атрибутивные признаки и качество / Избранные работы (2012–2016). Воронеж, 2016. С. 233–242.
4. Галяшина Е.И. Материалы аудио- и видеозаписи как результаты ОРД: проблемы судебно-экспертного обеспечения проверки доказательств // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 2. 2015. С. 91–96.
5. Зуева С.В. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева. – М.: Юрлит информ. 2020. С. 156160.
6. Кудрявцев Ю.С. Об оценке экспертного заключения // Судебная власть и уголовный процесс, № 3, 2018. С. 102106.

7. Островский О.А. Значение цифровых доказательств при расследовании уголовных преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки, № 1. 2019. С. 123140.
8. Талынева З.З., Давыдова С.Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 4(82). 2018. С. 5457.
9. Хомутов С.В. О некоторых особенностях оценки заключения эксперта следователем и судом // Юристъ-Правоведъ, № 4 (87), 2018. С. 183186.

ACTUAL PROBLEMS OF EVALUATING THE RESULTS OF EXPERT RESEARCH ON DIGITAL VIDEO IMAGES IN THE INVESTIGATION OF ROAD ACCIDENTS

Evdokimova V.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikot

The article considers the main directions of evaluation of expert research on digital video recordings by various subjects: an expert, an investigator, a court in terms of compliance with the criteria for evidence in criminal cases. It also considers preparatory and initial actions when working with digital information in order to ensure the criterion of admissibility of evidence. Each proof is subject to evaluation in terms of relevance, admissibility, and reliability. The investigator's assessment of the expert opinion in terms of relevance should not be in doubt. From the point of view of admissibility – compliance with the procedural legislation, as well as departmental regulatory legal acts regulating the production of expertise and the structure of the expert opinion as a document. The completeness of the assessment of the admissibility of the expert opinion reflects the competence of the investigator. The reliability of the expert's conclusion is determined by the comprehensiveness of the research, the

compliance of the applied methods and research methods, and the scientific validity of the conclusions. However, this requires special knowledge. Therefore, the assessment of the expert's conclusion from the side of reliability is reflected in the credibility-the design and structure of the conclusion, which makes it possible to check the progress of the study, the results of the study by illustrating. All evidence is subject to evaluation. The expert opinion is no exception. However, this type of evidence is subject to evaluation by a large number of subjects.

Keywords: traffic accident, digital evidence, digital video recordings, admissibility, reliability, relevance, completeness, expert research.

Reference

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ.
2. Federal Law of May 31, 2001 № 73-FZ «On state forensic expertise in the Russian Federation.
3. Baev O. Ya. Criminal Procedural Evidence: Attributes and Quality / Selected Works (2012–2016). Voronezh, 2016. S. 233–242.
4. Galyashina E.I. Materials of audio and video recordings as results of the ORD: problems of forensic support of the verification of evidence // Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky. # 2. 2015.S. 91–96.
5. Zueva S.V. Information technologies in the criminal process of foreign countries: monograph / ed. doct. jurid. Sciences S.V. Zueva. – M.: YurLit inform. 2020.S. 156–160.
6. Kudryavtsev Yu.S. On the assessment of the expert opinion // Judicial power and criminal procedure, No. 3, 2018. P. 102106.
7. Ostrovsky O.A. The value of digital evidence in the investigation of criminal offenses // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: legal sciences, no. 2019.S. 123140.
8. Talyneva Z.Z., Davydova S.R. On the question of the evidentiary value of audio and video recording materials in criminal proceedings // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (82). 2018.S. 5457.
9. Khomutov S.V. On some features of the assessment of the expert's conclusion by the investigator and the court // Yurist-Pravoved, no. 4 (87), 2018. P. 183–186.

Понятие социальной группы и уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности

Королёв Юрий Алексеевич,

Соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета
E-mail: uzeffkor@mail.ru

Научная статья посвящена легальной дефиниции преступлений экстремистской направленности. Автор анализирует аргументы сторонников и противников исключения из Примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ указания на мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Автор признаёт несостоятельными предложения исключить из дефиниции преступлений экстремистской направленности упоминание социальной группы. Это законодательное решение пошло бы вразрез с нынешним состоянием общественных отношений, а также существенно ослабило бы конституционные гарантии защиты прав человека и гражданина.

При этом, термин «социальная группа» нуждается в уточнении. Цели и интересы, служащие объединяющей основой социальной группы, не должны противоречить действующему законодательству. Сама по себе не подкреплённая законодательными нормами аморальность целей и интересов социальной группы не лишает её представителей как членов социальной общности повышенных уголовно-правовых гарантий защиты. Именно такое понимание уголовно-правовой сущности социальной группы, по мнению автора, должно найти свое воплощение на практике.

Ключевые слова: социальная группа, экстремизм, преступления экстремистской направленности, экстремистский мотив, ненависть, вражда.

В последние годы в отечественной науке уголовного права всё чаще высказываются критические суждения относительно легальной дефиниции преступлений экстремистской направленности. Юридическая сущность этой категории раскрыта законодателем в Примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ посредством указания на побуждающие виновного к совершению преступления мотивы ненависти или вражды, которые изменяют характер и повышают степень общественной опасности деяния. В числе этих мотивов наиболее уязвим для критики мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Под сомнение ставится необходимость использования термина «социальная группа», который использован законодателем при описании экстремистских мотивов и легальной дефиниции преступлений экстремистской направленности. Однако, вопрос о необходимости его исключения из уголовного закона видится не таким однозначным.

Резким противником криминализации в качестве экстремистского мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является В.В. Лунев, по мнению которого нахождение этого признака в уголовном законе призвано охранять интересы коррупционеров и, в целом, лиц, несправедливо наживших своё состояние [1, с. 108]. Критике термин «социальная группа» подвергается также, в частности, и со стороны А.Г. Кибальника [2, с. 129].

С одной стороны, очевидна размытость и чрезмерная широта объёма понятия «социальная группа», под которое можно произвольно подвести практически любую многочисленную и устойчивую общность людей, которых объединяют совместные интересы и цели. И в этом, безусловно, усматривается опасность чрезмерного и неоправданного применения уголовной репрессии. Так, по оценке С.В. Михайлова, рассматриваемый признак, вкупе с отсутствием в уголовном законе указания на исключительно насильственный характер деяний, делает нормы антиэкстремистского законодательства «каучуковыми», то есть применимыми к неоправданно широкому кругу ситуаций по произвольному усмотрению суда [3, с. 59].

С другой стороны, вряд ли можно отрицать повышенную общественную опасность преступлений, которые совершены, например, по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной

группы врачей (которых виновный может возненавидеть как объединённую по признаку профессиональной принадлежности общность в силу допущенной в отношении него врачебной ошибки), социальной группы инвалидов, социальной группы болельщиков того или иного футбольного клуба или же социальной группы лиц без определённого места жительства. Как подчёркивает, в частности, Д.А. Мелешко, повышенная общественная опасность таких посягательств обусловлена тем, что их жертвой может стать любое лицо, которое, по мнению преступника, принадлежит к ненавидимой им общности. Тем самым, под угрозу ставится индивидуально неопределённый круг лиц, что также способствует нарастанию в обществе социальных противоречий и конфликтов [4, с. 35].

Подобные преступления направлены на разжигание социальной розни и разобщение членов общества. Поэтому они должны подлежать более суровой юридической оценке, нежели аналогичные деяния, совершённые по мотиву личной неприязни.

Тем самым, посредством соответствующих уголовно-правовых норм антиэкстремистского законодательства обеспечиваются гарантии реализации закреплённого в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ принципа равенства. В том числе, и равенства вне зависимости от имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Права граждан не могут быть ограничены по признаку социальной принадлежности.

В этом смысле, как поясняет З.Л. Шхагапсоев, «дефиниция социальной группы в уголовном праве имеет более узкие рамки, чем в социологии или других сферах юриспруденции» [5, с. 150]. Указание на социальную группу естественным образом дополняет иные возможные формы дискриминации по иным значимым и прямо прописанным в Конституции РФ признакам – расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Для того, чтобы быть названной социальной, группа людей должна отвечать ряду признаков. В их числе, прежде всего, следующие: многочисленность; устойчивость; соответствие её членов четко усматриваемому единому признаку (половой, территориальной, профессиональной и иной принадлежности и т.п.); единство интересов и целей членов группы. Важное дополнение делает А. Хлебушкин, по мнению которого к социальным группам также следует относить «объединение лиц, осуществляющих совместную социально полезную или социально нейтральную деятельность, вступающих (способных вступить) в общественные отношения именно как представители группы, т.е. устанавливающих в качестве таковых социальную связь с другими субъектами» [6, с. 80].

Совершая преступление по данному экстремистскому мотиву, виновный руководствуется мотивом ненависти, крайней степени неприяз-

ни как в отношении социальной группы в целом, так и, при наличии потерпевшего, к конкретному представителю ненавидимой им социальной группы. С точки зрения уголовного закона, важна именно экстремистская мотивация виновного, при том, что в действительности потерпевший может и не являться представителем той социальной общности, ненависть к которой у виновного послужила побудительной причиной для совершения им преступления.

Вместе с тем, используя рассматриваемый признак, законодатель не делает оговорку относительно направленности целей и интересов, которые должны лежать в основе объединения людей в социальную группу, а также иных характеристик социальной группы. При буквальном толковании текста уголовного закона вполне можно допустить самые абсурдные трактовки, при которых как экстремистский мог бы рассматриваться мотив ненависти к представителям антисоциальной группы. В том числе, например, социальной группы «воры в законе» или же социальной группы «неонацисты».

Поэтому не лишено оснований мнение Е.О. Руевой и А.С. Вражнова о том, что «законодатель не стоит исключать из состава ст. 282 УК РФ термин «социальная группа»» [7, с. 40]. Вполне логично и адресованное Пленуму Верховного Суда РФ предложение названных авторов разъяснить понятие социальной группы, посредством указания, в числе прочего, на правомерность целей её существования [7, с. 40]. Сходное предложение было ранее высказано, в частности, Д.И. Леньшиным [8, с. 6].

Однако, если продолжить рассуждения на эту тему, то также неизбежно встаёт вопрос о том, кто именно будет решать, является ли группа асоциальной и преследуют ли её члены правомерные цели? Сам ли виновный, или же асоциальность группы должна объективно подтверждаться посредством законодательного запрета соответствующей общественной организации, либо законодательного запрета целей, которую преследуют члены группы.

Так, к примеру, должно ли получать юридическую оценку по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийство, совершённое по мотиву ненависти или вражды в отношении социальной группы «лица, на возмездной основе предоставляющие сексуальные услуги»? Получается, что нет, так как проституция является не только асоциальным, но и запрещённым ст. 6.11 КоАП РФ видом деятельности. Или, например, если виновный умышленно причиняет средней тяжести вред здоровью лицу в связи с его принадлежностью к социальной группе лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, то деяние должно быть квалифицировано по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ в связи с тем, что нетрадиционные сексуальные отношения действующим законодательством не запрещены. Но подобная юридическая оценка видимо уже станет невозможной, если виновный будет объяснять свои действия тем,

что он причинил средней тяжести вред здоровью лицу, являющемуся членом организации, социальной группы, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения среди несовершеннолетних. Такая пропаганда запрещена ст. 6.21 КоАП РФ и, следовательно, подобные группы, с точки зрения нынешнего законодательства являются асоциальными. При этом, вопросы вызывает и конституционность самой ст. 6.21 КоАП РФ, карающей в том числе за распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних «искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений».

Или же, сходный пример: в случае реализации предложения закрепить указание на обязательность правомерных целей социальной группы экстремистским совершенно справедливо не должно признаваться преступление, совершённое по мотивам ненависти или же вражды как в отношении потребителей наркотических средств, так и в отношении торговцев наркотиков, так как оба эти вида деятельности запрещены законом. Первый – административным, а второй – уголовным.

Напротив, не подкреплённая законодательными нормами аморальность целей и интересов социальной группы не должна лишать её представителей как членов социальной общности повышенных уголовно-правовых гарантий защиты. Такой трактовки придерживается правоприменитель и в настоящее время. К примеру, в Кассационном определении от 7 июля 2011 г. № 8-О11–10 Верховный Суд РФ указал, что доводы стороны защиты о том, что «панков» нельзя относить к социальной группе, защищаемой Уголовным кодексом РФ, не основан на законе и материалах дела. Суд, проанализировав показания в судебном заседании специалиста Е. и сопоставив их с другими доказательствами, сделал правильный вывод о том, что по смыслу пункта «б» части 1 ст. 213 УК РФ объектом преступного посягательства выступает любая социальная группа как общность людей, связанных системой отношений, регулируемых как формальными, так и неформальными институтами, независимо от того, что они могут противопоставлять себя остальной части общества (в том числе, по показаниям Е., быть с этой точки зрения антисоциальной группой, к каковым она относит и носителей субкультуры «панков») [9].

Острым остаётся вопрос о том, допустимо ли рассматривать в качестве социальной группы в контексте экстремистского мотива преступления социальные группы «чиновники» и «сотрудники правоохранительных органов». Учитывая высказанные замечания, видимо, да, так как интересы и цели этих групп не только не являются асоциальными, но и их представители призваны осуществлять социально полезные функции.

Таким образом, следует признать несостоятельными предложения исключить из дефиниции преступлений экстремистской направленности упоминание социальной группы. Подобное зако-

нотательное решение пошло бы вразрез с нынешним состоянием общественных отношений, а также существенно ослабило бы конституционные гарантии защиты прав человека и гражданина. Совершаемые по мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы преступления представляют повышенную общественную опасность и должны рассматриваться в качестве экстремистских.

При этом, уголовно-правовое понятие социальной группы уже его социологического понятия, в связи с чем необходимо исходить из обязательной правомерности целей и интересов, которые служат объединяющей основой социальной группы. Сама по себе, без их законодательного запрета, аморальность целей и интересов социальной группы не должна отрицать наличие экстремистского мотива у виновного.

Литература

1. Лунеев В.В. Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достоинства и недостатки: (научно-практическая конференция) // Государство и право. 2006. № 9. С. 107–114.
2. Кибальник А. Борьба с экстремизмом и противоречивость уголовной политики // Уголовное право. 2008. № 2. С. 127–131.
3. Михайлов С.В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. № 4. С. 50–63.
4. Мелешко Д.А. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 35–36.
5. Шхагапсоев З.Л. Дефиниция социальной группы в преступлениях экстремистской направленности // Общество и право. 2011. № 5. С. 147–154.
6. Хлебушкин А. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С. 74–81.
7. Руева Е.О., Вражнов А.С. Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4. С. 36–40.
8. Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.07.2011 № 8-О11–10 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

THE CONCEPT OF A SOCIAL GROUP AND CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR EXTREMIST CRIMES

Korolev Yu.A.
Urals State Law University

The scientific article is devoted to the legal definition of extremist crimes. The author analyzes the arguments of supporters and oppo-

nents of the exclusion from Note 2 to Art. 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation indicating the motive of hatred or enmity in relation to any social group.

The author recognizes the proposals to exclude the mention of a social group from the definition of extremist crimes as untenable. This legislative decision would run counter to the current state of public relations, and would also significantly weaken the constitutional guarantees for the protection of human and civil rights.

At the same time, the term «social group» needs to be clarified. The goals and interests that serve as the unifying basis of the social group should not contradict the current legislation. The immorality of the goals and interests of a social group, which is not in itself supported by legislative norms, does not deprive its representatives as members of a social community of increased criminal-legal guarantees of protection. It is this understanding of the criminal legal essence of a social group, according to the author, that should be embodied in practice.

Keywords: social group, extremism, crimes of extremist orientation, extremist motive, hatred, enmity.

References

1. Luneev V.V. Ten years of the Criminal Code of the Russian Federation: advantages and disadvantages: (scientific and practical conference) // State and Law. 2006. № 9. S. 107–114.
2. Kibalnik A. Fight against extremism and the inconsistency of criminal policy // Criminal law. 2008. № 2. S. 127–131.
3. Mikhailov S.V. Legal analysis of the definition of extremism // Judge. 2019. № 4. S. 50–63.
4. Meleshko D.A. Controversial issues of qualification of crimes committed based on hatred or enmity in relation to a social group // Russian Justice. 2018. № 1. P. 35–36.
5. Shkhagapsoev Z.L. The definition of a social group in extremist crimes // Society and Law. 2011. № 5. S. 147–154.
6. Khlebushkin A. Establishing the characteristics of a social group when qualifying crimes of an extremist orientation: theory and judicial practice // Criminal law. 2013. № 6. S. 74–81.
7. Rueva E.O., Vrazhnov A.S. Problems of Formulating Definitions in Extremist Crimes // Russian Investigator. 2019. № 4. P. 36–40.
8. Lenshin D.I. Extremist Crimes in the Criminal Law of the Russian Federation: Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2011. 24 p.
10. The cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2011 № 8-O11–10 // Reference legal system «ConsultantPlus».

Балашов Сергей Михайлович,

выпускник, кафедра уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА
Минюста России)

E-mail: balashov_sm@mail.ru

Автором рассматриваются некоторые примеры оценочного понятия «беззащитное состояние потерпевшего» (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России) на основе современной судебной практики. Изучено 100 судебных приговоров, в которых потерпевший конкретно охарактеризован как беззащитный вынесенных с начала 2015 года по апрель 2020 года. Высказываются теории о сущности беззащитного состояния, в его взаимосвязи с беспомощным состоянием потерпевшего. Автор высказывает предположение, что примерами беззащитного состояния потерпевшего могут выступать все те случаи, когда имеет место значимое в уголовно-правовой ситуации неравенство: престарелый или несовершеннолетний возраст потерпевшего, болезнь, сложившаяся к моменту совершения преступления ситуация, если неравенство недостаточно для того, чтоб признать потерпевшего находящимся в состоянии беспомощности.

Ключевые слова: Состояние беспомощности; состояние беззащитности; право; Верховный Суд; судебная практика.

В соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России обстоятельством, отягчающим наказание, является совершение преступления в отношении, в том числе, «беззащитного лица». Но что мы знаем о содержании уголовно-правовой беззащитности потерпевшего и, что не менее важно, конкретных её примерах?

В отличие от состояния беспомощности потерпевшего, которое раскрыто в постановлении Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16 и постановлении Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1, указанная в УК России «беззащитность» не получила никакого легального толкования. В доктрине уголовного права дела обстоят не лучше: большая часть представителей ученого сообщества предпочитают долго не останавливаться на разграничении обозначенных понятий или вовсе идти по лёгкому пути – отождествлять беспомощность и беззащитность. Немаловажно отметить, что последним грешат и судьи.

Пример: «Так, по смыслу закона, **беспомощными и беззащитными** признаются лица с физическими недостатками, престарелые, тяжелобольные, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее, неспособные в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, и когда последний, совершая преступление, сознает это обстоятельство» [1].

Однако, как уже ранее отмечал автор в статье «Уголовно-правовая конструкция «беспомощное состояние потерпевшего» и уголовно-правовая беззащитность» [2, с. 258], беспомощность и беззащитность не тождественные понятия. Во-первых, п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России чётко разграничивает обозначенные понятия с помощью разделительного союза «или», акцентируя внимание на том, что в уголовно-правовой ситуации потерпевший находится или в беззащитном, или в беспомощном состоянии; во-вторых, отождествление рассматриваемых понятий фактически лишило бы правоприменителя возможности ужесточить наказание в тех случаях, когда усматривается некое неравенство между виновным лицом и потерпевшим (в виду состояния последнего), если не имеет место уголовно-правовая беспомощность.

Так как легальное толкование беззащитности отсутствует, о данном значимом с уголовно-правовой точки зрения состоянии можно сделать лишь два вывода:

- 1) Беззащитность – это характеристика потерпевшего;
- 2) Ситуация, в которой имеет место уголовно-правовая беззащитность, связана с явным неравенством потерпевшего по отношению к виновному лицу. При чём это неравенство обосновано состоянием потерпевшего.

Наличие неравенства подтверждается не только тем фактом, что все состояния, обозначенные в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России характеризуют «уязвимое» состояние потерпевшего, но и самим значением термина «беззащитность». Так, С.И. Ожегов определял рассматриваемый термин следующим образом: «Беззащитный – лишенный защиты, неспособный защитить себя» [3, с. 41; 4, с. 47].

Пример: «Указанное в обвинительном акте *отягающее обстоятельство, предусмотренное пунктом «з» части 1 статьи 63 Уголовного Кодекса Российской Федерации – совершение преступления в отношении беззащитного лица, не может быть признано таковым, поскольку потерпевшая Мусалова С.В. указанным критериям не отвечает, она здоровый и трудоспособный человек*» [5].

В широком понимании неравенство виновного и потерпевшего может быть обосновано самыми разными обстоятельствами такими как, например, когда один человек беспомощен перед группой нападавших, безоружный – перед вооружённым, слабый – перед сильным и т.д. Однако положение потерпевшего не в каждой из обозначенных ситуаций может быть признано судом как уголовно-правовая беззащитность. В первую очередь это обосновано тем, что определённые варианты неравенства отдельно учтены законодателем как обстоятельства, отягчающие наказание, например, преступление, совершённое группой лиц (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК России), с использованием оружия (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК России), в отношении беременной или лица, находящегося в зависимости от виновного (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России).

Однако на этом всё. Этимология слов «беспомощный» и «беззащитный» и дальнейший анализ закона не позволяют проследить разницу между обозначенными понятиями, сделать конкретный вывод о признаках беззащитного состояния и самостоятельно на их основе привести конкретные примеры беззащитности. Ведь всё указанное в отношении беззащитности справедливо и для оценочного признака беспомощности.

В этой связи видится целесообразным не выводить примеры из признаков рассматриваемого оценочного понятия, а поступить иначе – изучить примеры судебной практики, когда лица признавались находящимися в беззащитном состоянии по отношению к виновному лицу и на их основе проследить общую логику правоприменителя.

Анализ всего массива судебных актов, в которых имелась ссылка на п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России (аналогично ранее приведённой практике) показал, что в 85–90% случаев суд отождествляет беспомощность и беззащитность, характеризуя потерпевшего одновременно обоими понятиями.

Но есть и приговоры, в которых потерпевший конкретно охарактеризован как беззащитный. Всего изучено 100 таких приговоров, вынесенных с начала 2015 года по апрель 2020 года. [Опубликованные судебные акты исследовались на электронном ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ» <http://sudact.ru>].

В большинстве случаев суд обосновывал нахождение потерпевших в беззащитном состоянии их престарелым возрастом. На долю таких приговоров приходится 81% (81 приговор). При этом в 65 случаях беззащитность потерпевшего не обосновывалась ничем, кроме самого возраста.

Пример: «*Обстоятельством, отягчающим наказание подсудимой, по второму и третьему эпизодам преступлений, совершенных в отношении Потерпевший № 2, имеющей **преклонный возраст (91 год)** и в силу этого неспособной дать отпор противоправным преступным действиям подсудимой по причинению ей телесных повреждений и завладению ее деньгами, признает совершение этих преступлений в отношении беззащитного лица, поскольку по смыслу уголовного закона (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ) престарелое лицо относится к беззащитным лицам*» [6].

При этом существует обширная судебная практика, в соответствии с которой нельзя признать потерпевшего беззащитным или беспомощным только лишь в связи с его престарелым возрастом. Но такая практика встречалась лишь среди того массива приговоров, которые отождествляют беспомощность и беззащитность [7].

Вместе с тем интересна практика и Верховного Суда Российской Федерации, где в конкретном деле высшая судебная инстанция выразила согласие с тем, что беззащитность может быть обоснована возрастом потерпевшего.

Пример: «*Вопреки доводам жалоб суд обоснованно признал отягчающим наказание обстоятельством факт совершения Шаховским, Сафроновым, Ивановым С.А., Рыбниковым Ж.Н., Ивановым Я.Е., Ивановой В.А., Беловой С.Е., Ивановой Н.Н., Рыбниковой Ю.Н. преступлений в отношении **беззащитных** лиц. По смыслу уголовного закона (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ) престарелые лица относятся к **беззащитным** лицам. Поскольку осужденные совершали преступления в отношении престарелых потерпевших, которые не могли противостоять осужденным и дать необходимый отпор в силу своего возраста, суд правомерно учел это отягчающее наказание обстоятельство при назначении осужденным наказания*» [8].

Ещё в 10 приговорах суд признал потерпевшего беззащитным в связи с престарелым возрастом потерпевшего, осложнённого лёгкой болезнью или III группой инвалидности. И лишь в 6 случаях престарелому возрасту беззащитного сопутствовали множественные заболевания, в том числе хронические, инвалидность I и II группы.

В 15% приговоров несовершеннолетний возраст, в четырех случаях совмещённый с зависимостью потерпевшего от виновного, суд также

признал беззащитным состоянием. При этом в 14 приговорах было указано именно на малолетний возраст потерпевшего.

Интересна в этом отношении позиция Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина (кого он называет беззащитным), слова которого в своей статье приводит Ю.Ф. Камалова: «Убийства, сопряженные с изнасилованием, совершаются в отношении самых незащищенных слоев общества: малолетних девочек, девушек, женщин и женщин пожилого возраста. Часто именно в отношении такого беззащитного в силу возраста человека, не способного дать отпор взрослому преступнику – мужчине, совершаются наиболее циничные и жестокие сексуальные преступления» [9, с. 223].

В оставшихся четырёх приговорах суд признал беззащитными тех потерпевших, которые находились в состоянии сна, осложнённого опьянением (1), были предварительно избиты виновным (1), были предварительно связаны виновным (2).

Пример: «В ходе завязанной по мотивам оплаты несуществующего долга ссоры Жданов А.С. спровоцировал конфликт с потерпевшим, развязал драку с ним, в ходе которой, преследуя очевидно корыстную цель, **подверг Ч. существенному физическому насилию, благодаря чему лишил пострадавшего способности эффективно обороняться и похитил у него из кармана брюк **** рублей, телефон и банковскую карту. В дальнейшем, используя беззащитное состояние...**» [10].

Учитывая, что в проанализированной судебной практике рассматривался вопрос об отягчении наказания в связи с совершением преступления в отношении беззащитного, а не беспомощного лица, нельзя говорить о какой-либо судебной ошибке только лишь на том основании, что сделанные судом выводы входят в противоречие с теми разъяснениями, которые даны высшей судебной инстанцией о беспомощном состоянии.

Однако из практики следует и то, что суд признаёт потерпевшего и беззащитным, и беспомощным, по сути, в одни и тех же ситуациях, что мы конкретно видим на примере возрастной беспомощности (беззащитности). Тогда в чём же разница?

Более глубокий анализ представленной судебной практики, в совокупности со всем массивом судебных актов, в которых суд ссылается на п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России, позволяет сделать следующие предположения, которые, как допускает автор, тоже не лишены недостатков и могут быть подвергнуты критике ученого сообщества.

Так, одним из обязательных условий квалификации преступления со ссылкой на беспомощное состояние является осознание виновным такого состояния потерпевшего и его использование.

Пример: «Действия Коробенкова А.С. по совершению с ФИОЗ полового акта суд квалифицирует по ч. 1 ст. 131 УК РФ как изнасилование, то есть половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

При совершении полового акта с ФИОЗ Коробенков А.С. понимал, что ФИОЗ находится в бессознательном состоянии вследствие нанесенных ей многочисленных ударов по голове, не может оказать ему сопротивление, то есть находится в беспомощном состоянии, и использовал беспомощное состояние потерпевшей для совершения преступления» [11].

Интересно, что в проанализированных 100 приговорах, в которых потерпевший конкретно охарактеризован как беззащитный, в 91% случаев суд ничего не написал об осознании виновным состояния потерпевшего и его использования в целях совершения преступления.

Возникает предположение, что для уголовно-правовой квалификации со ссылкой на беззащитное состояние потерпевшего не имеет значения осознание виновным нахождения потерпевшего в таком состоянии. Важен только сам факт наличия беззащитности.

Несложно представить следующую ситуацию: виновный увидел сидящего в кафе за столиком человека и принял решение украсть его сумку. После осуществления грабежа оказалось, что потерпевший находился в таком состоянии, что не мог осуществить активных действий по защите своего имущества, например, погнаться за виновным, так как являлся инвалидом-колясочником с полиартритом пальцев рук, о чём виновный не знал.

Квалификация преступления со ссылкой на беспомощное состояние потерпевшего в такой ситуации невозможна. Но почему суд должен быть лишён возможности увеличить наказание для виновного в связи с состоянием потерпевшего? Видится, что с помощью указания на совершение преступления в отношении беззащитного лица, законодатель счёл возможным сохранить для суда такой механизм.

Допуская справедливость сделанного предположения, становится очевидным, что оценочные понятия «беззащитное состояние» и «беспомощное состояние» характеризуют одинаковые ситуации «уязвимого» состояния потерпевшего. Однако в тех случаях, когда беспомощность исключается в виду незнания виновного о состоянии потерпевшего, суд может отягчить наказание, сославшись на беззащитность последнего.

Приведённое предположение хоть и имеет право на существование, но входит в прямое противоречие со статьями 5 и 25 УК России и неоднократно высказанной позицией Верховного Суда России о необходимости судить по направленности умысла (субъективное вменение).

Другая теория отличия беззащитности от беспомощности, с учётом проанализированных приговоров, связана с тождественностью признаков беспомощности и беззащитности (факт нахождения потерпевшего в беззащитном состоянии, обязательно до начала реализации объективной стороны преступления, при том что виновный осознаёт такое состояние потерпевшего), но разной степенью неравенства потерпев-

ших. А именно речь идёт о ситуациях, когда суд усматривает юридически значимое неравенство потерпевшего по отношению к виновному, но явно недостаточное, чтоб признать потерпевшего находящимся в состоянии уголовно-правовой беспомощности (которое необходимо подробно обосновывать). Напомним, что в 79 приговорах из 100 суд не обосновывал беззащитность ничем, кроме возраста потерпевшего, а ещё в 10 случаях суд признал потерпевшего беззащитным в связи с престарелым возрастом, осложнённым лёгкой болезнью или III (рабочей) группой инвалидности.

Пример: *«Кроме того, исходя из того обстоятельства, что преступление подсудимым совершено в отношении потерпевшей ФИО4 ДД.ММ. ГГГГ года рождения, то есть в отношении лица, которое является беззащитным, суд, на основании ст. 63 ч. 1 п. «з» УК РФ, признает в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в отношении другого беззащитного лица»* [12].

Пункты 5 и 6 постановления Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1, п. 23 постановления Пленума Верховного Суда России от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» чётко разъясняют судам в каких случаях преступление необходимо квалифицировать со ссылкой на беспомощное состояние потерпевшего. С одной стороны, это направлено на обеспечение большей конкретики, а следовательно и справедливости судебного приговора, а с другой – это существенно сужает возможности судейского усмотрения в каждом конкретном деле. Например, исходя из результатов проведённого автором опроса среди федеральных судей и работников Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве (всего опрошено 150 респондентов) на вопрос о толковании Пленумом Верховного Суда России уголовно-правовой конструкции «состояние беспомощности потерпевшего» 84% респондентов ответили, что разъяснение содержания исследуемого понятия является ограничительным, при котором содержанию уголовного закона придается более узкий смысл, чем это охватывается его буквальным текстом.

В сравнении с обозначенной позицией высшей судебной инстанции, для оценочного признака «беззащитное состояние», а точнее для возможностей суда сослаться на данный оценочный признак в каждом конкретном деле никаких ограничений не установлено.

Возникает вопрос: значит ли вышеуказанное, что суд, например, не желая утруждать себя в приговоре сложной мотивировкой причин нахождения

потерпевшего в беспомощном состоянии, просто сошлётся на его беззащитность? Нет. Как уже было указано, отличие беспомощного от беззащитного состояния может быть обосновано разной степенью неравенства потерпевших.

Такую точку зрения поддерживают некоторые представители ученого сообщества. Например, внимания заслуживает позиция Б.В. Сидорова, который писал, что если «собственно беспомощные» жертвы беззащитны потому, что не способны в силу своего физического или психического состояния понимать характер и значение совершаемых с ними действий или не способны оказывать посягающему противодействие, то «собственно беззащитные» жертвы, как правило, не лишены полностью этих способностей» [13, с. 206].

Развивает эту мысль А.А. Байбарин, по мнению которого беспомощное состояние характеризуется неспособностью осознать факт нападения и оказать сопротивление нападающему, тогда как при беззащитности потерпевший способен оказать сопротивление, однако заведомо недостаточное для отражения посягательства [14, с. 24].

В качестве примера можно привести реальное преступление, когда виновный осознал определенное физическое состояние потерпевшего и использовал его для совершения преступления.

Пример: *«Так, в ходе производства по уголовному делу № 1–39/2012 Акшинского районного суда Забайкальского края прокурор переквалифицировал деяние с п. «б» ч. 2 ст. 111 на ч. 1 ст. 111 УК России в связи с тем, что было установлено: отсутствие у потерпевшего кистей рук не является основанием для признания его лицом, находившемся в беспомощном состоянии, поскольку он был способен защищать себя и оказывать активное сопротивление виновному»* [15].

Суд в данной ситуации не признавал потерпевшего беспомощным, так как последний, пусть и с большим трудом и вредом для здоровья, но сумел отбиться от нападавшего. Однако, исходя из предположения отличия беззащитности от беззащитности в связи с разной степенью неравенства потерпевших, именно в подобных ситуациях суд мог бы увеличить наказание виновного со ссылкой на п. «з» ч. 1 ст. 63 УК России, в связи с совершением преступления в отношении беззащитного лица. При этом ссылку на отягчающее обстоятельство могло быть сделано именно в рамках вмененной ч. 1 ст. 111 УК России, так как квалифицированный состав предполагает совершение преступления исключительно в отношении беспомощного лица.

Таким образом, примерами беззащитного состояния потерпевшего могут выступать все те случаи, когда имеет место значимое в уголовно-правовой ситуации неравенство: престарелый или несовершеннолетний возраст потерпевшего, болезнь, сложившаяся к моменту совершения преступления ситуация, если неравенство недостаточно для того, чтоб признать потерпевшего находящимся в состоянии беспомощности.

Литература

1. Приговор Норильского городского суда Красноярского края от 12 февраля 2020 г. по делу № 1–52/2020 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/P8u3tilJxLLT/?page=3®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_id=1602311577698®ular-judge=&snippet_pos=1904#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
2. Балашов С.М. Уголовно-правовая конструкция «беспомощное состояние потерпевшего» и уголовно-правовая беззащитность // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 4 (119). – С. 256–258.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
5. Приговор Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 19 июня 2019 г. по делу № 1–149/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/vK9i0pu47jxC/?page=11®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_id=1602319441146®ular-judge=&snippet_pos=2606#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
6. Приговор Джанкойского районного суда Республики Крым от 13 февраля 2020 г. по делу № 1–43/2020 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/uBpOSW4il9YC/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_id=1602309993393®ular-judge=&snippet_pos=2200#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
7. Приговор Сафакулевского районного суда Курганской области от 12 июля 2019 г. по делу № 1–34/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/Xk7RjasYpbVL/?page=10®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_id=1602319077908®ular-judge=&snippet_pos=268#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
8. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2007 г. по делу № 2–3/07 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/vsrf/doc/3QQ6YruX6RJq/?page=2&vsrf-judge=&vsrf-case_doc=&vsrf-txt=беззащитное+состояние&vsrf-date_from=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_to=&_id=1603016684607&snippet_pos=5868#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
9. Камалова Ю.Ф. Некоторые аспекты профилактики убийств, сопряженных с изнасилованием // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – С. 218–223.
10. Приговор Печорского городского суда Республики Коми от 28 января 2019 г. по делу № 1–10/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/kdT6XKKXH6R/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_id=1602309993393®ular-judge=&snippet_pos=11808#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
11. Приговор Калужского областного суда от 6 августа 2019 г. по делу № 2–10/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/SPnu1WsrAvgl/?regular-txt=о+сознавал+и+воспользовался+беспомощным+состоянием®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1602587090067&snippet_pos=11264#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
12. Приговор Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 10 июля 2019 г. по делу № 1–385/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из системы «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/mMWpeEqoqUZt/?page=10®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_id=1602319077908®ular-judge=&snippet_pos=6160#snippet> (дата последнего обращения: 01.10.2020).
13. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность /

Б.В. Сидоров. – Елабуга: АБАК-ЮЛДАШ, 1998.– 336 с.

14. Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Байбарин. – Краснодар, 2009.– 27 с.
15. Приговор Акшинского районного суда Забайкальского края от 27.04.2012 № 1–39/2012 [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «РосПравосудие» <<https://rospravosudie.com/court-akshinskij-rajonnyj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-104782973/>> (дата последнего обращения: 01.10.2020).

ASSESSMENT OF THE STATE OF CRIMINAL LAW VULNERABILITY IN JUDICIAL PRACTICE

Balashov S.M.

All-Russian State University of Justice (ARSUJ)

The author considers some examples of the evaluative concept of “defenseless state of the victim” (paragraph “z” of part 1 of article 65 of the criminal code of Russia) on the basis of modern judicial practice. We have studied 100 court sentences in which the victim is specifically described as defenseless issued from the beginning of 2015 to April 2020. Theories are expressed about the essence of the defenseless state, in its relationship with the helpless state of the victim. The author suggests that examples of the victim’s defenseless state can be all those cases where there is a significant inequality in the criminal-legal situation: the elderly or underage age of the victim, illness, the situation that has developed at the time of the crime, if the inequality is not enough to recognize the victim as being in a state of helplessness.

Keywords: A state of helplessness; a state of defenselessness; right; Supreme Court; arbitration practice.

References

1. Verdict of the Norilsk City Court of the Krasnoyarsk Territory dated February 12, 2020 in case No. 1–52 / 2020 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/regular/doc/P8u3tilJxLLT/?page=3®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_pos=1904#snippet> (last accessed 10/01/2020).
2. Balashov S.M. Criminal-legal construction “helpless state of the victim” and criminal-legal defenselessness // Eurasian legal journal.– 2018. – No. 4 (119). – S. 256–258.
3. Ozhegov S.I. and Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov.– 4th ed., Supplement. – М.: ООО “ITI Technologies”, 2008.– 944 p.
4. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: 70,000 words / Ed.N. Yu. Shvedova.– 23rd ed., Rev. – М.: Rus. yaz., 1990.– 917 p.
5. The verdict of the Ruzaevsky District Court of the Republic of Mordovia dated June 19, 2019 in case No. 1–149 / 2019 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/regular/doc/vK9i0pu47jxC/?page=11®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_pos=2606#snippet> (last accessed 10/01/2020).
6. Verdict of the Dzhankoy District Court of the Republic of Crimea dated February 13, 2020 in case No. 1–43 / 2020 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/regular/doc/uBpOSW4il9YC/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_pos=2200#snippet> (date of last access: 10/01/2020).
7. Sentence of the Safakulevsky District Court of the Kurgan Region of July 12, 2019 in case No. 1–34 / 2019 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/regular/doc/Xk7RjasYpbVL/?page=10®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_pos=268#snippet> (date of last access: 01/10/2020).
8. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of December 13, 2007 in case No. 2–3 / 07 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/vsrf/doc/3QQ6Yux6RJq/?Page=2&vsrf-judge=&vsrf-case_doc=&vsrf-txt=defenseless+state&vsrf-date_from=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_to=#accessed&_pos=1603016684607&snippet_etpos=5868> (date).
9. Kamalova Yu.F. Some aspects of the prevention of murders associated with rape // Leningrad legal journal.– 2009. – S. 218–223.
10. The verdict of the Pechora City Court of the Komi Republic dated January 28, 2019 in case No. 1–10 / 2019 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/regular/doc/kdTw6XKKXH6R/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_pos=1602309993393®ular-judge=&snippet_pos=11808#snippet> (last accessed 10/01/2020).
11. The verdict of the Kaluga Regional Court of August 6, 2019 in case No. 2–10 / 2019 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/regular/doc/SPnu1WsrAvgl/?regular-txt=осознавал+и+воспользовался+беспомощным+состоянием®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_pos=1602587090067&snippet_pos=11264#snippet> (last accessed 10/01/2020).
12. Verdict of the Primorsky District Court of St. Petersburg dated July 10, 2019 in case No. 1–385 / 2019 [Electronic resource] // Access from the system “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation” <https://sudact.ru/regular/doc/mMWpeEqoqUZt/?page=10®ular-court=®ular-date_from=01.01.2019®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=10.10.2020®ular-area=®ular-txt=беззащитное+состояние&_pos=6160#snippet> (date of last access: 01/10/2020).
13. Sidorov B.V. Behavior of victims of crime and criminal responsibility / B.V. Sidorov. – Elabuga: АБАК-ЮЛДАШ, 1998.– 336 p.
14. Baybarin A.A. Criminal-legal differentiation of age: author. dis. ... Cand. jurid. Sciences / A.A. Baybarin. – Krasnodar, 2009.– 27 p.
15. The verdict of the Akshinsky District Court of the Trans-Baikal Territory dated April 27, 2012 No. 1–39 / 2012 [Electronic resource] // Access from the reference legal system “RosPravosudie” <<https://rospravosudie.com/court-akshinskij-rajonnyj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-104782973/>> (date of last access: 01.10.2020).

К вопросу об отстранении лиц от наследования

Стражевич Юлия Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Института государства и права Бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет»
E-mail: nushaaa@mail.ru

Никонова Наталия Петровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института государства и права Бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет»
E-mail: NNP33@mail.ru

Предмет исследования данной работы составили позиции ряда авторов о правовой природе возможности лишения наследника права наследовать и анализ, закреплённых в российском законодательстве условий лишения права наследования и критерии достойности или недостойности наследника.

Целью исследования является теоретический анализ законодательных норм, практики судов общих юрисдикции, реализующих законодательные указания в конкретных ситуациях. Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы и системный подход.

В работе рассмотрена правовая природа возможности лишения наследника права наследовать с различных научных позиций. Проанализированы доктринальные взгляды и основания с целью отнесения наследников по видам правонарушений, которые являются основанием для их недостойности в определённые группы. На основе нормативно-правовых актов, мнений исследователей, судебной практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов анализируются вопросы применения на практике оснований и процедура лишения наследства по критерию достойности или недостойности наследника. Авторы предполагают, что наследодатель может вернуть недостойному наследнику право наследовать путем составления завещания и эти особенности должны быть применимы к наследникам, являющимся недостойными по любым основаниям. Свобода завещания как часть конституционного права, гарантирующего наследования частной собственности, будет полностью реализована.

Ключевые слова: наследование, недостойные наследники, лишение наследства, завещание.

Законодатель рассматривает наследование не только как право наследодателя распорядиться своим имуществом на случай смерти, но и как право наследников на его получение [1].

Лицо, которое призвано к наследованию, может быть лишено права наследовать с помощью института недостойных наследников и тем самым отстранено от наследования. При этом критерии недостойности определяются законодателем (ст. 1117 ГК РФ).

Нужно отметить, что сам наследодатель также вправе лишить возможности наследовать, т.е. отстранить от наследования тех лиц, которых он считает недостойными, используя свое право на составление завещания (ст. 1119 ГК РФ).

В научной литературе правовая природа возможности лишения наследника права наследовать рассматривается с разных позиций.

Ряд авторов сходятся в том, что «лишение права наследования представляет собой меру гражданско-правовой ответственности» и «выражается в лишении субъективного права» [2, стр. 34]. Л.Е. Чичерова, пишет, что основанием для применения ответственности в виде лишения права наследовать является неисполнение семейных обязанностей [3, стр. 10].

Другие исследователи акцент делают на том, что лишение наследства – это санкция, применяемая к лицу за неправомерное поведение, т.е. лицо претерпевает неблагоприятные последствия своего поведения, лишаясь права наследования [4, стр. 410], [5, стр. 34].

Также имеется позиция, согласно которой лишение права наследования является мерой самостоятельной наследственно-правовой ответственности, поскольку в качестве отличительных признаков наследственно-правовой ответственности предполагается возможность ее наступления, которые не являются правонарушениями, поведение лица при этом может быть виновным или невиновным, и может, как повлечь так и не повлечь убытки для наследодателя [6, стр. 201].

Анализируя все указанные позиции, Е.А. Ходырева, приходит к выводу о том, что лишение права наследования является мерой гражданско-правовой ответственности [7, стр. 29]. Свою позицию она выстраивает на тезисе, что «если в результате применения санкции у правонарушителя возникает дополнительная имущественная обязанность, то такая санкция является мерой ответственности» [8, стр. 36]. Следовательно, по мнению Е.А. Ходыревой, если в обычных условиях гражданского оборота лицо в результате призвания его к наследованию наделялось бы правом наследования и тем самым получило бы определен-

ные имущественные выгоды то совершение противоправного действия лишает его такой возможности и обязывает претерпевать неблагоприятные последствия своего поведения. При этом для применения санкции в виде лишения наследства достаточным является условие о противоправности поведения, а факт наличия вреда (убытков) и причинная связь не обязательны.

Если сравнить два основания, по которым лицо может быть лишено наследства: в силу закона и в силу завещательного распоряжения, то можно увидеть, что они имеют различия. Во-первых, они различны по основаниям, в силу которых лиц можно отстранить от наследования, поскольку преследуют разные цели, а во-вторых, они различаются кругом лиц, которых можно лишить права наследовать.

Все исследователи при анализе положений ст. 1117 ГК РФ сходятся в том, что бесспорным основанием для права наследовать является совершение лицом правонарушения. При этом есть сторонники того, что установление круга правонарушений связано с желанием законодателя следовать принципу справедливости и не допускать до наследования тех, кто, по его мнению, этого не достоин [9, стр. 10]. Другие авторы считают, что «лишение недостойных наследников права наследовать обычно в первую очередь связывается с предполагаемой волей наследодателя. Если бы у наследодателя было время, он бы изменил завещание так, чтобы его убийца не имел права после него наследовать» [10, стр. 34]. О.Е. Останина объединяя обе концепции, указывает, что в основе ст. 1117 ГК РФ лежат защита предполагаемого намерения наследодателя и запрет извлекать выгоды из недобросовестного и незаконного поведения [10, стр. 36]

Всех недостойных наследников, указанных в ст. 1117 ГК РФ авторы делят на три группы:

1) лица, которые совершили умышленные и противоправные действия против наследодателя, других наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании (абз. 1 п. 1 ст. 1117);

2) родители, которые были лишены родительских прав и после в них не восстановлены (абз. 2 п. 1 ст. 1117);

3) лица, которые злостно уклонялись от выполнения возложенных на них законом обязанностей по содержанию наследодателя (п. 2 ст. 1117) [11, стр. 47].

Если же поделить наследников по видам правонарушений, которые являются основанием для их недостойности, то мы получим следующее.

В первую группу войдут преступления, совершенные против наследодателя, его воли в отношении наследства или преступления против других наследников. При этом факт совершения преступления должен быть подтвержден приговором суда.

Преступления, в результате совершения которых лицом лишает себя возможности оставаться наследником, также можно классифицировать.

Первая большая группа – это преступления, напрямую связанные с наследственными отношениями.

Во-первых, это преступления, в результате которых открывается наследство, т.е. те, что привели к смерти наследодателя. Сюда будет относиться убийство, доведение до самоубийства и все преступления, в результате которых происходит смерть наследодателя (например, воспрепятствование оказанию медицинской помощи, повлекшее смерть (ст. 124.1 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть (ст. 111 УК РФ) и др.).

Во-вторых, это преступления, в результате которых увеличивается наследственная доля лица, призываемого к наследованию, т.е. аналогично, как и с наследодателем, это все те преступления, в результате которых происходит смерть, в данном случае одного из потенциальных наследников.

В-третьих, это преступления, результатом совершения которых лицо преследовало такое намерение, как скрыть последнюю волю наследодателя. Сюда можно отнести хищение завещания.

Все три группы объединяет то, что деяние должно быть совершено умышленно и при этом покушение на указанные преступления также лишает лицо право наследовать, как и оконченное преступление. В п. 19 Постановления Пленум ВС РФ от 29.05.2012 № 9 отмечается также, что мотив и цель совершения действий не имеет значение, т.е. даже если лицо совершает убийство наследодателя не ради наследства, а, например, из-за ревности, то это все равно говорит о его недостойности как наследника и лишает возможности наследовать.

Во вторую группу преступлений, совершение которых исключает лицо из круга лиц, имеющих право наследовать, можно включить те, которые на прямую не связаны с наследственными отношениями, однако влияют на них постфактум.

Обе подгруппы преступлений объединяет также то, что они лишают права наследования за неисполнение наследником семейных обязанностей в отношении наследодателя.

Во-первых, это те преступления, которые привели к лишению лица родительских прав в отношении наследодателя. Статья 69 СК РФ в качестве оснований лишения родительских прав называет ряд действий, и за каждое из них лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности (ст. 156, ст. 150, ст. 157 УК РФ, а также статьи из главы 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» и главы 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности»), что стало следствием принятия решения о лишении его родительских прав.

То есть совершение преступления в данной ситуации является не причиной лишения наследства, а причиной для ограничения правовой связи наследника и наследодателя в период несовершеннолетия последнего, и как следствие, если правовая связь не была восстановлена, то для

отстранения от наследования. Заметим, что доказательством недостойности будет решение суда о лишении родительских прав без выяснения причин, по которым оно вынесено, т.е. совершение преступления как основание недостойности в такой ситуации нивелируется, заменяясь другим основанием.

Во-вторых, это преступление, лишаящее наследодателя гарантированного содержания от наследника: ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». Совершение данного преступления делает наследника лицом, злостно уклонявшимся от выполнения возложенных на них законом обязанностей по содержанию наследодателя.

Однако в отличие от совершения преступления, которое стало основанием для лишения лица родительских прав и как следствием отстранения от наследования, приговор суда об осуждении лица по ст. 157 УК РФ не является сам по себе достаточным основанием для признания лица недостойным наследником.

Как следует из п. 20 Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 требование об отстранении от наследования по закону на том основании, что оно злостно уклонялось от выполнения возложенных на них законом обязанностей по содержанию наследодателя должно быть рассмотрено судом и только суд может принять окончательное решение, лишать или нет лицо право наследовать. При этом злостный характер уклонения в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств.

Однако тут же Пленум ВС РФ указывает, что факта злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя может быть подтвержден приговором суда об осуждении за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

Данные разъяснения Пленума ВС РФ, на наш взгляд, не достаточны. Если Пленум ВС РФ разрешает не отстранять лицо от наследования даже при его осуждении по ст. 157 УК РФ, то он должен был пояснить, при каких условиях это возможно (например, исходя из того была ли задолженность по алиментам в последствии выплачена и др.).

В то же время само наличие решения о том, что наследник был лишен родительских прав, лишает его и наследственных, которые могут возникнуть спустя длительное время.

Поэтому, исходя из принципа справедливости, следует лишать наследства тех лиц, что были осуждены по ст. 157 УК РФ основываясь на имеющемся приговоре суда, а не на решении суда об их отстранении от наследования. В такой ситуации для нотариуса, оформляющего наследственные права, наличие приговора должно является достаточным, чтобы принять решение об отстранении наследника, дополнительное же решение суда об отстранении – излишне.

Вторая группа правонарушений, совершение которых лишает лицо возможности наследовать,

объединяет все противоправные деяния, не являющиеся преступлениями.

Это также как и рассмотренные выше преступления, деяния, напрямую связанные с наследственными отношениями и те, что напрямую не связаны, но оказывают на них влияние. В любом случае наличие такого деяния должна быть подтверждена решением суда.

Правонарушения, напрямую влияющие на наследственные правоотношения – это противоправные действия, направленные против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании. Пленум ВС РФ указывает, что они могут заключаться, например, в подделке завещания, его уничтожении или хищении, понуждении наследодателя к составлению или отмене завещания, понуждении наследников к отказу от наследства, что подтверждается решением суда по гражданскому делу (например, о признании недействительным завещания, совершенного под влиянием насилия или угрозы).

Действия наследника, которые он совершил в прошлом без привязки к наследованию и лишаящие его наследства, это:

- совершение родителем противоправных действий, не являющихся преступными, в отношении наследователя, когда тот был ребенком, что привело к лишению потенциального наследника к лишению родительски прав;
- злостное уклонение наследника от выполнения алиментных обязательств в отношении наследодателя как члена семьи, если данная обязанность предусмотрена СК РФ и установлена решением суда о взыскании алиментов. При этом в п. 20 Постановления от 29.05.2012 № 9 Пленум ВС РФ на основе СК РФ определяет алиментнообязанных лиц: родители и дети, супруги, братья и сестры, дедушки(бабушки) и внуки, пасынки (падчерицы) и отчим (мачеха), а также подчеркивает, что решение суда о взыскании алиментов не требуется, если речь идет о предоставлении содержания родителями своим несовершеннолетним детям.

Пленум ВС РФ в указанном постановлении сделал попытку разделить все основания для признания лица недостойным наследником с точки зрения процедуры на две группы.

В первую группу вошли те основания, которые уже подтверждены судебными актами, которые были приняты при рассмотрении других дел: «вынесение решения суда о признании наследника недостойным в соответствии с абзацами первым и вторым п. 1 ст. 1117 ГК РФ не требуется. В указанных в данном пункте случаях гражданин исключается из состава наследников нотариусом, в производстве которого находится наследственное дело, при предоставлении ему соответствующего приговора или решения суда».

Однако, как показывает анализ судебной практики, данное разъяснение Пленума ВС РФ на практике не всегда реализуется. Нотариусы отказываются брать на себя ответственность по от-

странению наследников, кроме случаев, когда приговоров суда подтверждена вина отстраняемого наследника в убийстве наследодателя или наследника. Заинтересованным лицам приходится обращаться в суд исками о признании недостойным наследником и лишении права наследования, даже если имеется приговор или решение суда о его противоправном поведении [12].

Кроме того, поскольку п. 1 ст. 1117 ГК РФ сформулирован не четко, без указания на конкретные действия, то граждане толкуют его расширительно и обращаются в суд о лишении права наследовать, считая, что самые различные действия наследника свидетельствуют о его недостойности. В качестве примера можно привести следующие основания обращения в суд: склонение наследодателя к употреблению алкоголя [13]; фальсификация прописки [14]; побои, нанесенные другому наследнику в процессе раздела наследства [15]; утаивание сведений о составе и размере имущества, входящего в состав наследства от других наследников [16]; признание мнимой сделкой отчуждение наследником наследственного имущества [17]; осуществление захвата денежных средств наследодателя после его смерти [18] и др.

Во вторую группу вошло только одно основание, требующее судебного подтверждения уже после смерти наследодателя именно с целью отстранить недостойных лиц от наследования – злостное уклонение от выполнения возложенных на наследника законом обязанностей по содержанию наследодателя. В данной ситуации лицо, заинтересованное в признании к наследованию или в увеличении причитающейся ему доли наследства должно подать иск об отстранении от наследования и представить суду доказательства недостойности отстраняемого наследника.

В целом такой подход Пленума ВС РФ правильный, поскольку п. 3 ст. 1117 ГК РФ сформулирован как «по требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя», т.е. подчеркивается, что именно через суд должно происходить отстранение. К тому же само наличие задолженности по алиментам может и не свидетельствовать о том, что наследник злостно уклонялся от содержания наследодателя, все будет зависеть от суммы задолженности, периода ее образования, причин, по которым она образовалась. В то же время, мы все придерживаемся мнения высказанного выше, что если имеется приговор суда в отношении наследника по ст. 157 УК РФ, потерпевшим по которому является наследодатель, то нет необходимости еще раз обращаться в суд с требованием об отстранении от наследования осужденного лица, наличие приговора должно являться достаточным обстоятельством, чтобы нотариус исключил это лицо из состава наследников.

Если обратиться к основаниям лишения наследства по завещательному распоряжению,

то ст. 1119 ГК РФ закрепляет, что завещатель в праве по своему усмотрению лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения. То есть при отстранении от наследования путем составления завещания не требуется подтверждение противоправности поведения лица, которое наследодатель лишает наследства. В поведении лиц, лишенного наследства, могут вообще отсутствовать признаки такого поведения, которое бы осуждалось обществом и являлось основанием для отстранения от наследства по закону. В данной ситуации лишение наследства может не выступать санкцией за плохое поведение, это может быть расчет, который наследодатель проявляет в отношении своей собственности, решая, как лучшим образом ему ею распорядиться на случай своей смерти.

В Методических рекомендациях по удостоверению завещаний, принятию нотариусом закрытого завещания, вскрытию и оглашению закрытого завещания (утв. Решением Правления ФНП от 01–02.07.2004, Протокол № 04/04) указывается, что содержание завещания может исчерпываться указанием о лишении наследства одного, нескольких или всех наследников по закону.

Кроме того, в указанных рекомендациях разъясняется, что наследодатель может лишить наследства двумя способами. Первый – это путем специального распоряжения об этом в завещании в виду формулировки «лишаю наследства». Если наследодатель сделал такое распоряжение, то лишенный наследства наследник и его наследники по праву представления (п. 2 ст. 1146 ГК РФ) не будут призываться к наследованию и в отношении того имущества, которое в завещании не указано, т.е. осталось не завещанным.

Второй способ лишения наследства – это распределения завещателем всего своего имущества между другими наследниками таким образом, что на долю указанного наследника по закону не будет ничего причитаться, т.е. наследник по закону не будет упомянут в завещании. Однако за ним сохраняется право наследовать то имущество, которое не было упомянуто в завещании, а также, если наследники по завещанию не примут наследство или откажутся от него, или не будут иметь права наследовать, или будут отстранены как недостойные.

Итак, основания лишения наследства, если это делает закон и сам наследодатель – разные, поскольку цели, которые достигается при этом, также различны.

Наследодатель, лишая наследства, может исходить как из личной обиды на наследника, связанной с его поведением, так и из соображений целесообразности в отношении наилучшего распоряжения судьбой наследства. Законодатель, определяя основания недостойности, руководствуется общепринятыми канонами справедливости и предполагаемой волей наследодателя.

Учитывая разницу в причинах, по которым наследник может быть лишен наследства, закон

по-разному определяет круг лиц, которых может лишиться наследства завещатель и сам закон.

В ст. 1119 ГК РФ, закрепляющей право завещателя лишить наследства своих наследников по закону, подчеркивается, что свобода завещания ограничивается правилами об обязательной доле в наследстве, т.е. наследодатель лишен возможности в полном объеме лишить наследства тех лиц, кто имеет право на обязательную долю.

Тогда как п. 4 ст. 1117 ГК РФ закрепляет, что «правила настоящей статьи распространяются на наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве», т.е. недостойными, в силу совершения противоправных деяний, могут быть признаны и обязательные наследники.

Такой подход подчеркивает, что в основу недостойности наследников положены порицаемые обществом действия, присвоении которых было бы неправильно разрешать лицу получать в порядке правопреемства наследство. Тогда как завещание, являясь волей лица, может не учитывать ту социально значимую роль наследования, которую оно призвано играть в общественной жизни. Таким образом, не смотря на поощрение собственника проявить самостоятельность в распоряжении судьбой своих активов, ему напоминают, что его решение должно быть взвешенным и не должно ущемлять интересы тех, кто при его жизни имеет право получать от него содержание.

В то же время необходимо отметить, что положения ст. 1117 ГК РФ в том виде, как они сформулированы сегодня, входят в противоречия со свободой завещания, а именно с правом завещать свое имущество любым лицам (ст. 1119, ст. 1121 ГК РФ). Это связано с тем, что имеющееся в ст. 1117 ГК РФ положение «Однако граждане, которым наследодатель после утраты ими права наследования завещал имущество, вправе наследовать это имущество» содержится в абз. 1 п. 1 данной статьи и, следовательно, имеет отношение только к тем недостойным наследникам, кто указан в абз. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ. То есть при буквальном толковании данной статьи получается, что нельзя восстановить с помощью завещания право наследовать родителям, лишенным родительских прав в отношении наследодателя, а также тем лицам, кто когда-то отказывал наследодателю в предоставлении содержания. Учитывая, что все эти факты возможны только в тот период, когда наследодатель был несовершеннолетним, а наследование происходит чаще всего после того, как пройдет длительный период времени, то между наследодателем и наследником могут выстроиться новые отношения. Поэтому считаем, что положение о том, что наследодатель может вернуть недостойному наследнику право наследовать путем составления завещания должны быть применимы к наследникам, являющимся недостойными по любым основаниям. Только при таком подходе свобода завещания как часть конституционного права, гарантирующего наследования частной собственности, будет полностью реализована.

Завершая рассмотрение вопроса о недостойных наследниках, хотелось бы присоединиться к мнению тех исследователей, кто считает, что законодатель или Пленум ВС РФ должен более детально раскрыть понятие недостойных наследников исходя из имеющегося описания в абз. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ, чтобы правоприменитель мог ясно понять, кто может быть отнесен к таковым, а кто нет. В частности, речь идет о том, должно ли признаваться недостойным наследником лицо, которое совершает убийство в результате аффективного состояния, вызванного насилием, издевательством или другими аморальными или противоправными действиями со стороны наследодателя (ст. 106 УК РФ), а также можно ли считать недостойным наследника, совершившего убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК) [10, стр.21]. Считаем, что отстранение по формальному критерию – убийство, в данных ситуациях не применимо. Поскольку со стороны наследодателя также имелось противоправное поведение, которое и способствовало совершению преступления, поэтому руководствуясь общим положением гражданского права, согласно которому необходимо учитывать вину потерпевшей стороны (ст. 1083 ГК РФ). Исходя из этого, считаем, что в таких ситуациях лицо не должно отстраняться от наследования, однако его наследственная доля должна быть уменьшена до размера обязательной доли, т.е. составлять $\frac{1}{2}$ от той, что причиталась бы ему, если бы наследодатель умер не по его вине.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.1996 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.Б. Наумова» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 4. Ст. 408.
2. Кархалев Д.Н. Способы защиты наследственных прав // *Наследственное право*. 2013. № 2.
3. Чичерова Л.Е. Лишение права наследования как мера ответственности за неисполнение семейных обязанностей // *Наследственное право*. 2006. № 2.
4. Огнев В.Н. Институт недостойных наследников в российском наследственном праве: фрагменты истории и современное состояние // *Гражданское право*. 2006. № 4.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: Учебно-практический комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, В.В. Грачев и др.; под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2011.
6. Частное право: проблемы теории и практики / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016.
7. Ходырева Е.А. Правовая природа лишения права наследования // *Нотариус*. 2016., № 7.

8. Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 4.
9. Яценко Т.С. Объективный и субъективный критерий добросовестности участников наследственных правоотношений // Наследственное право. 2018. № 4.
10. Останина Е.А. Правило о недостойных наследниках: причины и пределы // Наследственное право. 2017. № 2.
11. Толстова И.А., Матвеев П.А. Недостойные наследники: законодательный опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Наследственное право. 2018. № 3.
12. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 18 ноября 2015 г. по делу № 33–17786/2015; Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 27 мая 2015 г. по делу № 33–1987/2015; Апелляционное определение Саратовского областного суда от 17 декабря 2014 г. по делу № 33–7114 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.05.2016 № 33–9124/2016 по делу № 2–8399/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 25.04.2016 по делу № 33–1379/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное определение Верховного суда Республики Тыва от 19.04.2016 по делу № 33–531/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.03.2016 по делу № 33–11066/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.11.2017 № 18-КГ17–202 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.06.2019 № 33–15398/2019 по делу № 2–451/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

TO THE QUESTION OF REMOVAL OF PERSONS FROM INHERITANCE

Strazhevich Yu.N., Nikonova N.P.

Institute of state and law Surgut State University

The subject of this study was the position of a number of authors on the legal nature of the possibility of depriving the heir of the right to inherit and the analysis of the conditions for deprivation of the right of inheritance enshrined in Russian legislation and the criteria for the dignity or unworthiness of the heir.

The aim of the study is a theoretical analysis of legislative norms, the practice of courts of general jurisdiction, implementing legislative instructions in specific situations.

The research methodology includes comparative, formal-legal, analytical methods and systematic approach.

The paper examines the legal nature of the possibility of depriving the heir of the right to inherit from various scientific positions. Analyzed doctrinal views and grounds for the purpose of attributing heirs by types of offenses, which are the basis for their unworthiness in

certain groups. On the basis of regulatory legal acts, opinions of researchers, judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and lower courts, the author analyzes the application of grounds and the procedure for deprivation of inheritance based on the criterion of worthiness or unworthiness of the heir. On the basis of regulatory legal acts, opinions of researchers, judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and lower courts, the author analyzes the application of grounds and the procedure for deprivation of inheritance based on the criterion of worthiness or unworthiness of the heir. The authors suggest that the testator can return the right to inherit to the unworthy heir by drawing up a will, and these features should be applicable to heirs who are unworthy on any grounds. Freedom of will as part of the constitutional law guaranteeing the inheritance of private property will be fully realized.

Keywords: inheritance, unworthy heirs, deprivation of inheritance, will.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.16.1996 No. 1-P "In the case of checking the constitutionality of parts one and two of Article 560 of the Civil Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen A.B. Naumov" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 4. Art. 408.
2. Karkhalev D.N. Ways to protect inheritance rights // Inheritance law. 2013. No. 2.
3. Chicherova L.E. Deprivation of the right of inheritance as a measure of responsibility for non-fulfillment of family obligations // Inheritance law. 2006. No. 2.
4. Ognev V.N. The institution of unworthy heirs in Russian inheritance law: fragments of history and the current state // Civil law. 2006. No. 4.
5. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part three: Educational and practical commentary (article by article) / E.N. Abramova, N.N. Averchenko, V.V. Grachev and others; ed. A.P. Sergeeva. Moscow: Prospect, 2011.
6. Private law: problems of theory and practice / A. Yu. Besspalov, Yu.F. Besspalov, D.V. Gordeyuk and others; otv. ed. Yu.F. Besspalov. M.: Prospect, 2016.
7. Khodyreva E.A. The legal nature of deprivation of the right of inheritance // Notary. 2016. No. 7.
8. Kuznetsova O.A. Application of measures of civil liability // Bulletin of Perm University. Series: Legal Sciences. 2012. No. 4.
9. Yatsenko T.S. Objective and subjective criterion of conscientiousness of participants in hereditary legal relations // Inheritance law. 2018. No. 4.
10. Ostanina E.A. The rule about unworthy heirs: reasons and limits // Inheritance law. 2017. No. 2.
11. Tolstova I.A., Matveev P.A. Unworthy heirs: legislative experience of the Russian Federation and foreign countries // Inheritance law. 2018. No. 3.
12. Appeal ruling of the Rostov Regional Court dated November 18, 2015 in case No. 33–17786 / 2015; Appeal ruling of the Supreme Court of the Chuvash Republic dated May 27, 2015 in case No. 33–1987 / 2015; Appeal ruling of the Saratov Regional Court of December 17, 2014 in case No. 33–7114 // ATP "ConsultantPlus".
13. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court dated 05/10/2016 No. 33–9124 / 2016 in case No. 2–8399 / 2015 // ATP "ConsultantPlus".
14. Appeal ruling of the Tambov Regional Court of 25.04.2016 in case No. 33–1379 / 2016 // ATP "ConsultantPlus".
15. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Tyva dated 04.19.2016 in case No. 33–531 / 2016 // SPS "ConsultantPlus".
16. Appeal ruling of the Moscow City Court of 03/30/2016 in case No. 33–11066 / 2016 // PCA "ConsultantPlus".
17. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 21, 2017 No. 18-KG17–202 // SPS "ConsultantPlus".
18. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court dated 06/27/2019 No. 33–15398 / 2019 in case No. 2–451 / 2019 // ATP ConsultantPlus.

К вопросу о процессуальном порядке рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с контрактной системой

Орлов Антон Денисович,

кафедра арбитражного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: orlovad1994@mail.ru

В работе проводится сравнительный анализ бывшего и действующего законодательства о контрактной системе в Российской Федерации. На примерах актов арбитражных судов определяются основные тенденции в правоприменительной практике по названной проблеме. Особое внимание в работе уделяется основным недочетам в нормативном регулировании разграничения полномочий судов и административных органов при рассмотрении ими дел, связанных с контрактной системой в сфере закупок товаров, работ и услуг в РФ. Автором предлагаются правотворческие новеллы, способные снизить общую нагрузку на арбитражные суды, а также упорядочить существующую практику рассмотрения дел, связанных с закупками. Автором предлагается частичная интеграция положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – Закон № 44-ФЗ) в Арбитражный процессуальный кодекс РФ [2]. Одним из основных тезисов работы является предложение о необходимости наделения арбитражных судов РФ правом приостановления закупок, наряду с Федеральной антимонопольной службой. Кроме того, предлагается установить особый срок исковой давности для данной категории дел, что позволит значительно оптимизировать работу судебных органов.

Ключевые слова: контрактная система, арбитражный процесс, реестр недобросовестных поставщиков, Закон № 44-ФЗ.

В настоящее время в нашем государстве установлен жесткий контроль за расходованием денежных средств бюджетной системы Российской Федерации. Абсолютно за все расходы государственных и муниципальных органов должны считываться ответственные лица. Согласно статье 28 Бюджетного кодекса РФ, все государственные и муниципальные расходы должны быть доступными для ознакомления всем желающим [3]. Контроль за соблюдением указанного положения обеспечивается в РФ рядом нормативно-правовых актов: Бюджетный кодекс, Налоговый кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, а также Закон № 44-ФЗ и Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ). Безусловно, контроль за использованием бюджетных средств является одной из важнейших задач государства, так как оборот денежных средств, осваиваемых посредством государственных закупок, не может не обращать на себя внимания. Так, по официальным данным, сумма контрактов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг, заключенных государственными и муниципальными органами в 2019 году, составила 8241,37 миллиарда рублей [4]. Для того, чтобы обезопасить такое огромное количество государственных средств, полученных, в том числе, от налогоплательщиков, необходимо устанавливать многоуровневый контроль за их тратой со стороны надзорных органов и самих граждан. Этой теме уделяется огромное внимание со стороны власти, доказательством этого служит Указ Президента РФ от 29.06.2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [5]. Инструментом же осуществления указанных мер является Закон № 44-ФЗ.

Однако его положения далеки от идеальных, показателем чего является огромное количество подзаконных нормативно-правовых актов, конкретизирующих его нормы, актов высших судов РФ, разъясняющих порядок его применения, а также постоянно принимающиеся изменения и дополнения (не реже двух раз в год, начиная с 2013 года). В конечном итоге, страдают судебные органы, вынужденные регулярно изменять свои позиции по аналогичным делам, должностные лица, чьи действия регламентируются нормами данного Федерального закона, которым все сложнее приобрести необходимые им товары, работы, услуг из-за сильнейшей бюрократизации процесса.

Конечно, основной пласт проблем Закона № 44-ФЗ лежит в материальной плоскости, но не менее

значимыми и острыми нам видятся его процессуальные пробелы и коллизии, которые, по нашему мнению, требуют немедленного решения.

Одним из таких вопросов является очень слабое урегулирование вопросов подведомственности споров между субъектами государственных закупок. В настоящее время Законом № 44-ФЗ достаточно полно описаны правила обращения в контрольный орган в сфере закупок (Федеральная антимонопольная служба). Однако субъектам, отношения, регулируемых указанным законом также предоставлена возможность защищать свои права в судебном порядке, но этот порядок нигде должным образом не устанавливается.

В настоящий момент дела, связанные с контрактной системой, рассматриваются арбитражными судами по общим правилам, установленным в разделе II Арбитражного процессуального кодекса РФ, если речь идет о споре участника и заказчика закупки, либо в соответствии с главой 22 указанного кодекса, в случае, когда одним из субъектов выступает контрольный орган в сфере закупок. Следовательно, законодателем не установлены специальные правила для рассмотрения судами дел данной категории, несмотря на то, что отношения, возникающие между субъектами государственных закупок, имеют свою специфику, субъектный состав и, конечно, должны рассматриваться в более сжатые сроки, нежели дела других категорий.

Обратимся непосредственно к Закону № 44-ФЗ и рассмотрим то, как нормы, регулирующие процесс рассмотрения дел в контрольных органах в сфере закупок, отличаются от порядка рассмотрения подобных дел в арбитражных судах.

Статья 105 Закона № 44-ФЗ устанавливает правила подачи жалобы на действия заказчика, его сотрудников, а также оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки. Закон устанавливает десятидневный срок подачи жалобы с момента размещения одного из протоколов, указанных в части 3 комментируемой статьи, в единой информационной системе. Разумеется, такой короткий срок обусловлен особым характером возникающих правоотношений. Все закупки, регулируемые Законом № 44-ФЗ, осуществляются в крайне сжатые сроки, так как, в конечном итоге, призваны удовлетворять потребности населения в той или иной отрасли, следовательно, любое промедление может нанести огромный ущерб инфраструктуре государства. Именно для этого и установлен десятидневный срок на обжалование.

Вместе с этим, часть 1 данной статьи устанавливает право субъектов на обжалование действий заказчиков и площадок в судебном порядке. Однако срок рассмотрения дел в арбитражных судах намного дольше, так, статьей 152 Арбитражного процессуального кодекса РФ установлено, что дело должно быть рассмотрено арбитражным судом первой инстанции в срок, не превышающий трех месяцев со дня поступления заявления в ар-

битражный суд, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и на принятие решения по делу. Соответственно, заявители в первую очередь вынуждены обращаться в контрольный орган в сфере закупок, чтобы ускорить процесс рассмотрения жалобы, а только потом, в случае вынесения контрольным органом решения, противоречащего их позиции, подают в суд с жалобой на контрольный орган. Тем самым, норма, предоставляющая выбор способов защиты прав через контрольный орган или через суд на практике не работает. На наш взгляд, существует два кардинально противоположных способа решения данной проблемы. Необходимо либо исключить возможность выбирать из двух способов один и законодательно ввести обязательный досудебный порядок урегулирования спора через контрольный орган, либо ввести в Арбитражный процессуальный кодекс положения по особому порядку рассмотрения дел, которые регулируются нормами Закона № 44-ФЗ и Закона № 223-ФЗ [6].

Первый вариант видится наиболее простым, так как резко снизится нагрузка на арбитражные суды, что, безусловно, является положительным моментом для судебной системы в целом. Однако в таком случае, во-первых, вырастет нагрузка на Федеральную антимонопольную службу, которая может не справиться с возросшим числом обращений, во-вторых, может пострадать право субъектов на защиту законных прав из-за того, что квалификация судей, несомненно, выше квалификации сотрудников контрольных органов. Также вследствие различных трактовок закона контрольными органами различных субъектов Российской Федерации появится огромное количество разъяснений, информационных писем и других актов толкования законодательства со стороны Федеральной антимонопольной службы РФ, что окончательно запутает и без того несовершенное законодательство в этой области. В конечном итоге на арбитражные суды обрушится огромное количество жалоб на действия контрольных органов в сфере закупок, что никак не разгрузит судебные органы. Для проведения таких изменений нужно более точечное и четкое законодательство, содержащее нормы материального права в данной отрасли, пока же, считаем этот метод не оптимальным.

В случае же введения в арбитражный кодекс РФ положений, создающих особый порядок рассмотрения дел данной категории, безусловно, нагрузка на суды вырастет вследствие того, что заявители будут намного более охотно обращаться в суды, нежели, чем в контрольные органы. Однако в конечном итоге это может послужить средством укрепления защищенности прав заявителей из-за более высокой квалификации судей.

Необходимо детально разобрать положения, которые могут быть введены в Арбитражный процессуальный кодекс. На наш взгляд, основной упор должен быть сделан на сокращение сроков рассмотрения подобных дел. Разумеется, ввести десятидневный срок рассмотрения заявления, ко-

торый установлен для контрольных органов в сфере закупок, в судах невозможно. Мы считаем, что оптимальным стало бы установление месячного срока для данной категории дел, как, например, для дел о понуждении юридического лица созвать общее собрание участников. Учитывая относительно небольшое количество нормативно-правовых актов, регулирующих подобные отношения и большое количество споров, сводящихся к разрешению вопросов о соблюдении сроков заказчиками и участниками закупок, мы считаем такой срок вполне реальным и достаточным. Данная законодательная новелла послужила бы толчком для обращения лиц в судебные органы, что повлекло бы за собой более эффективное правоприменение и создание единообразия судебной практики. Контрольным органам в сфере закупок этот шаг дал бы возможность сделать акцент на непосредственно контрольных и надзорных мероприятиях, а не на работе с заявлениями заинтересованных субъектов.

Установление специальных правил рассмотрения арбитражными судами дел о контрактной системе, в нашем представлении, должно происходить путем введения в Арбитражный процессуальный кодекс отдельной главы в раздел IV. Установление особенностей судопроизводства должно происходить путем частичной интеграции норм Закона № 44-ФЗ в указанную главу.

Так, мы считаем, что необходимо перенести в арбитражный процессуальный кодекс положения части 3 статьи 105 Закона № 44-ФЗ в части установления десятидневного срока с даты размещения в единой информационной системе протокола рассмотрения и оценки заявок на участие в конкурсе, протокола рассмотрения и оценки заявок на участие в запросе котировок, протокола запроса предложений, а в случае определения поставщика (подрядчика, исполнителя) закрытым способом с даты подписания соответствующего протокола. Данная норма позволила бы судам принимать более своевременные и актуальные решения по делам. Ведь, если оставить для дел данной категории общий срок исковой давности, то лица могут обратиться в суд по прошествии длительного временного отрезка, когда процедура закупки уже будет проведена, контракт заключен и, возможно, даже исполнен. В таком случае, решение суда о признании процедуры закупки проведенной с нарушением законодательства окажется крайне несвоевременным и может повлечь за собой череду новых судебных разбирательств. В случае же введения указанной нормы, субъекты будут вынуждены более оперативно обращаться в суд для защиты своих прав.

Однако установление особого срока обращения в суд будет недостаточно эффективным без наделения судов особыми полномочиями в сфере закупок. Мы считаем необходимым наделить судебные органы правом приостановления закупочных процедур с помощью вынесения определений. Ведь если такая возможность будет отсут-

ствовать, то после подачи жалобы на нарушения в закупочных процедурах, такие процедуры, все равно, состоятся и будут заключены государственные контракты, которые придется расторгать уже после вынесения решения судом. То есть такой подход не приведет к оптимизации процесса обжалования действий сотрудников заказчика или электронной площадки. В случае же наделения судов указанными полномочиями, появится возможность приостановления процедуры закупки до вынесения судебного решения. Конечно, такой метод имеет свои недостатки. На первый взгляд может показаться, что закупочные процедуры будут постоянно откладываться из-за приостановлений со стороны судов. Однако данный подход принесет, на наш взгляд, намного больше пользы, чем оспаривание уже состоявшихся процедур и заключенных контрактов. Мы считаем, что данная мера послужит снижению незапланированного расходования средств бюджетов различных уровней на расторжение государственных контрактов, взыскание средств с контрагентов и проведение новых процедур закупок. Также этот шаг послужит позволит еще больше усилить контроль за закупками, ведь, в этом случае, к общественному контролю, контролю со стороны государственных органов добавится еще и судебный контроль, что, несомненно, положительно скажется на эффективности расходования государственных средств.

Как мы видим, в настоящее время существует немало спорных и проблемных моментов в рассмотрении судами дел, связанных с контрактной системой. Безусловно, необходим комплексный подход при решении указанных проблем, а именно, закрепление единых правил рассмотрения таких дел в Арбитражном процессуальном кодексе. Однако, учитывая сложность и продолжительность такого процесса, для начала считаем целесообразным высшим судам сформировать в своих актах единый порядок рассмотрения подобных дел.

Литература

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. N44-ФЗ (в ред. от 01.09.2020 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета № 80. 2013. 12 апреля
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N95-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) // Российская газета № 137. 2002. 27 июля
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. N145-ФЗ (ред. от 15.10.2020 г.) // Российская газета № 153–154. 1998. 12 августа
4. Цена контрактов, заключенных по всей России в 2019 году [Электронный ресурс] // zakupki.gov.ru. – Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 20.10.2020 г.)

5. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. N378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 27. Ст. 4038
6. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. N223-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Российская газета № 159. 2011. 22 июля

TO THE QUESTION ABOUT THE PROCEDURAL ORDER OF CONSIDERATION BY ARBITRAL COURTS OF CASES RELATED TO THE CONTRACT SYSTEM

Orlov A.D.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy"

The paper provides a comparative analysis of the former and current legislation on the contract system in the Russian Federation. Based on the examples of acts of arbitration courts, the main trends in law enforcement practice on the named problem are determined. Particular attention is paid to the main shortcomings in the normative regulation of the delineation of powers of courts and administrative bodies when they consider cases related to the contract system in the field of procurement of goods, works and services in the Russian Federation. The author proposes law-making novels that can reduce the overall burden on arbitration courts, as well as streamline the existing practice of considering cases related to procurement. The author proposes a partial integration of the provisions of the Federal Law of 05.04.2013. No. 44-FZ "On the contract system in

the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. One of the main theses of the work is the proposal on the need to endow the arbitration courts of the Russian Federation with the right to suspend purchases, along with the Federal Antimonopoly Service. In addition, it is proposed to establish a special limitation period for this category of cases, which will significantly optimize the work of the judiciary.

Keywords: contract system, arbitration process, register of unscrupulous suppliers.

References

1. Federal law No. 44-FZ of April 5, 2013 (as amended). from 01.09.2020) "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs" // Rossiyskaya Gazeta No. 80. 2013. April 12
2. Arbitration Procedural code of the Russian Federation of July 24, 2002 N95-FZ (ed. from 08.06.2020) // Rossiyskaya Gazeta No. 137. 2002. July 27
3. Budget code of the Russian Federation of July 31, 1998 N145-FZ (ed. from 15.10.2020) // Rossiyskaya Gazeta No. 153–154. 1998. August 12
4. The price of contracts entered throughout Russia in 2019 [Electronic resource] // zakupki.gov.ru. – Mode of access: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (date accessed: 20.10.2020 g)
5. The decree of the President of the Russian Federation from June 29, 2018 N378 "About the National plan of counteraction of corruption in the 2018–2020" // collected legislation of the Russian Federation. 2018. No. 27. St. 4038
6. Federal law No. 223-FZ of July 18, 2011 (as amended).

Европейский суд по правам человека как защита прав мигрантов

Ахкамова Лилия Нафизовна,

соискатель, юридический факультет, кафедра
международного и европейского права, Казанский
(Приволжский) федеральный университет,
E-mail: ahkamova.liliya@yandex.ru

В статье рассматривается Европейская конвенция о защите прав человека, дается оценка роли и значению Европейского суда по правам человека в международной защите прав неграждан. Рассмотрены критерии возможности подачи заявления мигрантами, в частности дается анализ условиям, которым должно соответствовать заявление. Проанализирована судебная практика Европейского суда в отношении различных прав и свобод, которые закреплены в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколах к ней. Внимание сосредоточено на том, что вмешательство Европейского суда по правам человека может быть осуществлено только в исключительных случаях, так как он не является апелляционной инстанцией. Автор приходит к выводу о том, что роль Европейского суда в защите прав неграждан является значительной. Обращение в Европейский суд дает возможность негражданам защитить свои права и свободы, которые были ущемлены государствами, в которых они пребывали.

Ключевые слова: права человека, европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, права беженцев, депортация, европейский суд по правам человека, миграция.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту – Европейская конвенция по правам человека, Европейская конвенция 1953 года), разработанная в 1950 году и вступившая в силу 03.09.1953, является международным соглашением между странами – участниками Совета Европы на момент его принятия.

Европейская конвенция 1953 года является международным инструментом, имеющим основной целью установление неотъемлемых прав и свобод каждого человека, обязав государства, которые ее ратифицировали, гарантировать указанные права и свободы каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией. [1, 21].

Количество мигрантов на территории стран, ратифицировавших Европейскую конвенцию 1953 года, с каждым годом увеличивается, миграционный кризис и нежелание некоторых стран принимать у себя на территории беженцев, приводит к большому количеству нарушений прав и свобод человека. Нередки случаи нарушения прав неграждан странами, в которых они пребывают в настоящий момент.

Основным отличием Европейской конвенции по правам человека от остальных международных договоров, регулирующих данную область, явилось не только провозглашение прав и свобод человека, но и создание особого уникального механизма их защиты и гарантии, а именно – Европейский суд по правам человека (далее – Европейский суд). Этим способом защиты нарушенных прав и свобод неграждан пользуются многие мигранты, права которых были ущемлены.

Данный механизм первоначально состоял из трех органов, несущих ответственность и обеспечивающих соблюдение обязательств, которые были приняты на себя странами – участниками Европейской конвенции 1953 года: Европейский суд по правам человека, Комитет министров Совета Европы, Европейская комиссия по правам человека. Однако последние два органа с 01.11.1998 года были упразднены вступившим в силу Протоколом № 11, оставив единственным действующим органом Европейский Суд по правам человека.

В настоящее время Европейский суд рассматривает индивидуальные жалобы против государств, подписавших и нарушивших Конвенцию. Любой житель страны Совета Европы, ратифицировавшей Конвенцию, посчитавший, что его закрепленные Европейской конвенцией 1953 года

права и свободы были нарушены, вправе обратиться в Европейский суд по правам человека.

Европейский Суд призван обеспечить неукоснительное исполнение и соблюдение норм Европейской конвенции о правах человека ее странами-участниками. Это осуществляется путем принятия на рассмотрение и разрешение конкретных дел, которые приняты судом к производству на основе индивидуальных жалоб, поданных либо физическим лицом, либо группой лиц или неправительственной организацией. Также возможна подача жалобы со стороны государства-члена Совета Европы на нарушение Европейской конвенции 1953 года другим государством. Так, Европейский суд в Люксембурге признал незаконным отказ Венгрии, Польши и Чехии принимать мигрантов и беженцев, удовлетворив иск Еврокомиссии о нарушении европейского законодательства указанными странами и не выполнением взятых на себя обязательств.

Право на подачу жалобы в Европейский суд закрепляется ст. 34 Европейской конвенции о правах человека, страны, ратифицировавшие данную конвенцию, договариваются о том, что никоим образом не будут препятствовать эффективному осуществлению права на обращение в суд. Европейский суд подчеркивает, что данное право является ключевым компонентом механизма и является гарантом эффективности действия Европейской комиссии по правам человека.

Ежегодно мигранты обращаются за защитой своих прав в Европейский суд по правам человека, добиваясь восстановления своих прав и выплаты компенсации за нарушение.

Так, решением Европейского суда от 11.06.2019 года было установлено обоснованными жалобы на Грецию в нарушении ею ст. 3 и 5 Европейской конвенции. С одной стороны, суд посчитал, что условия содержания под стражей в разных отделениях полиции хоть и унижают достоинство обращения, тем не менее, содержание под стражей в этих местах может вызвать чувство изоляции от мира с потенциально негативными последствиями для физического и морального благополучия граждан. С другой стороны, суд решил, что власти не сделали все, что могло быть разумно сделано. Ожидалось выполнении обязательств по уходу и защите заявителей, которые прожили в течение одного месяца в неподходящей обстановке для них как подростков, которые особенно уязвимы из-за своего возраста. Помещение этих заявителей в полицейские участки равносильно лишению свободы, причем греческое правительство не смогло объяснить, почему власти поместили подростков в полицейские участки в унижающие условия содержания под стражей, а не в другие места временного проживания. Задержание этих заявителей не было законным, таким образом Греция подвергла пятерых несовершеннолетних мигрантов без сопровождения унижающему достоинство и бесчеловечному обращению, нарушив их право на без-

опасность и свободу, в связи с чем Греция должна выплатить 4000 евро одному заявителю и 6000 евро каждому остальным четырем заявителям за моральный вред и еще 1500 евро заявителям совместно за судебные издержки.

Говоря о защите прав неграждан в рамках обращения в Европейский суд по правам человека, стоит отметить, что вне зависимости от того, является ли человек, находящийся на территории страны, ратифицировавшей Европейскую конвенцию 1953 года, ее гражданином, либо является мигрантом, его заявление должно быть приемлемым и соответствовать всем условиям Европейской конвенции о правах человека и Европейского суда в отношении его компетенции [2, 76].

Так, согласно ст. 32 Европейской конвенции 1953 года в ведение Европейского суда находятся только те вопросы, которые касаются толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Следовательно, является невозможным обращение неграждан по иным вопросам в Европейский суд по правам человека помимо тех, что указаны выше.

В соответствие со ст. 34 Европейской конвенции 1953 года лицо, которое подает заявление в Европейский суд по правам человека, должно быть жертвой нарушения гарантированных конвенцией прав и свобод. Судебная практика позволяет считать понятие «жертвы» более расширенно, нежели в привычном толковании данного слова, предлагая Европейскому суду самостоятельно в каждом конкретном случае, в зависимости от условий заявителя и обстоятельств рассматриваемого им дела [3, 120].

К примеру, в деле о группе из примерно восьми-десяти мигрантов, из стран, расположенных к югу от Сахары, включая заявителей, которые в августе 2014 года попытались проникнуть на территорию Испании, взобравшись на заборы вокруг Мелильи, испанского анклава на североафриканском побережье, но задержанных сразу сотрудниками Гражданской гвардии, которые надели на них наручники и отвезли их на другую сторону границы, не применяя процедуру идентификации и не имея возможности обосновать каждому свое пребывание на территории. После указанного очередного незаконного въезда на испанскую территорию к заявителям были применены приказы о высылке. Их административные апелляции, а также ходатайство о предоставлении убежища были отклонены. В первую очередь суд установил юрисдикцию – так, по закону не имеет значения, находились ли обнесенные забором ограждения на территории Испании или Марокко: с момента въезда заявителей на территорию Испании де-факто они находились под постоянным и исключительным контролем испанских властей. Никакие спекуляции относительно полномочий, функций и действий испанских правоохранительных органов в отношении характера и цели их вмешательства не могут привести к другому выводу. Поэтому нет никаких сомнений в том, что предполагаемые

факты подпадают под «юрисдикцию» Испании. Во вторую очередь, суд установил, являются ли заявители жертвой в понимании ст. 34. Суд отклонил сомнения Испанского правительства относительно того, принадлежали ли заявители к рассматриваемой группе мигрантов, т.к. заявители представили последовательное описание обстоятельств, страны их происхождения, трудностей, с которыми они столкнулись, а также представили видеоизображения. При этом тот факт, что заявители впоследствии получили доступ к территории Испании другими способами, не смог лишить их статуса жертв нарушений Конвенции в соответствии с указанной выше жалобой, поскольку эти нарушения не были рассмотрены в ходе последующего разбирательства, в связи с чем Европейский суд единогласно отклонил возражение Испании, признав за заявителями статус «жертвы».

Таким образом, гибкость толкования концепции «жертва» позволила Европейскому суду развить свою судебную практику таким образом, чтобы необходимый статус признавался как в отношении прямых, так и косвенных жертв. Прямыми жертвами являются непосредственно заявители, которые подверглись напрямую действию или бездействию, нарушившему предположительно их права, закрепленные в Европейской конвенции о правах человека. Косвенными считаются лица, заявляющие о конкретной и личной связи с прямой жертвой. К примеру, Европейский суд может принять заявление от жены мужа, который являлся мигрантом, и права и свободы которого были нарушены, вопреки действующим нормам Европейской конвенции 1953 года.

Жалоба в Европейский суд может быть подана только от имени живого человека. Не может быть принята к рассмотрению жалоба, поданная представителем умершего, либо членами его семьи. Так в случае, если муж-мигрант умирает во время нахождения в стране, ратифицировавшей Европейскую конвенцию, жена не в праве подать жалобу от его имени в Европейский суд. Однако, если изначально жалобу подал муж-мигрант, после чего наступила его смерть, жена, являясь членом его семьи, вправе продолжать поддерживать жалобу, если она в этом заинтересована. Данное обстоятельство связано с тем, что некоторые дела рассматриваются в Европейском суде годами, что не исключает возможность смерти первоначального заявителя во время рассмотрения.

Важным является сохранение статуса жертвы на протяжении всего судебного разбирательства. Данный статус может быть потерян в случае, если страна, в которой находится мигрант, предпримет меры по признанию своего нарушения и предоставят возмещение заявителю.

Особую значимость для защиты прав мигрантов является развитие понятия «потенциальная жертва» в решениях Европейского суда [4, 35]. Судом признано, что не является обязательным непосредственное прямое нарушение прав и свобод, что позволило закрепить статус жертвы за те-

ми негражданами, которые не являлись жертвами прямого нарушения, а были потенциальными жертвами.

Так, согласно ст. 3 Европейской конвенции 1953 года никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию [5, 527]. Потенциальными жертвами в данном случае становятся неграждане, которые выступают стороной в делах о депортации. Действительно, формально до момента депортации за пределы страны неграждане не будут подвергаться наказанию или пыткам, даже если имеются потенциальные риски на применение таких мер в отношении заявителя в стране назначения. В данном случае Европейский суд расширил понятие «жертва», посчитав необходимым приравнять к ним потенциальных жертв насилия, пыток или бесчеловечного обращения, либо несправедливого судебного разбирательства в его отношении в стране назначения, либо нарушения прав мигранта на семейную жизнь.

Так, ст. 8 Европейской конвенции 1953 года гласит, что каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. В деле г-жи Нуньес против Норвегии (*Nunez v. Norway*) от 28.06.11 судом было установлено нарушение данной статьи. Данное дело было рассмотрено по жалобе гражданки Доминиканской Республики на ее высылку из Норвегии, в результате которой она была бы отделена от своих несовершеннолетних детей, всю жизнь проживающих на территории Норвегии.

При этом судом было установлено, что если бы ее дело рассматривалось отдельно, вне зависимости от интересов детей, высылка заявительницы в Доминиканскую Республику, а также наложение запрета на повторный въезд на территорию Норвегии на протяжении двух лет, являлся бы пропорциональной мерой в ее отношении, в связи с тем, что она незаконно въехала на территорию Норвегии и использовала поддельные документы.

Однако прецедентное право, на которое ссылается Европейский суд в решении, указывает на то, что дети заявительницы также защищены Европейской конвенцией 1953 года, даже если не являются сами заявителями в данном деле, так как вопрос касается одного из их родителей. Защита детей в таких ситуациях возросла в результате зависимости Европейского суда от других международно-правовых документов, в частности от Конвенции ООН о правах ребенка, упомянутой в решении.

Этот подход представляет собой важный шаг вперед и должен приветствоваться судом по правам человека XXI века. Однако важно отметить, что, применяя такой подход, в котором подчеркивается приоритет интересов детей, неизбежно уменьшается свобода в возможных действиях государства [6, 65].

В пункте 18 своего Замечания общего порядка № 7 (2005) Комитет ООН по правам ребенка

заявляет, что маленькие дети особенно уязвимы к неблагоприятным последствиям разлучения из-за своей физической зависимости и эмоциональной привязанности к родителям. Они также не всегда способны понять обстоятельства, необходимость и причины подобного разлучения. Ситуации, которые с наибольшей вероятностью могут оказать негативное влияние на детей младшего возраста, включают и ситуации, когда возникает насильственное разлучение детей с родителями.

Наличие у заявительницы двух дочерей восьми и девяти лет подчеркивает необходимость присутствия рядом их матери, в связи с чем конкретно в этом случае судом было установлено нарушение статьи 8 Европейской конвенции 1953 года.

Важным требованием для подачи заявления в Европейский суд является требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Данное правило является принципом международного права. Исчерпание национальных средств правовой защиты является одним из важнейших и основополагающих критериев приемлемости при подаче жалобы в Европейский суд по правам человека. Его соблюдение оказывает непосредственное влияние на дальнейшую судьбу жалобы и ее потенциальное рассмотрение по существу [7].

Согласно ст. 35.1 Европейской конвенции 1953 года суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права. При этом наличие таких средств должно носить достаточно определенный характер не только в теории, но и на практике, в противном случае они не будут обладать необходимой мерой доступности и эффективности: государство-ответчик должно убедиться в удовлетворении этих условий.

Причины, которые лежат в основе данного требования, это вспомогательная роль Европейского суда и представление возможности государствам недопущения нарушения или предоставление возмещения, если нарушение уже произошло, на местном уровне до начала действий на международном уровне. Это также связано с тем, что государство обязано обеспечить эффективные средства защиты прав и свобод согласно ст. 13 Европейской конвенции 1953 года.

Правило использования внутренних средств правовой защиты, как и в случаях с понятием «жертва» должно учитываться в каждом конкретном случае индивидуально и не предполагать чрезмерного формализма.

Например, Европейский суд позволяет не использовать такие средства защиты нарушенных прав, которые не являются обязательными по закону страны. Также данный принцип работает только в отношении таких средств правовой защиты, которые не только существуют в теории, но и применяются на практике страны, нарушившей права человека. В случае, когда у заявителя имеется

возможность выбирать между средствами защиты нарушенного права, являющимися аналогичными, Европейский суд позволяет использовать только одно из таких средств [8, 172–173].

Срок подачи жалобы ограничен 6 месяцами, в соответствии со ст. 35.1 Европейской конвенции о правах человека, с даты вынесения окончательного решения по делу, а точнее, со следующего дня после даты оглашения решения или сообщения решения заявителю (представителю заявителя). Данный срок выбран с учетом возможности принятия заявителем решения о необходимости подачи заявления в Европейский суд, а также аргументов, подтверждающих его позицию, с одной стороны, и с другой стороны обеспечивает справедливое изучение фактов, которые по прошествии более длительного периода времени могут быть искажены, либо потеряют в доступности. При этом продлить шестимесячный срок подачи жалоб в ненадлежащие органы невозможно, т.к. Европейский суд постановил, что допустимыми средствами защиты нарушенных прав являются только стандартные [9, 171].

Согласно ст. 35.2 Европейской конвенции о правах человека по существу заявление не должно совпадать с поданным в Европейский суд ранее, или заявлением, которое является предметом другого международного расследования. Это означает, что заявление, являющееся таким же и не представляющее новой информации, которая относится к делу, судом к рассмотрению не принимается. Заявление является аналогичным, если в нем указаны те же самые факты, жалоба и стороны.

В соответствии со ст. 39 Регламента Европейского суда по правам человека по просьбе одной из сторон дела или любого другого заинтересованного лица либо по собственной инициативе Палата или, в случае необходимости, Председатель Секции или дежурный судья, назначенный для рассмотрения прошений о предварительных мерах, могут указать сторонам на любые предварительные меры, которые они сочтут необходимыми в интересах сторон или надлежащего проведения судебного разбирательства.

Государства, ратифицировавшие Европейскую конвенцию 1953 года, должны предпринять такие срочные и временные меры, которые указаны Европейским судом по запросу заявителя, для недопущения наступления непоправимого ущерба в процессе рассмотрения дела. Обычно они касаются ситуаций, подпадающих под действие статей 2 и 3 Европейской конвенции о правах человека, в которых заявитель подвергается угрозе жизни или жестокого обращения, такого как пытка или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Временные меры могут также быть направлены на защиту права на уважение семейной жизни по смыслу статьи 8 Европейской конвенции 1953 года.

Применение временных мер в связи с вышеуказанным являются одним из способов защиты прав неграждан, в частности, в делах о депорта-

ции и выдачи. Запрос на временные меры и реагирование на них осуществляется только в письменном виде. Каждое такое ходатайство рассматривается в приоритетном порядке и на индивидуальной основе, кроме случаев, когда такое подобное заявление явно недостаточно обосновано и направлено на затягивание процесса. Решение Европейского суда о временных мерах обжалования не подлежит [10, 204].

Сам факт подачи ходатайства является не достаточным для приостановления разбирательства о выдаче или депортации неграждан. Исполнение откладывается только в случае положительного решения Европейского суда.

Важно помнить о том, что Европейский суд не является апелляционной инстанцией для судов, рассматривающих дела неграждан, ищущих убежище. В случаях, когда в рамках государственных процедур миграции и предоставления убежища производится надлежащая оценка риска и такие процедуры работают справедливо и с уважением к правам и свободам человека, вмешательство Европейского суда по правам человека может быть осуществлено только в исключительных случаях.

Таким образом, роль Европейского суда в защите прав неграждан является значительной, но при этом, чтобы воспользоваться правом на обращение в Европейский суд, необходимо соблюдение ряда условий, а именно можно выделить следующие требования:

- вопрос, с которым обращается мигрант в Европейский суд, должен касаться применения положений Европейской конвенции о правах человека и Протоколов к ней;
- лицо, обращающееся в суд, должно быть жертвой нарушения гарантированных конвенцией прав и свобод;
- подача в суд возможна только от имени живого человека;
- права обратившегося лица должны быть ущемлены на протяжении всего процесса в случае, если его права будут восстановлены, он теряет статус жертвы;
- исчерпать все возможные внутри страны способы правовой защиты нарушенных прав и свобод;
- обратиться в Европейский суд в течение определенного срока;
- заявление не должно совпадать с поданным в Европейский суд ранее или заявлением, являющимся предметом другого международного расследования.

Наличие строгих требований к заявлению и заявителям обусловлено большим количеством направляемых в Европейский суд по правам человека жалоб. По статистике за все время существования суда 96% поданных жалоб признаны несоответствующими и неприемлемыми, и лишь 4% поданных жалоб были рассмотрены судом, из них в 83% случаев суд усмотрел нарушение конвенции и протоколов к ней.

Одной из действенных мер защиты прав неграждан являются временные меры, применение которых осуществляется по решению Европейского суда после подачи соответствующего ходатайства заявителем.

Литература

1. Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. – Litres, 2017.
2. Петченко А.Е. Обращение в Европейский Суд как способ защиты прав человека и гражданина // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2017. – № 3–3. – С. 74–79.
3. Самович Ю.В. Международно-правовые особенности понятия «жертва» нарушения прав // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права. – 2018. – С. 118–123.
4. Васильев С.А. Жертва и потенциальная жертва преступления как субъект правоотношений // Виктимология. – 2018. – № 2 (16), с. 34–40.
5. Будакова А.В. Международное законодательство о защите чести, достоинства и деловой репутации // International scientific news 2017. – 2017. – С. 527–528.
6. Старовойтова К.В. Защита прав детей в практике Европейского суда по правам человека // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 1 (32), с. 61–70.
7. Герасименко Тамара Юрьевна Исчерпание национальных средств правовой защиты как условие подачи жалобы в Европейский Суд по правам человека // Правоприменение. 2017. № 3. с. 168–173.
8. Яценко О.В. Решение Европейского суда по правам человека как окончательный акт высшей судебной инстанции // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2019. – № 1 (29). с. 93–95.
9. Шаталова А.В. Особенности подачи жалоб частных лиц в Европейский суд по правам человека // Перспективные направления взаимодействия науки и общества. – 2019. – С. 171.
10. Глазова А.П. Особенности исполнения решений Европейского суда по правам человека о применении временных мер с целью предотвращения высылки и экстрадиции // Актуальные проблемы современного международного права. – 2019. – С. 203–206.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AS PROTECTION OF THE RIGHTS OF MIGRANTS

Akhkamova L.N.

Kazan (Volga) Federal University

The article examines European Convention on Human Rights Protection, assesses the role and importance of European Court of Human Rights in international protection of the rights of non-citizens. Criteria for the possibility of filing an application by migrants are con-

sidered; in particular, an analysis is given for the conditions to which application must comply. Jurisprudence of the European Court in relation to various rights and freedoms, which are enshrined in European Convention on Human Rights Protection and Fundamental Freedoms and its protocols, is analyzed. Attention is focused on the fact that intervention of the European Court of Human Rights can be carried out only in exceptional cases, since it is not an appeal instance. Author concludes that the role of the European Court in protecting the rights of non-citizens is significant. Appeal to the European Court enables non-citizens to defend their rights and freedoms that have been infringed by states in which they resided.

Keywords: human rights, european convention on human rights, rights of migrants, deportation, European Court of Human Rights, migration.

References

1. De Salvia M. European Convention on Human Rights. – Litres, 2017.
2. Petchenko A.E. Appeal to the European Court as a way to protect human and civil rights // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen.– 2017. – No. 3–3. – P. 74–79.
3. Samovich Yu.V. International legal features of the concept of “victim” of violation of rights // Actual problems of constitutional, municipal and international law.– 2018. – P. 118–123.
4. Vasiliev S.A. Victim and potential victim of a crime as a subject of legal relations // Victimology.– 2018. – No. 2 (16), p. 34–40.
5. Budakova A.V. International legislation on the protection of honor, dignity and business reputation // International scientific news 2017.– 2017. – P. 527–528.
6. Starovoitova K.V. Protection of children’s rights in the practice of the European Court of Human Rights // Eurasian Advocacy.– 2018. – No. 1 (32), p. 61–70.
7. Gerasimenko Tamara Yuryevna Exhaustion of domestic remedies as a condition for filing a complaint with the European Court of Human Rights // Law enforcement. 2017. No. 3. from. 168–173.
8. Yatsenko O.V. Decision of the European Court of Human Rights as the final act of the highest court // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics.– 2019. – No. 1 (29). from. 93–95.
9. Shatalova A.V. Peculiarities of filing complaints from individuals to the European Court of Human Rights // Perspective directions of interaction between science and society.– 2019. – P. 171.
10. Glazova A.P. Features of the execution of decisions of the European Court of Human Rights on the use of temporary measures to prevent expulsion and extradition // Actual problems of modern international law.– 2019. – P. 203–206.

Содержание, формы и виды административного иска в законодательстве Республики Казахстан

Балабиев Кайрат Рахимович,

доктор юридических наук, профессор института Мардана
Сапарбаева

E-mail: balabi.kairat@mail.ru

В статье автор рассматривает сущность и содержание административного иска как формы защиты прав и интересов субъектов публично-материальных правоотношений, используя всеобщий логический и общенаучные методы: специально-юридический, формально-юридический и межотраслевой. По изучаемой теме исследованы мнения ученых-юристов об отличительных особенностях данного института, а также положения Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан, вводимого в 2021 году. Сделана попытка на основании кодекса определить состав субъектов административных правоотношений, актуализировать вопрос о применении процессуальных институтов и терминов как гражданским процессуальным, так и административно-процессуальным законодательством. Рассматривается классификация административных исков, определенная законодателем, проведен анализ целесообразности данного разделения, предложены рекомендации по его усовершенствованию. Вместе с тем определена необходимость внесения в законодательный акт положений административных исков об оспаривании актов, действий (бездействия) органов государственного управления, должностных лиц и государственных служащих в части порядка осуществления судопроизводства.

Ключевые слова: административный суд, публично-правовые споры, административный иск, подсудность, гражданско-процессуальное законодательство.

Вводимый с 1 июля 2021 года Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – Кодекс) устанавливает механизм защиты прав человека посредством обращения в судебные органы в исковом порядке. В нем определены правовое положение сторон административного процесса, права и интересы заинтересованного лица. Сущность данного института совпадает с институтом третьих лиц в гражданском судопроизводстве, чьи интересы затрагиваются рассматриваемым административным делом, изменения исковых требований и отказа от них, признания требований, изложенных в исковом заявлении и т.д. [1]. Кроме того, защита прав физических и юридических лиц определена в гражданском законодательстве [2].

Само понятие иск имеет цивилистический характер, что обозначает невозможность его отнесения к публичному праву. Исковая защита субъективных публичных прав требует введения и реализации точной процессуальной формы рассмотрения и разрешения споров административного характера [3].

Определение административного иска в качестве возможности защиты интересов и прав граждан в публичных правоотношениях способствует состязательности и объективности административного судопроизводства, эффективности реализации правовых гарантий лицам, обратившимся в административный суд. Данная позиция устанавливает иск в качестве способа разрешения любых разногласий в правоотношениях как публичного, так и частно-публичного характера. Такая форма защиты прав предполагает возможность реализации определенного судебного порядка, а также исполнения акта органа судебной власти [4].

В зависимости от отрасли права и содержания правоотношения различаются гражданский, административный иски и иски в уголовном судопроизводстве. Для определения содержания административного иска нужно обратиться к определению данного института. Согласно проекта Кодекса, иск представляет собой процессуальное требование для восстановления, защиты гражданских прав и интересов, исходящих из публичных правоотношений. Однако, данный институт учеными-юристами рассматривается в ином содержании. Г.Л. Осокина считает, что посредством иска осуществляется защита субъектов общественных отношений от административных правонарушений [5,46]. Ю.А. Попов основным предметом изучаемых правоотношений определяет законность правовых документов, действий государственных

органов и иных лиц в отношении соответствия их интересам гражданско-публичного характера, реализации субъективных материальных прав [6,31]. Обе точки зрения в трактовке института административного иска различаются по цели иска, Г.Л. Осокина конкретизирует предмет иска как защиту от административных правонарушений, давая более узкую интерпретацию изучаемого института; Ю.А. Попов предметом иска видит только проверку на законность актов государственных органов, тем самым вопрос о защите гражданских прав при реализации публичных правоотношений остается вне пределов рассмотрения административным судопроизводством.

В судебные органы с иском обращаются лица как в связи с осуществлением проверки законности актов государственных органов, так и за защитой гражданских прав и интересов при реализации публичных правоотношений. В этом и состоит содержание административного иска: в определении законности актов государственных органов и охране прав лиц в публичных правоотношениях. В этой связи считаем целесообразным дополнить содержание административного иска и установлением законного правопорядка путем защиты от неправомерных действий не только со стороны государственных органов, но и от иных субъектов общественных отношений. Поэтому институт административного права включает в себя не только требование по отношению к органам административного судопроизводства о защите прав и привлечении к ответственности за нарушение административного законодательства, но и требование правильности и целесообразности применения административно-правовой ответственности к субъекту правоотношений.

Определяя круг административных дел, возбуждаемых по административному иску, в Кодексе названы дела об оспаривании решений, действий (бездействия) местных исполнительных органов, нарушающих права граждан на участие в уголовном судопроизводстве в качестве присяжного заседателя; о защите избирательных прав граждан и общественных объединений, участвующих в выборах, республиканском референдуме.

Содержание административного иска проявляется в охране прав в публичных правоотношениях как в субъективном, так и в объективном отношении. Субъективный характер защиты предполагает отнесение к различным субъектам общественных отношений. Административно-процессуальный порядок защиты публичных прав в объективном отношении проявляется посредством:

- требования о законности актов государственных органов;
- привлечения к административной ответственности за несоответствия в области публичного администрирования.

Рассматривая содержание административного иска нужно отметить его субъектный состав, в который Кодекс включает административного истца, административного ответчика, заинтересованное

лицо и прокурора. Состав определяется и может изменяться административным истцом, а также по указанным в законодательстве основаниям [7]. Ранее говорилось о замене процессуального понятия «третье лицо» дефиницией «заинтересованное лицо», хотя содержание понятий идентичны. Возникает вопрос о целесообразности применения в национальном законодательстве различных наименований для обозначения одного института. Так как институт административного иска имеет специфические особенности в отношении применяемого законодательства и субъектного состава требуется конкретизация содержания понятия «заинтересованное лицо». Необходимо уточнить и дополнить в части реализации процессуального правопреемства, ненадлежащего ответчика и его замены при возникновении подобной ситуации [1, п. 2 ст. 21; п. 3 ст. 29]. Дополнения необходимо осуществить в тексте Кодекса, не вступившего в юридическую силу, так как этот вопрос относится к законодателю, а не правотворческой деятельности высшего органа судебной власти Верховного суда.

К признакам иска в административном судопроизводстве можно отнести:

- возникновение из административных споров и разногласий, либо на основе административного правонарушения;
- наличие противоположных юридических интересов участников административных споров;
- защита гражданских прав и интересов, исходящих из публичных правоотношений, и правопорядка путем применения установленных административным законодательством мер;
- предметом административного иска выступают гражданские права и интересы, исходящие из публичных правоотношений; соответствие законодательству административных актов либо установление нарушенного правопорядка;
- содержание административно-процессуальных правоотношений выступают юридические факты, свидетельствующие о правонарушениях в изучаемой области и наступлении права на судебную защиту у физических и юридических лиц, государства;
- наличие специфических для административного судопроизводства способов рассмотрения спора или дел.

Содержание административного иска характеризуется разнообразием видов иска, основаниями дачи. В отношении формы и содержания административного иска в тексте Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан устанавливаются схожие положения с Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан. Спор о праве является признаком, определяющим как частно-правовые, так и публично-правовые отношения [8, 310]. Форма иска определяется письменным и электронным вариантом иска, утвержденного подписью или электронной цифровой подписью истца и/или его представителя. Аналогичны этому положения относительно списка сведений, которые должны

быть указаны в исковом заявлении; написании иска прокурором в интересах физических лиц; списка прилагаемых к исковому заявлению документов. Кодекс дает классификацию административных исков по процессуальной цели:

- о принуждении;
- о признании;
- о совершении действий;
- об оспаривании.

Иск о принуждении включает в себя заявление истца о необходимости принятия либо непринятия ответчиком – государственным органом, должностным лицом акта и определяют принудительность исполнения судебного решения при их удовлетворении. Подобные иски не могут быть выделены как самостоятельные, так как связаны с выполнением определенных действий. Судебный орган при удовлетворении требований истца принуждает ответчика выполнить соответствующие обязательства. Административный иск о признании определяет право истца на требование по установлению или отмене юридического факта несоответствия акта органа государственного управления законодательству. Требования истца могут иметь материальные, моральные либо правовые признаки. Судебное решение по иску не влечет каких-либо действий по его исполнению, а устанавливает наличие юридического факта, права. Сам факт удовлетворения административного иска является основным, содержание иска дает возможность суду установить пункты судебного решения сверх исковых требований, обязать ответчика восстановить нарушенные права в отношении административного истца. Однако в статье 159 Кодекса этой установки нет, что является упущением и требует дополнения в связи с ограничением суда по удовлетворению интересов истца. Предметом рассмотрения является «акт, не имеющий больше юридической силы», а также «отмененный либо утративший свою юридическую силу иным образом административный акт». А как же тогда в отношении действующих административных актов? Каким образом и в каком порядке рассматриваются данные акты? С настоящего момента до 1 июля 2021 года требование об обжаловании актов государственных органов, их решений и действий подается в гражданское судопроизводство и разрешается в особом исковом порядке. В то же время имеется мнение о сущности иска как средства защиты субъективных прав и интересов[9].

С.Н. Абрамов подчеркивает связь института иска с правом защиты гражданских прав и интересов [10,422]. К.Д. Кавелин представляет гражданское право – как основу института иска [11,420]. М.А Гурвич считает, что иск выступает в качестве средства судебной защиты конституционных прав [12,451].

В ГПК РК 29 глава рассматривает дела об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц и государственных служащих,

куда входят статьи 292–297, где устанавливаются положения с момента подачи иска до вынесения судебного решения и его исполнения [13]. На данный момент-это законодательная база, где находит свое выражение административный иск о признании действующего административного акта. Указанная глава перестает действовать после введения в действие Административного процедурно-процессуального Кодекса Республики Казахстан, при этом практически исчезает возможность защиты гражданского права на судебную защиту в отношении административных актов, действующих или имеющих законную силу в настоящее время. Поэтому целесообразно ввести данную главу в Кодекс для реализации конституционного принципа защиты прав граждан в отношении актов государственного органа управления, которые могут ущемлять или ущемляют права.

К слову, в ГПК РК 2 главы о нарушении государственными органами гражданских прав на участие в уголовном суде в качестве присяжного заседателя, а также гражданских избирательных прав [13, 27, 28 главы] автоматически перестают действовать с момента вступления в силу Административного процедурно-процессуального Кодекса Республики Казахстан, но эти же дела рассмотрены в нем же, в отличие от главы 29. Остановившись на содержании административных исков о признании необходимо выделить положительные, в которых требуется подтверждение наличия права либо определенного правоотношения, и отрицательные, в которых требуется определение отсутствия права, правоотношения, полномочия государственного органа или несоответствия административного акта, действия законодательному акту.

Административный иск о совершении действий определяет требование истца на совершение либо отказ от совершения действий по принятому акту государственного органа или должностного лица: требование может включать предоставление документа в связи с своевременным принятием акта органом государственного управления. По содержанию иск о совершении действий схож с иском по принуждению, последний содержит требование по принуждению к совершению определенных действий, принятию решений. Целесообразно не выделять по отдельности эти наименования в качестве отдельных видов административного иска, а совместить как взаимодополняющие элементы одного иска.

Иск об оспаривании отдельных положений или всего акта государственного органа подается с целью восстановления нарушенных актом гражданских прав и интересов. Особенность в том, что содержание зависит не только от вынесения решения органа судебной власти по несоответствию акта органа государственного управления законодательному акту, но и от реализации решения. В Кодексе пункт 156 устанавливает положение по исполнению судебного решения по административному иску по оспариванию акта государствен-

ного органа, по которому признание несоответствующим правовым нормам нормативного правового акта, обладающим большей юридической силой, требует реализации в срок, прописанный в судебном решении. Судебное решение вступает в силу также по окончании срока, представленное на апелляционное обжалование [1, ст. 161].

Устанавливая срок вступления в силу решения суда, последнее обстоятельство указывает на такое значение иска об оспаривании, как преобразовательное, по истечению времени судебным решением будут остановлены все последствия, на наступление которых направлен оспоренный административный акт. Интересно содержание рассматриваемого вида иска в случае, когда решением судебного органа будет установлено то, что после принятия оспариваемого административного акта не было последствий правового характера и потому сроком недействительности данного акта должен считаться срок его вступления в юридическую силу и административный иск об оспаривании приобретает характер отрицательного иска о признании, то есть признании акта государственного органа недействительным.

Приведенная классификация имеет схожие признаки с аналогичным разделением на виды иска в гражданском судопроизводстве. Это относится к первым трем видам административного иска: гражданские иски о присуждении, имеющие принудительный характер исполнения судебных актов при их удовлетворении; о признании в отношении установления наличия соответствующих правоотношений; преобразовательные иски, включающие в себя требование об определении органом судебной власти относительно установления, изменения или прекращения соответствующих правоотношений.

Рассмотрение содержания административных исков указывает на то, что гражданско-процессуальное разделение исков было бы целесообразно использовать и в отношении административных исков. Иск о совершении действий схож с иском по принуждению, а иски оспаривания отдельных положений или всего акта государственного органа специфичны и могут выступать в качестве преобразовательных, и в качестве иска о признании. Такая классификация удобна и не допускает путаницы в отнесении административного иска к какому – либо из них.

Преобразовательные иски направлены не на признание юридических фактов, не на принуждение к совершению определенных действий, а на влияние на содержание публичных правоотношений. При удовлетворении преобразовательного иска может быть приостановлена правовая деятельность физического или юридического лица [14, ст. 48], возможно влияние на содержание правоотношений, к примеру, иска об оспаривании решения государственного органа, когда истец реализует свое право оспорить результаты рассмотрения государственным органом определенных правоотношений. Преобразовательные иски могут быть:

- правопорождающими исками: удовлетворение судом требований по иску устанавливает новые правоотношения между административным истцом и административным ответчиком;
- правоизменяющими исками: удовлетворение исков приводит к изменению правоотношения между административным истцом и административным ответчиком;
- правопрекращающими исками: удовлетворение судом требований по иску прекращает правоотношения между административным истцом и административным ответчиком.

Последние два вида преобразовательных исков не оспаривают наличие публичного правоотношения, стороны в административном судопроизводстве не отрицают его наличие. Требования по иску относятся к решениям и действиям, результатам, установленным государственным органом, административным ответчиком. Согласно этим требованиям, истец вправе поднять вопрос об изменении, пересмотре данных, вынесенных органов государственного управления, тем самым административным истцом применяется правоизменяющий преобразовательный иск.

При всем многообразии видов исков остается вопрос о правильном применении судами положений как административно-процессуального, так и гражданско-процессуального законодательства, что несомненно скажется на объективном разрешении спора и вынесении справедливого решения и непосредственно на реализации судебной защиты гражданских прав. Правильный выбор судопроизводства при подаче иска, имеющего материально-публичный характер, является важным составляющим для истца в связи с тем, что каждый из них использует различные специфичные для него основополагающие принципы. В гражданском судопроизводстве одним из основных принципов является равенство прав истца и ответчика, тогда как в административном судопроизводстве государственному органу определено больше обязанностей, в том числе и бремя доказывания по делу. Неправильный выбор суда для рассмотрения спора может привести к нарушению прав истца, лишению его возможностей, которые могли быть ему предоставлены иным процессуальным законодательством. Исковое заявление о недвижимом имуществе, к примеру земельного участка, согласно гражданско-процессуального законодательства, должно быть подано по месту нахождения земельного участка. Подобный иск в административном судопроизводстве рассматривается по месту нахождения административного ответчика либо по месту, где был издан акт органа государственного управления [1, ст. 106]. Если основанием появления правоотношений явилось принятие акта или решения органа государственного управления, и правоотношения являются публично-правовыми, судебная защита должна осуществляться административным судопроизводством [15]. На практике возможны случаи отказа судами принятия искового заявления по при-

чине неподсудности, что влечет нарушение права истца на судебную защиту.

Специфика административных правоотношений устанавливает содержание требований, прописываемых в административном иске, и процессуальные отличия при его рассмотрении. Активная позиция судебного органа, реализация принципа состязательности сторон судопроизводства административный иск выступает в качестве универсального средства защиты, как и увеличение правовых гарантий по отношению к ним, могут быть достигнуты посредством вынесения различных исковых способов защиты прав и интересов участников правоотношений [16]. Поэтому закрепление в национальном законодательстве положений об исковой форме защиты прав участников административного правоотношений будет способствовать обеспечению прав и законных интересов субъектов публичных правоотношений. Применение процессуального инструмента как иск позволит гражданам и юридическим лицам использовать все процессуальные способы защиты, как изменение предмета или основания иска, медиация [17].

Таким образом, представленная в Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан классификация административных исков может быть усовершенствована следующим образом:

- административные иски о принуждении;
- административные иски о признании;
- преобразовательные иски;
- административные иски об оспаривании.

Наличие в национальном законодательстве различных дефиниций для обозначения института «третьих лиц», уточнение и дополнение в реализации процессуального правопреемства ненадлежащего ответчика и его замены при возникновении подобной ситуации требует изменений и дополнений в законодательный акт. Реализация конституционного принципа защиты прав граждан в отношении актов органов государственного управления, которые могут ущемлять данные права, требует введения положений в текст Кодекса в связи с отсутствием положений, указывающих порядок рассмотрения административных дел об оспаривании решений, действующих и имеющих силу актов административных органов.

В настоящее время административный иск выступает в качестве универсального средства защиты публичных материальных прав субъектов административных правоотношений. основополагающие принципы административного судопроизводства наравне с равноправием сторон, должны дополняться диспозитивностью и применением правовых гарантий по отношению к субъектам, не наделенным властными признаками. Вышеуказанные положения будут способствовать эффективному разрешению административных дел, реализации публичных правоотношений, росту доверия субъектов общественных отношений к системе государственной власти и административным судам.

Литература

1. Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» (не введен в действие) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.07.2020 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061
3. Зеленцов А.Б. Понятие и виды административного иска // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2005. – № 5. – С.19 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-administrativnogo-iska>
4. Ярков В.В. Административное судопроизводство // 2015 // <http://be5.biz/pravo/a001/6.html>
5. Осокина Г.Л. Иск: теория и практика. – М., 2000.
6. Попова Ю.А. Административное судопроизводство в системе судов общей юрисдикции // Государство и право. – 2002. – № 5. – С.19 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-administrativnogo-iska>
7. Тунина Н.А. Административный иск как средство защиты нарушенного публичного права // Автореферат. – 2011 // <https://www.dissercat.com/content/administrativnyi-isk-kak-sredstvo-zashchity-narushennogo-publichnogo-prava>
8. Гражданское процессуальное право: Учебник // Под ред. М.С. Шакарян. – М.: Изво-проспект, 2004.
9. Яковлева А.П. К вопросу об административном иске как форме защиты права // Международный научно-исследовательский журнал. – 2006 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativnom-iske-kak-forme-zashchity-prava>
10. Абрамов С.Н. Гражданский процесс: Хрестоматия // Под ред. М.К. Треушникова. – М., изд. дом «Городец», 2005.
11. Гражданский процесс: Хрестоматия // Под ред. М.К. Треушникова. – М., изд. дом «Городец», 2005.
12. Гурвич М.А. Избранные труды // Краснодар: Совет. Кубань, 2006.
13. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V (с изменениями по состоянию на 10.01.2020 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34329053
14. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 № 235 – V (с изменениями и дополнениями от 16.01.2020 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399
15. Ефименко Е. ГПК или КАС: почему суды ошибаются в подсудности? // <https://pravo.ru/story/200551/>

16. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 24 декабря 2010 года № 20 «О некоторых вопросах применения судами норм главы 29 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 19.01.2018 г.) // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P100000020S>

CONTENT, FORMS AND TYPES OF AN ADMINISTRATIVE CLAIM IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Balabiyev K.R.

Mardan Saparbayev Institute

In this article, the author examines the essence and content of an administrative claim as a form of protecting the rights and interests of the subjects of public material legal relations, using universal logical and general scientific methods: special legal, formal legal and intersectoral. Opinions of academic lawyers about the distinctive features of this institution, as well as the provisions of the Administrative Procedural-Processual Code of the Republic of Kazakhstan, to be introduced in 2021, have been investigated on the topic under study. An attempt is made based on the Code to determine the composition of the subjects of administrative legal relations, to update the issue of applying procedural institutions and terms by both civil procedural and administrative-procedural legislation. The classification of administrative claims, determined by the legislator, is considered, the analysis of this division feasibility is carried out, and recommendations for its improvement are proposed. At the same time, it is determined that it is necessary to introduce the provisions of administrative claims into the legislative act that concern litigation of acts, actions (failure to act) of government bodies, officials and public officers in terms of the procedure for carrying out legal proceedings.

Keywords: administrative court, public law disputes, administrative claim, jurisdiction, civil procedural legislation.

References

1. Code of the Republic of Kazakhstan dated June 29, 2020 No. 350-VI "Administrative procedural code of the Republic of Kazakhstan" (not enacted) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264
2. The Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part), adopted by the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on December 27, 1994 with amendments and additions as of 03.07.2020) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061
3. Zelentsov A.B. The concept and types of an administrative claim // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences.– 2005. – No. 5. – C.19 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-administrativnogo-iska>
4. Yarkov V.V. Administrative proceedings // 2015 // <http://be5.biz/pravo/a001/6.html>
5. Osokina G.L. Lawsuit: theory and practice. – M., 2000.
6. Popova Yu.A. Administrative proceedings in the system of courts of general jurisdiction // State and Law.– 2002. – No. 5. – C.19 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-administrativnogo-iska>
7. Tunina N.A. Administrative claim as a means of protecting violated public law // Abstract.– 2011 // <https://www.dissercat.com/content/administrativnyi-isk-kak-sredstvo-zashchity-narushennogo-publichnogo-prava>
8. Civil procedural law: Textbook // Edited by M.S. Shakaryan. – M.: Izvo-prospect, 2004.
9. Yakovleva A.P. On the issue of an administrative claim as a form of protection of law // International Scientific Research Journal.– 2006 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativnom-iske-kak-forme-zashchity-prava>
10. Abramov S.N. Civil Procedure: A Reader // Ed. M.K. Treushnikov. – M., publishing house "Gorodets", 2005.
11. Civil Procedure: A Reader // Ed. M.K. Treushnikov. – M., publishing house "Gorodets", 2005.
12. Gurvich M.A. Selected Works // Krasnodar: Council. Kuban, 2006.
13. Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2015 No. 377-V (as amended as of January 10, 2020) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34329053
14. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses dated July 5, 2014 No. 235-V (with amendments and additions dated January 16, 2020) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399
15. Efimenko E. CPC or CAS: why courts are mistaken in jurisdiction? // <https://pravo.ru/story/200551/>
16. Regulatory resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated December 24, 2010 No. 20 "On some issues of the application by the courts of the norms of Chapter 29 of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan" (with amendments and additions dated 19.01.2018) // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P100000020S>
17. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2015 No. 231-V (as amended as of 07.07.2020) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852

Данилова Елена Валерьевна,

к.и.н., доцент, кафедра иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: alendan@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды одного из выдающихся юристов XIX–XX веков, члена Верховного суда США Оливера Уэнделла Холмса на Конституцию США.

Большое внимание уделяется нравственно-философскому аспекту, который имел для Холмса первостепенное значение при рассмотрении дел в Верховном суде. Он предлагал относиться к Конституции не как к догме, которой следует руководствоваться при принятии решения, и которая не имеет права на изменение, а как к живому организму, который имеет право на развитие, а значит, и на изменение, согласно текущим потребностям быстроменяющегося общества.

В российской историографии подобная тематика ранее не рассматривалась, хотя Холмс являлся не только признанным авторитетом в среде юристов и политиков, но и находился во главе правового реализма и юридического прагматизма в науке конституционного права.

В статье показано, как взгляды судьи Холмса на Конституцию США влияли на принятие им решений в Верховном суде. Отстаивая свою позицию, О.У. Холмс не боялся выступать ни против крупного капитала, ни против президента Соединенных Штатов Америки («Northern Securities Co. vs United States»).

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Верховный суд США, Конституция США, американское общество начала 20 века, Теодор Рузвельт, крупный капитал, монополии.

Судья Оливер Уэнделл Холмс стал членом Верховного суда Соединенных Штатов Америки в 1902 году, в то время, когда законодательная активность отражала изменяющиеся социальные концепции, стимулируемые технологическим прогрессом. Его деятельность на этом посту в полной мере показала независимость и самостоятельность судебной ветви власти в США на тот момент, а решения демонстрировали полное и всеобъемлющее понимание политико-экономической и социальной сферы жизни американского общества и государства.

Принимаемые Холмсом, в статусе Верховного судьи, решения демонстрировали понимание им традиций общего права при рассмотрении дел. Этот период ознаменовался слиянием банковского капитала с промышленным, трансформацией общества, как в социально-экономическом плане, так и в культурном, что представляет историческую ценность. Изменения не оставили в стороне и судебную ветвь власти страны. Холмс обладал уникальной способностью, в отличие от своих коллег, понимать всю глубину обсуждаемых в Верховном суде США вопросов и принимать решения, основываясь на своих нравственно-философских принципах [5, p.102] и концепции гибкости в принятии решений. Именно поэтому многие решения Холмса по рассматриваемым в Верховном суде проблемам, носят опережающий время характер. Необходимо отметить, что многократно судья Холмс выражал особое мнение юриста, которое не находило поддержки консервативного большинства членов Верховного суда.

В первые десятилетия XX века в Соединенных Штатах Америки получили широкое распространение идеи прагматизма и реализма, которые, в свою очередь, не обошли стороной и юридическую науку. «Движение от правового дарвинизма и спенсерианского эволюционизма к правовому реализму и юридическому прагматизму в науке конституционного права США связывалось с именами О.У. Холмса и Ф. Франкфуртера, которые одновременно были и судьями-практиками, и университетскими профессорами-теоретиками правового реализма в области конституционного права» [2, с.63]. О.У. Холмс заложил основу «одной из важнейших доктрин современного конституционного права США – доктрины судебного самоограничения при рассмотрении политических вопросов» [3, с.64].

Основываясь на понимании исторических процессов и необходимости применения философско-нравственного подхода к решению дел, рассматриваемых в Верховном суде США, О.У. Холмс утверждал, что Конституция – это не литератур-

ный документ или возможность юридической практики, а средство упорядоченной жизни прогрессивных людей [6, р.389]. Он осознавал, что Конституция США не отражала текущим требованиям населения, поскольку быть свободным политически не означает быть свободным экономически. Конституция не являлась к тому же гибким инструментом.

Холмс считал, что конституция США, также, как и сама жизнь – это эксперимент, поэтому следует избегать догматической точности при ее толковании, особенно ввиду «преднамеренной туманности» конституционных положений [4, р.IX]. Его кредо было убеждение в том, что конституционная система США зиждется на терпимости и что ее величайшим врагом является возведение любых суждений в абсолют [2, р.63].

По мнению Холмса, поспешное принятие законов способно затормозить развитие общества, так как в случае изменения политической либо иной конъюнктуры в стране, их упразднение или изменение представляется процессом крайне сложным и длительным. О.У. Холмс утверждал, что необходимо претворять в жизнь такие принципы, которые были бы актуальны всегда, а те, что носят временный характер, должны приниматься с большой осторожностью и не вводиться в ранг законов.

Став членом высшего судебного органа страны, судья Холмс столкнулся с большим объемом работы, затрагивающей государственные интересы. Это была проверка на прочность его позиций как гражданина, государственного деятеля, и как служителя Фемиды, честность и неподкупность которого вошли в легенды американского правосудия.

Политической власти необходимы судьи, которые владели бы историческими знаниями также хорошо, как и правовыми, так как на основе предыдущего опыта создается, анализируется и имплементируется в общество законодательная база. В конце XIX – начале XX веков США необходимы были судьи формата О.У. Холмса, которые не были подвержены ни социалистической, ни капиталистической идеологии и могли бы отстаивать свое мнение и влиять на принятие решений в Верховном Суде США согласно требованиям времени. Будучи уже членом Верховного суда США, судья Холмс выступил даже против позиции президента США Теодора Рузвельта в деле по “Northern Securities Company”. После этого он был охарактеризован как самый крупный диссидент в Верховном суде, а в общественном мнении он выглядел как радикальный судья-либерал, стремящийся к осуществлению прогрессивных реформ [1, с.30].

Дела, в рассмотрении которых принимал участие О.У. Холмс, несут отпечаток исторического пути Соединенных Штатов Америки. Первое дело судьи Холмса в Верховном суде США, «Отис против Паркера», необычно тем, что на самом высоком уровне были подняты вопросы морально-психологических издержек в правовом законода-

тельстве. Судья Холмс обвинил служителей правосудия из Калифорнии в одностороннем подходе выборного характера к разным отраслям экономики, прикрывавшихся принципом «различия между bona fide (честными) контрактами и авантюрными договорами» [12, р.137], что создавало по словам Холмса известный элемент спекуляций.

Кроме того, он выступил с резким неприятием подхода законодателей штата, которые руководствовались принципами устаревшей Конституции Калифорнии к развивающемуся бизнесу, провел глубокий структурный анализ ряда положений, которые представляли конкретно-исторический период и уже не имели своей актуальности. С его точки зрения, действия государственных мужей, прикрывавшихся устаревшими нормами закона, носили антигосударственный характер. Холмс заявил, что нет сомнения, что «ни государственная законодательная власть, ни государственная Конституция не могут произвольно препятствовать частному бизнесу или сделкам» [12, р.139].

В деле «Лохнер против Нью-Йорка», по которому Верховный суд США отказался утвердить закон о максимальном рабочем дне, судья Холмс высказал особое мнение, выступив за постановку человеческого фактора на центральное место и употребление логики как инструмента юридических проблем. Впервые в истории американского правосудия член Верховного суда выступил с предложением об урегулировании рабочего законодательства, отношений между работодателем и работником, выраженных в ограничении рабочего времени, что, в свою очередь, нарушает 14 поправку к Конституции США. Особое мнение Холмса по этому делу стало самым знаменитым мнением юриста во всей американской истории права, давшее начало новому этапу правовой практики, известной как эра Лохнера, за время которой Верховный суд впервые стал выносить решения, признающие недействительными федеральные законы и законы штатов, направленные на регулирование условий труда [7, р.450].

Период, который был озаглавлен приходом к власти президента Теодора Рузвельта, положил начало борьбе демократических преобразований в американском обществе. В основе реализации этих преобразований лежало экономическое возрождение, которое сопровождалось борьбой старого устоявшегося порядка и новых идей. Порой эта борьба принимала формы жесткого противостояния, которые можно смело отнести к элементам революционного прорыва.

За период правления президента Т. Рузвельта, судья Холмс принимал участие в рассмотрении около 5 тыс. дел. Среди них особое место занимает дело о “Northern Securities Company”. Нравственно-философский аспект явился камнем преткновения между членом Верховного суда США Холмсом и президентом страны Рузвельтом. Несмотря на то, что Холмс уважал требования народных масс и делал шаги в социальном законодательстве, он также не был негативно настроен и против круп-

ных монополистов, полагая, что любая компания, если ее деятельность не наносит вреда государству и обществу, имеет право на существование. В деле о “Northern Securities Company” Холмс полностью разделял точку зрения Теодора Рузвельта о недопустимости громадного влияния одной монополии на весь северо-запад страны, и, в связи с этим, потери контроля государства путем присвоения этой монополией государственных функций [8, p.167]. До последнего момента президент был уверен, что по делу будет принято правильное решение, поскольку, вне всякого сомнения, эта монополия приобрела бы колоссальное, стратегически важное положение в экономике страны, которое к тому же сулило баснословные прибыли сравнительно небольшое группе людей.

Однако Холмс не пошел в этом деле вразрез со своими убеждениями и собственной нравственной философией. В своем письме к английскому юристу, сэру Фредерику Поллоку он писал: «Конечно, я могу использовать любые конституционные законы Конгресса <...> для решения этой проблемы и сделаю все возможное, приложив все свое умение, но я не могу маскировать мои убеждения, что акт Шермана является обманом, основанном на экономическом игнорировании и некомпетенции» [9, p.163].

Выступая в Верховном суде США по этому делу, Холмс заявил, что великие дела, подобно трудным делам, создают отвратительное законодательство. Великие дела называются великими не по причине их реальной значимости в формировании законодательной базы, работающей не только на настоящее, но и на будущее, но потому, что есть случаи, непосредственно уничтожающие интерес, который вызывает к чувствам и искажает суждения. Этот непосредственный интерес производит своего рода гидравлическое давление, которое делает то, что прежде казалось сомнительным, и что даже хорошо известные и установившиеся принципы деятельности человечества, отраженные в законодательных актах, в будущем будут деформироваться [11, p.164].

О.У. Холмс высказал свое знаменитое несогласие, потому что не смог переступить через свою нравственность даже тогда, когда решались такие судьбоносные для его страны дела. Прежде всего он оставался юристом, философом и Человеком.

Именно в таком духе высказался французский государственный деятель, историк и литератор Алексис де Токвиль в своем труде «Демократия в Америке»: «Федеральные судьи должны быть не только добропорядочными гражданами, людьми просвещенными и честными, они должны быть также и государственными деятелями, обязанными понимать дух своего времени. Если же Верховный суд когда-нибудь окажется сформированным из людей неосторожных, либо продажных, то федерации следует опасаться либо анархии, либо гражданской войны» [3, pp.128–129].

Теодор Рузвельт вторил де Токвилю, что «судьи Верховного суда должны быть не только крупными

юристами, но и великими конструктивными государственными деятелями» [10, p.252].

На посту члена Верховного суда США Холмс проработал более тридцати лет, и никогда не шел в разрез со своими убеждениями, со своими нравственно-философскими принципами. Он являлся непримиримым противником «преднамеренной туманности» законов, позволяющих по-разному трактовать то или иное судебное разбирательство и придерживался той точки зрения, что Конституция представляет собой то, как интерпретирует ее Верховный суд, а это в свою очередь может привести к непредсказуемым последствиям. Именно против такого рода проявлений и направлял свою деятельность Оливер Уэнделл Холмс.

Холмс не был предвзят в вынесении того или иного решения. Выступая за интересы бизнеса, он находил воодушевленное одобрение верхушки капитала страны, истеблишмента и бизнесменов. Отстаивая интересы рабочих, он рассматривался либерально настроенной частью населения страны как радикал. На практике Холмс не представлял интересы какой-либо из политических сил, а руководствовался собственными нравственно-философскими идеями, которые он претворял в жизнь, занимая должность члена Верховного суда США.

Литература

1. Данилова Е.В., Данилов В.А. Жизнь и деятельность членов Верховного суда США Оливера Уэнделла Холмса (1841–1935) и Феликса Франкфуртера (1882–1965): монография – Москва: РУСАЙНС, 2019. – 186 с.
2. Егоров С.А. Современная наука конституционного права США. М.: Наука, 1987, 190 с.
3. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с фр., М.: Прогресс, 1992. 554 с.
4. Bowen C.D. Yankee from Olympus. N.Y., 1944. XI, 434 p.
5. Dr. Elena Danilova, Dr. Vitaly Danilov. Formation of moral and philosophical principals of O.W. Holmes. NORDSCI International Conference On Social Sciences. 2019. Book 1. Vol. 2, 97–103 pp., URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/32dbef_7f0a2551a30f4212ad55ec2380b60f0e.pdf?index=true
6. F. Frankfurter on the Supreme Court. Extrajudicial Essays on the Court and the Constitution. Cambridge, Mass., 1970. X, 572 p.
7. Hamilton. Freedom of Contract, Encyclopedia of the Social. Sciences (ed. Seligman, 1931), Vol. 6, pp. 450–455
8. Holmes O.W. Collected Legal Papers. N.Y., 1920. VII, 316 p.
9. Holmes-Pollock Letters. The Correspondence of Mr. Justice Holmes and sir Frederick Pollock. 1874–1932. 2 vol. in one. Cambridge: Harvard university press, 1961. XXII, 275, 359 p.
10. Silas Bent. Justice Oliver Wendell Holmes: A Biography. N.Y., 1932. XI, 386 p.
11. The Dissenting Opinions of Mr. Justice Holmes. N.Y., 1929. XVIII, 314 p.

12. The mind and Faith of Justice Holmes. // His Speeches, Essays, Letters and Judicial Opinions. Boston, 1945. XLIX, 471 p.

U.S. SUPREME COURT JUSTICE O.W. HOLMES' VIEWS ON THE CONSTITUTION

Danilova E.V.

Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the views of one of the outstanding lawyers of the 19th and 20th centuries, a member of the Supreme court of the United States Oliver Wendell Holmes on the US Constitution.

Much attention is paid to the moral and philosophical aspect, which was of paramount importance for Holmes when considering cases in the Supreme court. He suggested that the Constitution should not be treated as a dogma that should guide decision-making and that does not have the right to change, but as a living organism that has the right to develop, and therefore to change, according to the current needs of a rapidly changing society.

In Russian historiography, this topic has not been considered before, although Holmes was not only a recognized authority among lawyers and politicians, but also was at the head of legal realism and pragmatism in the science of constitutional law.

The article shows how judge Holmes's views on the US Constitution influenced his decision – making in the Supreme court. In defending his position, Oliver Wendell Holmes was not afraid to speak out against either big capital or the President of the United States of America ("Northern Securities Co. vs United States").

Keywords: United States of America, U.S. Supreme court, U.S. Constitution, early 20th century American society, Theodore Roosevelt, big capital, monopolies.

References

1. Danilova E.V., Danilov V.A. The life and work of members of the US Supreme Court Oliver Wendell Holmes (1841–1935) and Felix Frankfurter (1882–1965): monograph – Moscow: RUSYNS, 2019. – 186 p.
2. Egorov S.A. Modern science of US constitutional law. Moscow: Nauka, 1987, 190 p.
3. Tocqueville Alexis de. Democracy in America: Per. from fr., M.: Progress, 1992.554 p.
4. Bowen C.D. Yankee from Olympus. N.Y., 1944. XI, 434 p.
5. Dr. Elena Danilova, Dr. Vitaly Danilov. Formation of moral and philosophical principals of O.W. Holmes. NORDSCI International Conference On Social Sciences. 2019. Book 1. Vol. 2, 97–103 pp., URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/32dbef_7f0a2551a-30f4212ad55e_c2380b60f0e.pdf?index=true
6. F. Frankfurter on the Supreme Court. Extrajudicial Essays on the Court and the Constitution. Cambridge, Mass., 1970. X, 572 p.
7. Hamilton. Freedom of Contract, Encyclopedia of the Social Sciences (ed. Seligman, 1931), Vol. 6, pp. 450–455
8. Holmes O.W. Collected Legal Papers. N.Y., 1920. VII, 316 p.
9. Holmes-Pollock Letters. The Correspondence of Mr. Justice Holmes and sir Frederick Pollock. 1874–1932. 2 vol. in one. Cambridge: Harvard university press, 1961. XXII, 275, 359 p.
10. Silas Bent. Justice Oliver Wendell Holmes: A Biography. N.Y., 1932. XI, 386 p.
11. The Dissenting Opinions of Mr. Justice Holmes. N.Y., 1929. XVIII, 314 p.
12. The mind and Faith of Justice Holmes. // His Speeches, Essays, Letters and Judicial Opinions. Boston, 1945. XLIX, 471 p.

Правовые механизмы противодействия финансированию терроризма в Европейском союзе

Котляров Иван Иванович,

заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: ikotlyarov@mail.ru

Террористические акты в любых проявлениях представляют собой одну из наиболее серьезных угроз миру и безопасности, нарушая такие общечеловеческие ценности, как равенство, солидарность, обеспечение прав человека и основных свобод, и подрывая принципы демократии и верховенства права. Террористические организации, получая финансирование из широкого круга источников, используют незаконные средства для совершения террористических актов, поддержания и развития своей деятельности. Противодействие финансированию терроризма является одним из главных приоритетов современной стратегии внутренней безопасности ЕС, что сосредоточило усилия институтов ЕС на укреплении данной сферы и привело к полному обновлению правовых основ противодействия финансированию терроризма в ЕС, обеспечивающих гармонизацию национальных законодательств государств-членов ЕС. Новые правила адаптированы к конкретным угрозам, рискам и уязвимостям, с которыми сталкиваются государства-члены ЕС в настоящее время, учитывают современные тенденции и технологии, используемые преступниками для незаконного движения финансовых средств. В статье проведен анализ актуальных правовых механизмов противодействия финансированию терроризма в Европейском Союзе с выявлением ключевых аспектов, направленных на обеспечение единого режима противодействия финансированию терроризма на территории ЕС.

Ключевые слова: противодействие финансированию терроризма, отмывание денежных средств, Европейская система финансового надзора, Европейский Союз, финансовые интересы ЕС, европейское право, ПОД/ФТ.

Начиная с 2015 г. государства ЕС подверглись ряду террористических атак, в частности, наиболее громкие теракты были совершены в Париже: захват заложников в магазине 7–9 января 2015 г. и нападение на полицейских, расстрел членов редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо» 17 января 2015 г., взрывы вблизи стадиона «Стад де Франс» и расстрел посетителей ресторанов зрителей в концертном зале «Батаклан» 13–14 ноября 2015 г., громкие теракты во Франции, Бельгии и Германии 2016 г., ответственность за которые взяла на себя международная террористическая организация «Исламское государство» [1].

Последовательность террористических атак и невосполнимые потери выявили необходимость принятия институтами ЕС дальнейших мер по совершенствованию борьбы с финансированием терроризма (далее – ФТ), что было подчеркнуто в коммюнике Европейской комиссии «Европейская повестка дня по безопасности» [2] от 28 апреля 2015 г. Обозначенное коммюнике легло в основу заключений Совета ЕС от 16 июня 2015 г., определивших «Стратегию внутренней безопасности ЕС на период 2015–2020 гг.» [4], где противодействие финансированию терроризма было определено одним из ключевых приоритетов, что сосредоточило усилия институтов ЕС на укреплении данной сферы.

С 2015 г. институты ЕС полностью обновили нормативно-правовую базу в сфере противодействия финансированию терроризма, новые инструменты учитывают рекомендации, принятые Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) 2012 г. и более масштабны по ряду вопросов, направленных на продвижение самых высоких стандартов борьбы с финансированием терроризма.

Директива (ЕС) 2015/849 Европейского парламента и Совета ЕС от 20 мая 2015 г. «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма, дополняющая Регламент (ЕС) № 648/2012 Европейского парламента и Совета, отменяющая Директиву 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета и Директиву Комиссии 2006/70/ЕС» [5] (англ. 4th Anti-Money Laundering Directive; далее – 4 АМЛ) установила новые стандарты защиты финансовой системы ЕС от отмывания денежных средств и финансирования терроризма (далее – ОДС/ФТ), которые были дополнительно усилены Директивой (ЕС) 2018/843 Европейского парламента и Совета от 30 мая 2018 г. «О внесении поправок в Директиву (ЕС) 2015/849 о предот-

вращении использования финансовой системы для целей отмыывания денег или финансирования терроризма и изменении Директив 2009/138/ЕС и 2013/36/ЕС» (далее – 5 АМЛ) [6].

Названные инструменты обязывают государства-члены ЕС ввести запрет на отмыывание денежных средств и финансирование терроризма (далее – ОДС/ФТ) в национальных законодательствах. Под «финансированием терроризма» понимается «предоставление или сбор средств любыми способами, прямо или косвенно, с намерением их использования или осознанием того, что они будут использоваться, полностью или частично, в целях совершения любого из террористических преступлений, преступлений, связанных с террористической группой, и преступлений, связанных с террористической деятельностью».

Посредством возложения обязательств на субъекты, участвующие в финансовых операциях на территории ЕС, рассматриваемые директивы АМЛ позволяют предотвращать и выявлять незаконную деятельность, направленную на ОДС/ФТ.

К обязанным субъектам Директива 4 АМЛ относит: 1) кредитные и 2) финансовые институты, а также 3) физические или юридические лица, связанные с финансовыми операциями, а именно а) аудиторы, внешние бухгалтеры, налоговые консультанты, и любые другие лица, которые обязуются предоставлять, прямо или через посредников, материальную помощь, помощь или консультации по налоговым вопросам в качестве основного бизнеса или профессиональной деятельности; б) нотариусы и иные независимые юристы, участвующие от имени и в пользу своего клиента в любой финансовой сделке или сделке с недвижимостью, или оказывающие помощь в планировании или проведении операций клиента; в) агенты по недвижимости; г) иные лица, торгующие товарами, когда суммы операций превышают 10 тыс. евро; д) поставщики игорных услуг. Директива 5 АМЛ дополнительно включила такие субъекты, как: е) провайдеры, предоставляющие услуги обмена между виртуальными (Цифровое представление валюты, которое не выпущено или не гарантировано центральным банком или государственным органом, не обязательно привязано к законно установленной валюте и не имеет юридического статуса валюты или денег, но принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена, и может передаваться, храниться и продаваться в электронном виде // Official Journal № L 156, 19.06.2018, р. 43–74.) и фиатными валютами; ж) провайдеры кастодиальных кошельков (Организации, предоставляющие услуги по защите частных криптографических ключей от имени своих клиентов, для хранения и передачи виртуальных валют // Ibid.); з) лица, торгующие произведениями искусства или действующие в качестве посредников, когда стоимость сделки составляет 10 000 евро или более; и) лица, хранящие, торгующие произведениями искусства или

выступающие в качестве посредников, когда это осуществляется через свободные порты, если стоимость сделки составляет 10 000 евро или более.

В рамках Директив АМЛ заложен подход, основанный на оценке рисков ОДС/ФТ в целях выявления тех направлений противоправной финансовой деятельности, которым следует уделять первоочередное значение. На Еврокомиссию возложены обязательства проведения наднациональной оценки рисков ОДС/ФТ, затрагивающих внутренний рынок ЕС и связанных с трансграничной деятельностью, а также публикации соответствующих отчетов.

Государства-члены ЕС, в свою очередь, должны проводить национальную оценку рисков ОДС/ФТ, основываясь на результатах отчетов Еврокомиссии, и поддерживать ее в актуальном состоянии. Для координации национальных мер реагирования на выявленные риски, каждое государство-член ЕС обязано назначить специальный орган или создать соответствующий механизм.

Рассматриваемые директивы АМЛ налагают на обязанные субъекты обязательства проведения внутренней оценки рисков ОДС/ФТ, основываясь на факторах риска, которые относятся к их клиентам, государствам или географическим регионам, продуктам, услугам, транзакциям или каналам доставки. Соответствующая оценка рисков должна быть актуальной, отражена в документах и предоставляться компетентным органам по их запросу. Государства-члены должны обеспечить введение обязанными субъектами необходимых средств контроля, снижения и эффективного управления рисками ОДС/ФТ.

Директива 4 АМЛ закрепила требование проверки обязанными субъектами личности клиента и бенефициарного собственника (лицо, которое владеет средствами или контролирует клиента, либо от имени которого проводится транзакция, *прим. авт.*) до установления деловых отношений или проведения сделки. Государства-члены должны хранить информацию о бенефициарных собственниках всех корпоративных и других юридических лиц, зарегистрированных на их территории, в единых национальных центральных реестрах. Директива 5 АМЛ обязала государства-члены обеспечить публичный доступ к информации о бенефициарных собственниках, хранящейся в реестре.

Обязанные субъекты должны проводить комплексную процедуру проверки «дью-дилидженс» (пер. «должная осмотрительность») клиентов в целях сбора объективной информации при установлении деловых отношений, при проведении случайной операции на сумму превышающей 15 тыс. евро, осуществлении перевода на сумму более 1000 евро, а также при любых подозрениях на ОДС/ФТ и сомнениях в достоверности ранее полученных идентификационных данных клиента.

Директива 5 АМЛ дополнительно обязала государства-члены ЕС запретить своим кредитным и финансовым учреждениям вести анонимные счета, анонимные сберегательные книжки или

анонимные депозитные ячейки. Также был снижен порог, при котором поставщики финансовых услуг обязаны идентифицировать транзакции, совершаемые посредством электронных денег с предоплаченных карт. Анонимное использование предоплаченных карт теперь разрешено только 1) при оплате товаров или услуг на сумму ниже 150 евро (ранее пороговое значение составляло 250 евро); 2) при погашении или снятии наличных с карты на сумму менее 50 евро, или совершении дистанционных транзакций на сумму менее 50 евро.

Более того, анонимные предоплаченные карты, выпущенные за территорией ЕС, могут быть использованы только по соответствию требованиям законодательства ЕС. Таким образом, обязанные субъекты должны отказываться от платежей, произведенных с помощью карт из третьих государств, чьи режимы противодействия ОДС/ФТ не соответствуют стандартам ЕС.

Директива 4 АМЛ усилила требования к обязанным субъектам в отношении деловых отношений с «политически значимыми лицами» (физические лица, выполняющие важные государственные функции). В дополнение к обычной процедуре проверки клиента они обязаны: получить одобрение высшего руководства на установление или продолжение деловых отношений с такими лицами; принять меры в целях установления источника средств, использующихся в деловых отношениях или сделках с такими лицами; проводить усиленный и постоянный мониторинг таких деловых отношений. Согласно Директиве 5 АМЛ Еврокомиссия обязуется вести и публиковать единый список важных государственных функций, что теперь позволяет четко определить категорию политически значимых лиц.

Также Директива 4 АМЛ ужесточила требования в отношении финансовых операций с государствами, не входящими в состав ЕС. Теперь в целях защиты внутреннего рынка ЕС Еврокомиссия уполномочена выявлять и обозначать государства с высоким уровнем риска, которые имеют серьезные недостатки в регулировании противодействия ОДС/ФТ. Присутствие клиентов из таких государств может стать серьезным бременем для обязанных субъектов, требуя дополнительных мер контроля.

В целях надлежащего функционирования режима ОДС/ФТ и выявления незаконных финансовых операций Директива 4 АМЛ предусматривает создание в государствах-членах ЕС специальных Подразделений финансовой разведки (далее – ПФР), обладающих автономностью и независимостью. Основными задачами ПФР являются: запрос, получение и анализ сообщений о подозрительных транзакциях и информации, имеющей отношение к ОДС/ФТ, а также передача данных анализа компетентным органам государств-членов ЕС в целях дальнейшего расследования. Государства-члены ЕС обязаны обеспечить, чтобы ПФР имели доступ к финансовой, административной и информации из правоохранительных органов, необходимой для

выполнения их задач, а также к национальным реестрам о бенефициарной собственности.

Обязанные субъекты своевременно по собственной инициативе должны информировать ПФР, когда есть основания подозревать, что активы являются результатом преступной деятельности, а также отвечать на запросы ПФР. О любых подозрительных транзакциях, а также их попытках, должно быть сообщено в ПФР, независимо от их суммы.

Директива 5 АМЛ обязала государства-члены ЕС создать централизованные реестры банковских счетов или системы поиска данных, позволяющие своевременно идентифицировать лиц, владеющих банковскими и платежными счетами и сейфами, а также обеспечить прямой доступ ПФР к таким реестрам.

Новая Директива (ЕС) 2019/1153 Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 г. «Об установлении правил, облегчающих использование финансовой и иной информации в целях предотвращения, выявления, расследования и уголовного преследования за определенные уголовные преступления, и отмене Решения Совета 2000/642/ЈНА» [7] наделила компетентные органы, осуществляющие деятельность по предотвращению, выявлению, расследованию или уголовному преследованию за совершение преступлений, правом незамедлительного прямого доступа и поиска информации о банковских счетах в национальных централизованных реестрах банковских счетов или системах поиска данных, созданных в соответствии с Директивой 5 АМЛ, когда это необходимо для выполнения их задач в целях предотвращения, обнаружения, расследования или уголовного преследования за серьезные преступления, включая ОДС/ФТ.

Названная директива дополнительно усилила координацию ПФР и правоохранительных органов, обязав государства-члены ЕС обеспечить: 1) чтобы их компетентные органы своевременно отвечали на запросы ПФР и предоставляли оперативную информацию, когда это необходимо в целях борьбы с ОДС/ФТ; 2) право ПФР обмениваться финансовой информацией и финансовым анализом между подразделениями, который может иметь отношение к обработке информации, имеющей отношение к ОДС/ФТ, 3) обмен финансовой информацией или финансовым анализом, полученным от ПФР, между компетентными органами государств-членов, если это необходимо для предотвращения, обнаружения и борьбы с ОДС/ФТ.

Согласно положениям Директив АМЛ в государствах-членах ЕС должны быть установлены Надзорные органы по борьбе с отмыиванием денег, уполномоченные осуществлять мониторинг и контроль над деятельностью обязанных субъектов. Государства-члены ЕС обязаны обеспечить координацию и сотрудничество ПФР, надзорных, налоговых, правоохранительных и других компетентных органов, участвующих в противодействии ОДС/ФТ. Компетентные органы финансового над-

зора государств-членов ЕС должны выступать контактными лицами с Европейской системой финансового надзора (Европейская служба банковского надзора, Европейское управление по надзору за рынком ценных бумаг, Европейская организация страхования и пенсионного обеспечения; далее – ЕСФН).

Полномочия ЕСФН недавно были усилены дополняющим Регламентом (ЕС) 2019/2175 Европейского парламента и Совета от 18 декабря 2019 г., который наделил ЕСФН полномочиями по руководству, координации и мониторингу деятельности всех операторов финансового сектора и компетентных органов ЕС в сфере ОДС/ФТ [8]. ЕСФН должна создать централизованную базу данных, где будет храниться информация о рисках ОДС/ФТ и недостатках деятельности операторов финансового сектора, выявленных компетентными органами, в масштабах всего ЕС, проводить оценку рисков в компетентных органах и, при необходимости, обращаться к властям государств-членов ЕС с просьбой провести расследование и рассмотреть возможность принятия мер в отношении отдельных финансовых институтов.

Таким образом, режим противодействия ОДС/ФТ ЕС усилен двойной системой надзора, что позволит обеспечить надлежащий контроль за деятельностью финансовых операторов ЕС.

Полномочия по мониторингу соблюдения директив АМЛ государствами-членами ЕС возложены на Еврокомиссию. К 11 января 2022 и каждые последующие три года Еврокомиссия должна предоставить доклад Европарламенту и Совету ЕС о ходе выполнения положений директив, мерах и механизмах, введенных государствами-членами ЕС, что позволит обеспечить соблюдение режима ОДС/ФТ ЕС и устранять выявленные недостатки.

Положения директив ЕС обязательны к имплементации государствами-членами ЕС в полном объеме, при нарушении Еврокомиссия уполномочена инициировать процедуру невыполнения обязательств государствами-членами ЕС посредством передачи дела на рассмотрение в Суд ЕС, которая позволяет привлекать государства-члены ЕС к материальной ответственности за несоблюдение права ЕС (ст. 258–260 Договора о функционировании ЕС [3]).

В целях противодействия ОДС/ФТ контроль переводов денежных средств на территории ЕС дополнительно регулируется Регламентом (ЕС) 2015/847 Европейского парламента и Совета от 20 мая 2015 г. «Об информации, сопровождающей переводы средств, и отмене Регламента (ЕС) № 1781/2006» [9]. Названный инструмент устанавливает правила, касающиеся информации о плательщиках и получателях, сопровождающей переводы денежных средств в любой валюте, если хотя бы один из поставщиков платежных услуг, участвующих в переводе, учрежден в ЕС.

Согласно документу поставщики платежных услуг обязаны обеспечить, чтобы переводы денежных средств содержали следующую информацию

о плательщике: 1) имя; 2) номер платежного счета; 3) адрес, номер официального личного документа плательщика, идентификационный номер клиента или дату и место рождения, а также обязательную информацию о получателе платежа: 1) имя получателя и 2) номер платежного счета получателя. При отсутствии платежного счета, поставщик платежных услуг плательщика должен гарантировать, что перевод средств сопровождается уникальным идентификатором транзакции.

В случае отсутствия необходимой информации, либо неверного заполнения, поставщик платежных услуг получателя обязан отклонить перевод или запросить необходимую информацию. Если поставщик платежных услуг плательщика неоднократно не предоставляет требуемую информацию о плательщике или получателе платежа, поставщик платежных услуг получателя должен сообщить об этом себе и предпринятых шагах в компетентный орган, ответственный за мониторинг соблюдения положений ОДС/ФТ. Те же правила установлены для поставщиков платежных услуг – посредников, которые получают и отправляют переводы денежных средств от имени поставщика платежных услуг плательщика, получателя или другого поставщика – посредника.

Записи с информацией о плательщике и получателе платежа должны храниться поставщиками платежных услуг в течение 5 лет.

Таким образом, установленные правила обеспечивают прозрачность при переводе денежных средств, осуществляемые поставщиками платежных услуг, зарегистрированными на территории ЕС, тем самым помогая правоохранительным органам отслеживать транзакции, направленные на финансирование терроризма, и выявлять преступников.

В целях контроля движения наличных денежных средств на территории ЕС, дополнения положений Директивы 5 АМЛ и укрепления режима противодействия ОДС/ФТ ЕС Европейским парламентом и Советом ЕС был принят новый Регламент (ЕС) 2018/1672 от 23 октября 2018 г. «О контроле за ввозом или вывозом наличных денежных средств из Союза, заменивший Регламент (ЕС) 1889/2005» [10].

Как и предыдущий инструмент, новый Регламент 2018/1672 обязывает физических лиц, прибывающих или покидающих ЕС, декларировать наличные денежные средства на сумму 10 тыс. евро и более, а также предъявлять их для контроля. Однако одним из ключевых нововведений является определение «наличных денежных средств». Теперь оно включает такие категории, как 1) валюта, 2) оборотные инструменты на предъявителя (например, чеки или денежные переводы), 3) товары, используемые в качестве высоколиквидных средств сбережения (например, золотые монеты или самородки), 4) предоплаченные карты.

Более того, теперь компетентные органы государств-членов ЕС вправе требовать от отправителя или получателя несопровождаемых де-

нежных средств (на сумму 10 тыс. евро и более) раскрытия информации посредством декларации в течение 30 дней. Это касается, например, наличных денег, отправленных в почтовых посылках, курьерскими отправлениями, в несопровожаемом багаже или в контейнерных грузах.

Все декларации в обязательном порядке должны содержать полную информацию о владельцах, отправителях, происхождении, источника и предполагаемой цели использования денежных средств. При неполном заполнении декларации компетентные органы должны самостоятельно составлять декларацию с внесением всей необходимой информации. Новые правила обязывают компетентные органы направлять все декларации и зарегистрированную информацию в ПФР своих государств-членов ЕС.

В целях выполнения положений Регламента компетентные органы государств-членов ЕС вправе проводить проверки физических лиц, багажа, транспортных средств, емкостей и любых грузов. При невыполнении обязательств по декларированию денежных средств, либо когда есть основания полагать, что они связаны с ОДС/ФТ, независимо от суммы, компетентные органы вправе временно задержать наличные деньги посредством административного решения на срок до 90 дней, а также обязаны направить эту информацию компетентным органам всех государств-членов ЕС. А в случаях, когда предполагаемая преступная деятельность, связанная с перевозимыми денежными средствами, затрагивает финансовые интересы ЕС, информация должна быть передана в Европейскую комиссию, Европейскую прокуратуру и Европол.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время правовые механизмы противодействия финансированию терроризма ЕС усилены посредством:

1. Постоянной согласованной оценки рисков ОДС/ФТ, проводимой Европейской комиссией, государствами-членами ЕС, а также кредитными и финансовыми учреждениями ЕС, позволяющей выявлять наиболее уязвимые для ОДС/ФТ сектора, требующие первостепенного внимания.
2. Повышения прозрачности финансовых транзакций на территории ЕС посредством централизованных национальных реестров бенефициарной собственности и национальных банковских реестров с предоставлением прямого доступа Подразделениям финансовой разведки.
3. Запрета финансовым и кредитными учреждениям вести анонимные счета, анонимные сберегательные книжки или анонимные депозитные ячейки, проводить анонимные переводы денежных средств с предоплаченных карт на сумму свыше 50 евро, а также взаимодействовать с государствами, чьи режимы ОДС/ФТ не соответствуют стандартам ЕС.
4. Тщательных проверок клиентов «дью-дилиженс» финансовыми и кредитными учреждени-

ями, в особенности при случайных операциях на сумму свыше 15 тыс. евро, переводах свыше 1 тыс. евро, в отношении политически значимых лиц.

5. Введения контроля за движением виртуальных, фиатных валют, кастодиальных кошельков, денежных переводов любыми поставщиками платежных услуг, учрежденными на территории ЕС, а также движения наличных денежных средств, ввозимых и вывозимых из ЕС.
6. Укрепления полномочий Подразделений финансовой разведки и Европейской системы финансового надзора.
7. Обеспечения координации ЕСФН, ПФР, надзорных, налоговых, правоохранительных и других компетентных органов, участвующих в противодействии ОДС/ФТ.

Литература

1. Долгов Б.В. Терроризм в Европе: Причины возникновения, практика и глобальный аспект // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 15–34.
2. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the regions: The European Agenda on Security // COM (2015) 185 final, Strasbourg, 28.04.2015.
3. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the EU, № C 202, 07.06.2016, p. 1–388.
4. Council of the EU. Draft Council Conclusions on the Renewed European Union Internal Security Strategy 2015–2020 // Council doc. 9798/15, Brussels, 10.06.2015.
5. Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing // Official Journal of the EU, № L 141, 05.06.2015, p. 73–117.
6. Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU // Official Journal № L 156, 19.06.2018, p. 43–74.
7. Directive (EU) 2019/1153 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 laying down rules facilitating the use of financial and other information for the prevention, detection, investigation or prosecution of certain criminal offences, and repealing Council Decision 2000/642/JHA // Official Journal of the EU, № L 186, 11.07.2019, p. 122–137.
8. Regulation (EU) 2019/2175 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2019 amending Regulation (EU) No 1093/2010

establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority), Regulation (EU) No 1094/2010 establishing a European Supervisory Authority (European Insurance and Occupational Pensions Authority), Regulation (EU) No 1095/2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), Regulation (EU) No 600/2014 on markets in financial instruments, Regulation (EU) 2016/1011 on indices used as benchmarks in financial instruments and financial contracts or to measure the performance of investment funds, and Regulation (EU) 2015/847 on information accompanying transfers of funds // Official Journal of the EU, № L 334, 27.12.2019, p. 1–145.

9. Regulation (EU) 2015/847 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on information accompanying transfers of funds and repealing Regulation (EC) No 1781/2006 // Official Journal of the EU, № L 141, 05.06.2015, p. 1–18.
10. Regulation (EU) 2018/1672 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on controls on cash entering or leaving the Union and repealing Regulation (EC) 1889/2005 // Official Journal of the EU, № L 284, 12.11.2018, p. 6–21.

LEGAL MECHANISMS FOR COUNTERING TERRORISM FINANCING IN EUROPEAN UNION

Kotlyarov I.I.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Acts of terrorism of any kind constitute one of the most serious threats to peace and security, violating the universal human values such as equality, solidarity, enjoyment of human rights and fundamental freedoms, and undermining the principles of democracy and the rule of law. Terrorist groups receive funding from a wide range of sources and use illegal means to commit terrorist acts, to maintain and develop their activities. Countering terrorism financing is one of the main priorities of the current Security Union Strategy, which has focused the efforts of the EU institutions on strengthening this area and has led to a complete renewal of the EU legal framework for countering terrorism financing, which ensure the harmonization of national legislations of the EU member states. The article analyzes the current legal mechanisms for countering terrorism financing in the European Union with the identifying of the key aspects establishing a single regime for countering terrorism financing on the territory of the EU. New rules adapted to the specific threats, risks and vulnerabilities currently facing the EU member states, and take into account modern trends and technologies, which criminals use for the illegal movement of funds.

Keywords: countering terrorism financing, money laundering, European Banking Authority, European Union, financial interests of the EU, European law, AML/CFT.

References

1. Dolgov B.V. Terrorism in Europe: Causes, Practice and Global Aspect // Actual Problems of Europe. 2017. No. 4. P. 15–34.
2. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the regions: The European Agenda on Security // COM (2015) 185 final, Strasbourg, 28.04.2015.
3. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the EU, № C 202, 07.06.2016, p. 1–388.
4. Council of the EU. Draft Council Conclusions on the Renewed European Union Internal Security Strategy 2015–2020 // Council doc. 9798/15, Brussels, 10.06.2015.
5. Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing // Official Journal of the EU, № L 141, 05.06.2015, p. 73–117.
6. Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU // Official Journal № L 156, 19.06.2018, p. 43–74.
7. Directive (EU) 2019/1153 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 laying down rules facilitating the use of financial and other information for the prevention, detection, investigation or prosecution of certain criminal offences, and repealing Council Decision 2000/642/JHA // Official Journal of the EU, № L 186, 11.07.2019, p. 122–137.
8. Regulation (EU) 2019/2175 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2019 amending Regulation (EU) No 1093/2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority), Regulation (EU) No 1094/2010 establishing a European Supervisory Authority (European Insurance and Occupational Pensions Authority), Regulation (EU) No 1095/2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), Regulation (EU) No 600/2014 on markets in financial instruments, Regulation (EU) 2016/1011 on indices used as benchmarks in financial instruments and financial contracts or to measure the performance of investment funds, and Regulation (EU) 2015/847 on information accompanying transfers of funds // Official Journal of the EU, № L 334, 27.12.2019, p. 1–145.
9. Regulation (EU) 2015/847 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on information accompanying transfers of funds and repealing Regulation (EC) No 1781/2006 // Official Journal of the EU, № L 141, 05.06.2015, p. 1–18.
10. Regulation (EU) 2018/1672 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on controls on cash entering or leaving the Union and repealing Regulation (EC) 1889/2005 // Official Journal of the EU, № L 284, 12.11.2018, p. 6–21.

Кузнецов Леонид Дмитриевич,

кандидат юридических наук, профессор кафедры
административного права Московского университета МВД
России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: leonkuzn@mail.ru

В статье раскрыта актуальность изучения налоговых систем России и зарубежных стран. Названы имена ученых, проводивших ранее исследования налоговых систем России и зарубежных стран. Исследование в этом направлении в 2020 году, рамках Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, провёл кандидат юридических наук, профессор кафедры административного права Кузнецов Л.Д. Указаны сложности, с которыми сталкивались ученые в ходе своих исследований, а также задачи, которые решали они в ходе исследования налоговых систем России и зарубежных государств. Автор статьи обращает внимание на стремительное развитие интеграционных процессов. Они осуществляются при условии гармонизации налогообложения. Совершенствуется гармонизация налогового администрирования. Нарастает кооперация в борьбе с налоговыми преступлениями и уклонениями от уплаты налогов. Продолжается унификация налоговых систем различных стран мира. Таким образом, изучение слушателями налогового законодательства зарубежных стран становится必要ностью. В ходе занятий слушателям следует изучить особенности налогового регулирования, действие налогового законодательства во времени, в пространстве, выявить проблемы регулирования налоговых отношений, структуру налоговых систем и современные принципы налогообложения.

Ключевые слова: налоги, бюджет, налоговое законодательство зарубежных стран, принципы налогообложения, источники налогового права зарубежных государств, типы и модели налоговых систем, налоговая политика, гармонизация, унификация налоговых систем, сравнительный анализ, общие и отличительные черты налоговых систем, налоговое администрирование, ответственность налогоплательщиков, налоговые правонарушения.

В настоящее время с налогами неразрывно связана деятельность современных государств, так как в основном за счёт налогов формируется доходная часть бюджетов. Экономический уровень развития государств во многом зависит от состояния их налоговых систем.

В развитых странах мира налоговому законодательству придаётся большое значение, что позволяет глубоко изучать в этих странах своё национальное налоговое право и улучшать его, а также выявлять в названном праве различные юридико-технические приемы, наиболее подходящие для регулирования налоговых отношений в условиях рыночного хозяйства.

Изучение деятельности налоговых систем развитых стран мира позволяет слушателям определить уровень наполнения бюджетов за счёт налогов и сборов, а также приобрести навыки в этой области государственного управления.

Для России это особенно важно, с учетом особенностей её исторического развития. Научные исследования налогового права начали проводиться ещё в дореволюционный период. Налоговое право ранее преподавалось в учебных заведениях. Однако после октябрьских событий XX века и до перестроечных времен налоговому праву не отводилось должного внимания. Его не изучали в учебных заведениях СССР в период социалистического строя, так как в государстве не было частной собственности на средства производства, и соответственно не было необходимости в названном праве.

В современных условиях исследованию налоговых систем России и зарубежных стран уделяется должное внимание. Исследование проводили такие видные ученые как: Александров И.М., Князев В.Г., Козырин А.Н., Кучеров И.И., Пепеляев С.Г., Парыгина В.А., Тютюриков Н.Н., Черник Д.Г., Юткина Т.Ф. и другие. Ими выявлены особенности налоговых систем зарубежных стран и отдельные элементы налогообложения в этих странах.

В ходе научной работы ученые сталкивались со многими сложностями, а прежде всего с теми, что налоговое законодательство зарубежных стран изложено на разных языках и не всегда имело точный перевод на русский язык. Кроме того, ограничена публичная информированность о правовом регулировании налогообложения зарубежных стран. Тем не менее, исследования проводились и ныне проводятся, несмотря на имеющиеся трудности. Так, например, в 2020 году исследования налогового права России и зарубежных стран проводились на кафедре административного права Московского университета МВД России имени

В.Я. Кикотя. Особое внимание было уделено налоговым системам экономически развитых стран: США, Франции и Германии.

Теоретической основой исследования явились труды отечественных ученых, посвященные изучению налогового законодательства зарубежных стран, а также публикациям в зарубежной специальной литературе, периодических изданиях. Информационной базой исследования стали законы и подзаконные акты иностранных государств по налоговым вопросам. Результатом исследований является учебное пособие (курс лекций по налоговому праву зарубежных стран), под редакцией профессора кафедры административного права, кандидата юридических наук Кузнецова Л.Д. Актуальность его исследования обусловлена уже существующими проблемами в налоговом законодательстве и правоприменительной практикой предупреждения нарушений налогового законодательства.

В задачи исследования входило ознакомление слушателей с особенностями и основными тенденциями формирования и развития налогового права зарубежных стран, его источниками, организационно-правовыми основами налогового администрирования в указанных странах, в ознакомлении с общими и отличительными чертами налоговых систем России и зарубежных государств.

В основном содержании учебного пособия раскрыты теоретические основы формирования и развития налогового права зарубежных стран, принципы налогообложения, типы и модели налоговых систем, нормативно – правовые акты, регулирующие налоговые системы в зарубежных странах. Также раскрыта организация налогового администрирования, дана характеристика налоговых систем федеративных и унитарных государств.

Учебное пособие написано на основе действующего зарубежного налогового законодательства, трудов ученых в исследуемой области. В учебном пособии сделан анализ современных налоговых систем России и зарубежных стран. При проведении исследования использован сравнительный метод налоговых систем России и зарубежных стран. Детально раскрыты понятия и источники, структура и основные элементы налоговых систем федеративных, унитарных государств. Проведён краткий правовой анализ налоговых систем стран СНГ.

Учебное пособие предназначено для слушателей образовательных организаций, практических работников правоохранительных органов, чья деятельность связана с предупреждением правонарушений в различных сферах, в том числе миграционных и налоговых.

Мы знаем, что совместным приказом МВД России и ФНС России № ММ-7–2–347 от 30.06.2009 (ред. от 12.11.2013) «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению

и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» установлен порядок направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Налогового кодекса Российской Федерации. При выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, в отношении организации, физического лица, орган внутренних дел в десятидневный срок со дня выявления указанных обстоятельств направляет материалы в соответствующий налоговый орган для принятия по ним решения. Сведения, направляемые в налоговые органы, должны включать в себя документы, свидетельствующие о нарушениях законодательства о налогах и сборах. Указанные материалы направляются с сопроводительным письмом за подписью начальника (заместителя начальника) органа внутренних дел. В случае, если материалы, направленные органом внутренних дел в налоговый орган, свидетельствуют о нарушениях законодательства о налогах и сборах, влекущих уголовную ответственность, налоговый орган одновременно с уведомлением о принятом решении о назначении выездной налоговой проверки направляет в соответствующий орган внутренних дел запрос об участии в выездной (повторной выездной) налоговой проверке.

В современных условиях преступления стали носить комплексный характер, так как они затрагивают различные отрасли права (административное, уголовное, налоговое) и рассматриваются различными правовыми науками. Так, например, ныне налоговые правонарушения и преступления тесно стали связаны со злоупотреблениями и превышением должностных полномочий, коммерческим подкупом, мошенничеством, получением взятки и дачей взятки. При этом нарушается не только законодательство России, но и законодательство зарубежных стран.

Таким образом, сотрудникам правоохранительных органов следует изучать как налоговое законодательство России, так и налоговое законодательство зарубежных стран.

В настоящее время в России идёт стремительное развитие интеграционных процессов. На долю России приходится около 80% трудовых мигрантов из разных стран мира. Нам стали видны этапы и стадии международной экономической интеграции Европейского экономического сообщества. Интеграция осуществляется при условии гармонизации налогообложения. В рамках европейской интеграции с 2014 года идёт процесс гармонизации прямого и косвенного налогообложения, а также совершенствуется гармонизация налогового администрирования. Нарастает кооперация в борьбе с налоговыми преступлениями и уклонениями от уплаты налогов. Продолжается унификация налоговых систем различных стран мира.

В тоже время, в целях обеспечения свободного перемещения товаров и благоприятных условий торговли осуществляется экономическая интеграция стран Таможенного союза, в который входят: республики Беларусь, Казахстан и Россия. В этих условиях процесс гармонизации налогообложения России и зарубежных стран сводится к координации налоговой политики, развитию кооперации в сфере налогового администрирования и борьбы с налоговыми преступлениями, уклонениями от уплаты налогов, снижением издержек для государств и хозяйствующих субъектов.

Таким образом, изучение слушателями налогового законодательства зарубежных стран становится необходимостью. В ходе занятий слушателям следует изучить особенности налогового регулирования, действие налогового законодательства во времени, в пространстве, выявить проблемы регулирования налоговых отношений, структуру налоговых систем и современные принципы налогообложения. Также определить состав источников налогового права, характеристику налогов и сборов зарубежных стран, их классификацию. Путем сравнительного анализа определить права и обязанности налогоплательщиков и налоговых агентов, установить виды ответственности за совершение налоговых правонарушений и преступлений, провести анализ судебной практики по налоговым правонарушениям. Определить льготные режимы налогообложения. Исследовать отечественную и зарубежную литературу в сфере налогообложения.

Наконец, слушателям курса лекций по налоговому праву России и зарубежных стран надо научиться оперировать основными понятиями в сфере правового регулирования налогообложения в России и зарубежных странах.

Литература

1. Александров И.М. Налоги и налогообложение: Учебник / И.М. Александров. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», – 228 с.. 2009
2. Банхаева Ф.Х. Сравнительный анализ налоговых систем и его значение для совершенствования и реформирования налогового законодательства // Налоговый вестник. – 2011. – № 2. – С. 135–137; № 3. – С. 93–97.
3. Князев В.Г. Налоговые системы зарубежных стран: Учебник для вузов/ Под ред. Проф. В.Г. Князева, проф. Д.Г. Черника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997–191 с.
4. Козырин А.Н. Правовое регулирование налогообложения в зарубежных странах // Финансы. – 2013. – № 5. – С. 24–29
5. Мишустин М.В. Совершенствование налогового администрирования – фактор повышения эффективности работы налоговых органов// Финансы. – 2013. – № 6. – С. 27.
6. Кучеров И.И. Налоговое право зарубежных стран: курс лекций / – М.: ЮрИнфоР, 2003. – 373 с. – (Б-ка «ЮрИнфоР»). – ISBN5–89158–115–9.
7. Налоговые системы зарубежных стран / Под ред. В.Г. Князева, Д.Г. Черника М.; 2011 г.
8. Налоговые системы зарубежных стран, Бобоев М.Р., Мамбеталиев Н.Т., Тютюрюков Н.Н., Гелиос АРВ, 2012. – 621 с.
9. Парыгина В.А., Браун К., Дж. Масгрейв, Тедеев А.А. Налоги и налогообложение в России: учебник – М.: Эксмо, 2006. – 640 с.
10. Пепеляев С.Г. Налоговое право: Учебник / Под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Юрист, 2003. – 591 с
11. Попонина Н.А. Некоторые аспекты налогового планирования в развитых странах // Финансы. – 2010. – № 8. – С. 32–34.
12. Русакова И.Г., Кашин В.А. Налоги и налогообложение Учебное пособие: ЮНИТИ, 2010. С. 295
13. Тютюрюков Н.Н. Налоговые системы зарубежных стран: Европа и США: Учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2002. С. 63.
14. Шувалова Е.Б., Климовицкий В.В., Пузин А.М. «Налоговые системы зарубежных стран» учебно-практическое пособие, Москва 2010
15. Юткина Т.Ф. Налоги и налогообложение: Учебник для вузов. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 429с.

RELEVANCE OF STUDYING THE TAX SYSTEMS OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Kuznetsov L.D.

Moscow University of MVD Russia in the name of V.Y. Kikot

The article reveals the relevance of studying the tax systems of Russia and foreign countries. The names of scientists who previously conducted research on the tax systems of Russia and foreign countries are mentioned. Research in this direction in the year 2020, the framework of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot, held a PhD in law, Professor of administrative law, Kuznetsov L.D. Indicated the difficulty faced by scientists in the course of my research and also tasks that were they in the study of tax systems of Russia and foreign countries. The author of the article draws attention to the rapid development of integration processes. They are implemented subject to tax harmonization. Harmonization of tax administration is being improved. Cooperation is growing in the fight against tax crimes and tax evasion. The unification of tax systems in various countries of the world continues. Thus, it becomes necessary for students to study the tax legislation of foreign countries. In the course of classes, students should study the features of tax regulation, the effect of tax legislation in time and space, identify the problems of regulating tax relations, the structure of tax systems and modern principles of taxation.

Keywords: taxes, budget, tax legislation of foreign countries, principles of taxation, sources of tax law of foreign countries, types and models of tax systems, tax policy, harmonization, unification of tax systems, comparative analysis, General and distinctive features of tax systems, tax administration, taxpayer liability, tax offenses.

References

1. Aleksandrov IM Taxes and taxation: Textbook / IM Aleksandrov. – 10th ed., Rev. and add. – M.: Publishing and trade corporation «Dashkov and K^o», – 228 p. 2009
2. Banhaeva F. Kh. Comparative analysis of tax systems and its importance for improving and reforming tax legislation // Tax Bulletin. – 2011. – No. 2. – S. 135–137; No. 3. – S. 93–97.

3. Knyazev V.G. Tax systems of foreign countries: Textbook for universities / Ed. Prof. V.G. Knyazeva, prof. D.G. Blueberries. – 2nd ed., Rev. And add. – M.: Law and law, UNITI, 1997–191 p.
4. Kozyrin A.N. Legal regulation of taxation in foreign countries // Finance. – 2013. – No. 5. – P. 24–29
5. Mishustin M.V. Improving tax administration – a factor in increasing the efficiency of tax authorities // Finance. – 2013. – No. 6. – P. 27.
6. Kucherov I.I. Tax law of foreign countries: a course of lectures / – M.: YurInfoR, 2003. – 373 p. – (B-ka «YurInfoR»). – IS-BN5–89158–115–9.
7. Tax systems of foreign countries / Ed. V.G. Knyazeva, D.G. Blueberry M.; 2011 r.
8. Tax systems of foreign countries, Boboev M.R., Mambetaliev N.T., Tyutyuryukov N.N., Helios ARV, 2012. – 621 p.
9. Parygina V.A., Brown K., J. Musgrave, Tedeev A.A. Taxes and taxation in Russia: textbook – M.: Eksmo, 2006. – 640 p.
10. Pepeliaev S.G. Tax Law: Textbook / Ed. S.G. Pepeliaeva. – M.: Jurist, 2003. – 591 s
11. Poponova N.A. Some aspects of tax planning in developed countries // Finance. – 2010. – No. 8. – S. 32–34.
12. Rusakova I.G., Kashin V.A. Taxes and taxation Study guide: UNITI, 2010. Page 295
13. Tyutyurikov N.N. Tax Systems of Foreign Countries: Europe and the USA: Textbook. – M.: Publishing and trading corporation «Dashkov and K», 2002. P. 63.
14. Shuvalova E.B., Klimovitsky V.V., Puzin A.M. «Tax systems of foreign countries» training manual, Moscow 2010.
15. Yutkina T.F. Taxes and Taxation: Textbook for Universities. – M.: INFRA-M, 2010. – 429 p.

Правовая система Монголии: сравнительно-правовой аспект

Пинчук Антон Павлович,

магистрант юридического института Алтайского государственного университета
E-mail: gos.2207@mail.ru

Тимофеев Евгений Игоревич,

магистрант юридического института Алтайского государственного университета
E-mail: evgen_timofeev_97@mail.ru

Решетников Глеб Евгеньевич,

магистрант юридического института Алтайского государственного университета
E-mail: nataparina1970@yandex.ru

Стародубцева Мария Александровна,

магистрант юридического института Алтайского государственного университета
E-mail: Starodubzewa@gmail.com

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу систем права двух государств – Монголии и Российской Федерации. Авторы проводят исследование материальных и процессуальных отраслей монгольского права – конституционного, уголовно-процессуального, уголовного и гражданского права, в том числе в контексте их сравнения с российскими отраслями права. Отдельное внимание в рамках всеобщей глобализации уделяется международному праву и его роли в национальной правовой системе Монголии. Выделены особенности отдельных институтов обозначенных отраслей права Монголии в соотношении с российским правом. На основе проведенного сравнительного анализа авторы приходят к выводу о принадлежности Монголии к романо-германской правовой семье, а также о влиянии западных стран на становление правовой системы Монголии. При этом авторы отмечают отдельные особенности регулирования общественных отношений и реализации правовых институтов на территории Монголии, которые отражают особый национальный уклад построения социальных отношений в государстве, опосредуемый историческими и территориальными особенностями.

Ключевые слова: конституционное право Монголии, соотношение национального и международного права, уголовно-процессуальное право Монголии, уголовное право Монголии, гражданское право Монголии, правовая семья, романо-германская правовая семья, дальневосточная правовая семья, традиционное право, обычное право.

Монголия имеет достаточно сложный генезис своей правовой системы, что обусловлено ее историей. Так, в развитии данного государства имеются периоды как могущества и расцвета, так и распада. История права неразрывна с историей государственности, и в процессе эволюционного развития менялись цели, содержание и формы монгольского права [1]. Однако, как отмечается многими авторами, в зависимости от формы государственности, наличия суверенитета страны правопреемственность теряла свою непрерывность.

Политико-государственное развитие Монголии в последние десятилетия схоже с отечественным – идентично был пройден социалистический этап государственного строительства, также в 1990-е годы были произведены демократические изменения (многопартийность, рыночная экономика и т.п.).

Характеризуя правовую систему Монголии можно согласиться с позицией А.В. Юрковского, который отмечает, что современная правовая система Монголии создана искусственно, начиная с победы Народной революции 1921 г., имевшая в качестве образца для подражания правовую систему СССР [2]. Однако на сегодняшний день с распадом СССР произошел переход от марксистско-ленинской социалистической системы к либерально-демократической. Новая Конституция 1992 г. основана на принципах демократии, разделения властей, приоритета прав человека, многообразии форм собственности, а также построения гражданского общества.

Подробнее рассмотреть правовую систему можно путём углубления в её частный элемент – систему права. В данном контексте необходимо обратить внимание на ключевые аспекты построения материальных и процессуальных отраслей права Монголии. Исходя из особенностей исторического развития и взаимосвязи правовых систем монгольского и российского права, рассмотреть данные особенности следует в контексте сопоставления с российским законодательством.

Начиная сравнительный анализ, обратимся к ведущим отраслям обеих систем права. Конституция Монголии такая же народная, как и Конституция РФ: имеет очень схожую преамбулу, закрепляет демократическую, республиканскую, суверенную характеристику монгольского государства. Более того, посмотрев на дату принятия Конституции Монголии можно разглядеть сходство – приняты конституции двух государств разницей в один год. И можно было бы утверждать, что Конституция Монголии взяла всё лучшее с Конституции России (как в случае с Конституцией 1924 г.), но позже была принята именно Конституция Рос-

сийской Федерации – в 1993 г. Что же касается отличий?

Во-первых, это отличия в структуре. Конституция Монголии меньше по объёму Конституции РФ. Она состоит из 70 статей и 6 глав (Конституция РФ – 137 статей и 9 глав соответственно) [3]. Первая глава – «Суверенитет Монголии» именуется иначе, чем Глава 1 нашей Конституции «Основы конституционного строя». Вероятно, это продиктовано сложной судьбой монгольского народа, долгое время находившегося под властью Империи Цин, потом в составе социалистического лагеря, и в 1990 г. добившегося демократического характера своего государства. Однако по своему содержанию данная глава содержит те положения, которые можно назвать основами конституционного строя. Но не только в этом различия.

Монголия является унитарным государством, состоящим из административно-территориальных единиц, что не предполагает двухуровневой системы власти. Статья 6 (ей соответствует статья 9 Конституции РФ) много внимания уделяет земельным отношениям. Это, по нашему мнению, также можно увязать с историей Монголии как кочевого народа, который дошел в своём развитии до оседлого образа жизни. Земля у таких государств – особая ценность, во многом основа экономики.

Географические и исторические условия развития Монгольского государства определили особый уклад хозяйствования. Важную роль в экономической жизни страны играет скотоводство. Исходя из этого, согласно ч. 5 ст. 5 Конституции Монголии скот признан национальным достоянием, охраняемым государством.

Глава 2 «Права и свободы человека» имеет название отличное от Главы 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина» [4]. Вероятно, это несовершенство разработки Конституции, поскольку ряд политических прав доступен лишь для граждан государства. Данная глава, в отличие от Конституции РФ, весьма лаконична, – она закрепляет в себе лишь 6 статей. Такое различие в количестве можно охарактеризовать особенностью юридической техники монгольских правоведов. Правам человека в монгольской Конституции уделена одна статья (ст. 16), где они все и перечислены. Такая же ситуация с обязанностями (ст. 17). Остальные статьи данной главы носят обслуживающе-оговорочный характер.

Глава 3 Конституции Монголии объединяет в себе большинство статей (ст. 20–56). Она включает в себя такие положения, которым в российской Конституции уделено несколько глав: «Великий государственный хурал» (в РФ – Глава 5 «Федеральное собрание»), «Президент» (в РФ – Глава 4 «Президент РФ»), «Правительство Монголии» (в РФ – Глава 6 «Правительство РФ») и «Судебная власть» (в РФ – Глава 7 «Судебная власть и прокуратура»). Среди положений данных глав нетрудно найти отличающиеся от корреспондирующих им положений Конституции РФ (например, однопалатный представительный орган, более высокое

положение Председателя Великого Государственного Хурала по отношению к Премьер-министру и др.).

Несмотря на унитарное государственное устройство Монголии в Конституции административно-территориальным единицам уделена отдельная Глава 4 «Административно-территориальные единицы Монголии и их управление».

Остановившись на структуре, проследим ещё одно важное отличие – отдельная Глава в Конституции Монголии уделена Конституционному Суду Монголии. В России Конституционный Суд имеет свою правовую основу в общей Главе 7 и в отдельном Федеральном конституционном законе. Глава 6 «Поправки и изменение Конституции Монголии» корреспондирует Главе 9 Конституции РФ «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Весьма интересны положения данной главы, предусматривающее возможность инициативы по поправкам в Конституцию через Конституционный Суд Монголии. Стоит отметить, что в Конституции не говорится о более высокой юридической силе Глав 1 и 2, как, например, это сделано в Российской Федерации, а порядок внесения изменений в Конституцию для всех глав одинаковый. Главы, посвящённой местному самоуправлению в Конституции Монголии нет, однако в ней упоминается об органах местного самоуправления и их самостоятельности в решении некоторых вопросов.

Интересен вопрос о взаимосвязи международного права и права Монголии. Так, взаимосвязь положений международного права и права Монголии закреплена в ст. 10 Конституции, которая содержит несколько принципиальных моментов.

Ч. 2 ст. 10 Конституции Монголии содержит положение о добросовестном исполнении Монголией принятых международным договором обязательств. В данном случае в нормах основного закона страны не усматривается зависимость исполнения положений международного договора, в случае если другая сторона его не исполняет. Полагаем, что это было сделано умышленно, дабы показать «новую» страну как добропорядочную сторону в договорных отношениях.

Далее, международные договоры Монголии с момента вступления закона в силу о ратификации или присоединении имеют ту же силу, что и внутреннее законодательство. В этих положениях закрепляется необходимость ратификации норм международного права, аналогичную конструкцию использует и Российская Федерация при включении международного договора в российскую правовую систему. Данная процедура исключает безразмерное использование норм международного права во внутренней правовой системе.

Интересной в этой связи является и ч. 4 ст. 10 Конституции Монголии: «Монголия не соблюдает международный договор и другие документы, противоречащие своей Конституции». Б.С. Семенов, Э.Л. Раднаева отмечают, что данная статья имеет гибкий характер. Например, на практике действие этой статьи ограничивается в отношении фунда-

ментальных, основных договоров, пактов, а также других международно-правовых документов, таких как Международный билль о правах человека, Международная конвенция против пыток, конвенция по правам женщин и детей, и других договоров и конвенций по правам человека, основных документов Всемирной торговой организации, Международной организации труда, Всемирной организации здравоохранения [5].

Полагаем, что не совсем уместно говорить о гибкости данной нормы. Фундаментальные и основные акты, о которых идет речь они уже заложены в нормы Конституции Монголии, что в принципе исключает их противоречия. Однако это свидетельствует о самостоятельности конституционных положений Монголии, в отличие от ряда европейских стран, которые в определенных случаях отдают приоритет международным актам перед внутрисударственными.

Конституция Монголии наделяет Конституционный Суд Монголии особыми полномочиями в отношении норм международного права. В соответствии с ч. 2 ст. 66 Конституции, ч. 4 ст. 8 Закона о Конституционном Суде Монголии, данный орган имеет право рассматривать споры, касающиеся международных договоров. В компетенцию Конституционного Суда Монголии входит право признания недействительными международных договоров, несоответствующих Конституции.

В тоже время ст. 27 Венской Конвенции о международных договорах, указывает, что «неисполнение международных договоров на основании несоответствия этих договоров внутреннему праву не является основанием для неисполнения международных договоров» [6]. Думается, что в данном случае уместно использовать аналогичную аргументацию этого полномочия, при которой не затрагиваются фундаментальной нормы международного права, а лишь могут оспаривать международные договоры, которые не соответствуют конституции Монголии, либо притесняют ее государственный суверенитет.

Интересен момент и о конкретном применении норм международного права судами Монголии. Можно отметить, что суды РФ зачастую избегают норм международного права при осуществлении правосудия. В Монголии, на сегодняшний день, аналогичная ситуация. Это возможно объяснить чрезмерной рабочей нагрузкой, нерешенными кадрами, финансовыми, материально-техническими проблемами, недостаточной квалификацией судебных работников [7]. Более того, нормы национального права выигрывают в том, что они более знакомы правоохранительным органам, подкреплены мерами государственного принуждения, более подробно регламентированы и, что самое важное, тесно связаны с национальными правовыми традициями, культурой и социально-экономическими реалиями.

Теперь обратимся к уголовному праву Монголии. Закон об уголовном судопроизводстве, принятый 10 января 2002 года обеспечивает норма-

тивную базу, в рамках которой проводятся уголовные расследования и ведется уголовное судопроизводство.

В Уголовном кодексе, принятом 3 января 2002 года, преступления подразделяются на четыре вида в соответствии с их тяжестью и введенными санкциями: 1) незначительные; 2) менее тяжкие; 3) тяжкие; и 4) крайне тяжкие [8].

На данный момент есть несколько проектов реформы уголовного права в Монголии. Рассмотрим один из них подробнее.

Уголовный кодекс в его нынешнем виде в основном касается защиты от преступного посягательства. Новый проект Кодекса от 2015 года призван отразить направления и принципы, заложенные в плане действий правительства Монголии на 2012–2016 гг., принятом 37-м постановлением парламента. В этой резолюции предлагается создать уголовно-правовую систему, которая была бы превентивной и способной привлечь соответствующие стороны к ответственности, отвечала бы ценностям и принципам демократического общества и, что самое важное, играла бы решающую роль в развитии Монголии. Что касается наказания, то оно гласит, что наказание должно быть четким, эффективным и предусматривать широкие дискреционные полномочия.

Следовательно, для Монголии это новый шаг к тому, чтобы сделать профилактику главной целью своей деятельности [9].

В действующем Уголовном кодексе используется материально обоснованное определение признаков преступления. Иными словами, если ущерб причинен в результате какого-либо действия, то он считается преступлением, т.е. ущерб должен быть причинен для того, чтобы любое деяние считалось преступным деянием. Однако, если ущерб не достигает установленного законом порогового значения для причинения ущерба, то это не считается преступлением или преступным деянием.

Таким образом, для этих видов действий применимо еще одно правило. Эти требования создают неоднозначную основу для квалификации преступлений. Для решения этой проблемы в проекте Кодекса определены четкие действия и деяния, которые должны считаться преступными деяниями. Например, кража в настоящее время характеризуется как преступление независимо от уровня.

В действующем Уголовном кодексе не проводится никакого различия между преступлением и правонарушением. Проект Кодекса исправляет это положение, проводя различие между преступлениями и правонарушениями. Правонарушения не считаются преступлением в рамках проекта Кодекса. Следовательно, внесение законопроекта о правонарушениях одновременно в парламент является соответствующим шагом. Согласно этому изменению, преступления отличаются от правонарушений не уровнем ущерба, а характером, способом и формой самого деяния.

Принцип ненаказуемости дважды за одно преступление, который является международно при-

знанной идеей, был сформулирован в Уголовном кодексе на основе принципов законности и справедливости. Соответственно, виновный подлежит уголовной ответственности только один раз, и применение Уголовного кодекса по аналогии запрещено [9].

Интересный момент заключается в том, что впервые юридическое лицо может быть признано субъектом преступления, и в отношении юридических лиц могут быть применены такие меры наказания и уголовная ответственность, как «штраф, лишение прав, ликвидация юридического лица». Таким образом, Монголия теперь может выполнять свои обязательства по Конвенции о транснациональной организованной преступности и другим соответствующим международным договорам и конвенциям, участником которых является страна.

Как уже отмечалось выше, в действующем Кодексе преступления классифицируются как незначительные, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. Проект Кодекса заменил старую классификацию на незначительное (мелкое правонарушение) и тяжкое (тяжкое уголовное преступление) в зависимости от срока лишения свободы. Хотя, здесь важно отметить, что, по мнению ученых-правоведов и исследователей, более уместно не делать этого.

В Монголии судебная практика свидетельствует о том, что ущерб, причиненный преступным деянием, является сложным вопросом. Основная проблема здесь заключается в том, что суд назначает наказание независимо от того, был ли возмещен ущерб. Для решения этой проблемы в проекте кодекса содержится требование о возмещении ущерба. Если виновное лицо возмещает ущерб потерпевшей стороне, то оно имеет возможность смягчить свою уголовную ответственность, может быть освобождено от тюремного заключения, может быть освобождено от уголовной ответственности и т.д. В проект Кодекса включены самые разнообразные возможности. Поэтому закон о компенсационном фонде для потерпевших должен быть введен после принятия проекта Уголовного кодекса для того, чтобы урегулировать вопросы, связанные с возмещением ущерба, причиненного в результате преступного деяния [9].

Переходя к рассмотрению особенностей гражданского законодательства РФ и Монголии, необходимо отметить, что принципы построения отрасли гражданского права в обоих государствах во многом совпадают. Оно основывается, в частности, на признании равенства участников данных отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела.

Остановимся на некоторых примечательных особенностях гражданского законодательства Монголии. Обращает на себя внимание характер построения системы норм. В этом ключе можно заметить в гражданском законодательстве нормы, привычно свойственные таким отраслям как гражданское процессуальное или уголовное право.

В первом случае можно привести в пример п. 3.1 ст. 3 Гражданского Закона Монголии (Далее – ГЗ Монголии), устанавливающий, что суд не применяет законы, нарушающие Конституцию [10]. В то же время данные вопросы в российском законодательстве регламентируются, в частности, ч.ч. 1–2 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Во втором случае интересна детальная регламентация института самозащиты, так, в соответствии со ст. 12 ГЗ Монголии «в случаях невозможности оперативно получить помощь компетентных органов и реализации своих прав без принятия неотложных мер или при возникновении серьезных препятствий для реализации своих прав, участник гражданских правоотношений, защищая свои права и законные интересы, может в целях самозащиты и применительно к обстановке осуществлять захват, уничтожение или порчу имущества, задерживать исполнителя, могущего бежать, пресекать действия направленные против правомочных действий ответственных лиц. Все эти действия не будут считаться незаконными».

Своим содержанием данная статья уходит в регламентацию таких институтов права как необходимая оборона (ст. 37 УК РФ, ст. 1066 ГК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ, ст. 1067 ГК РФ) и задержание лица, совершившего преступления (ст. 38 УК РФ, не содержит специальной регламентации на уровне ГК РФ).

Обращает на себя внимание также указание на условие реализации права на самозащиту – невозможность оперативно получить помощь компетентных органов. Данное указание не закреплено в законодательстве РФ. Данная особенность монгольского права может быть также обоснована территориальными и социальными особенностями Монгольского государства, в частности, низкой плотностью населения и реализацией в указанных условиях своей компетенции органами публичной власти.

Стоит отметить, что ряд норм гражданского законодательства Монголии, имеет менее развернутую структуру при регламентации тех или иных правовых институтов, чем это можно увидеть в российском праве. Можно привести в пример статьи, посвященные объектам гражданских прав – ст. 6 ГЗ Монголии и ст. 128 ГК РФ (в российском праве приводится более детальная классификация объектов гражданских прав), или нормы о законных наследниках – ст. 520 ГЗ Монголии и ст.ст. 1142–1145 (широкая классификация наследников по очередям).

Продолжая анализ российской и монгольской систем права, перейдем к процессуальным отраслям. В этой связи остановимся на отрасли уголовно-процессуального права. Как и в Конституции РФ, в Конституции Монголии можно проследить нормы, являющиеся фундаментальными для уголовного судопроизводства данной страны. Так, ст. 14 закрепляет равенство всех перед законом и судом (общеправовой принцип), ст. 16 – право

на личную свободу и неприкосновенность в части запрета на необоснованный обыск, арест, пытки, заключение под стражу и т.д., а также право не давать показания против себя и своих близких, право на защиту адвоката, презумпцию невиновности.

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (далее – УПК Монголии) был принят 10 января 2002 г. и вступил в силу с 1 сентября 2002 г. [11] Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) принят 18 декабря 2001 г. и вступил в силу 1 июля 2002 г. [12]. Как и в случае с Конституциями двух государств, их уголовно-процессуальные законы приняты примерно в одно время. Интересен также тот факт, что УПК Монголии вступил в силу в один день с новым Уголовным кодексом Монголии.

В общем и целом, необходимо отметить, что уголовный процесс Монголии отвечает стандартам международного сообщества. Выше уже указывалось, что Монголия является членом различных международных организаций. Уголовно-процессуальное право как отрасль, непосредственно связанная с правами человека, включает в перечень своих источников международно-правовые нормы, что показывает его схожесть с уголовным процессом России. В науке также делается вывод о смешанном типе уголовного процесса Монголии – комбинации обвинительного и состязательного процесса. В данном случае монгольский уголовный процесс также схож с процессом России, поскольку большинством учёных российское уголовное судопроизводство относится к смешанному типу уголовного процесса, что проявляется во многом негласном досудебном производстве (розыскной тип), и состязательном судебном. Однако имеются и некоторые отличия с точки зрения понятийного аппарата, институтов и стадий.

Во-первых, различается характер проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела. УПК Монголии содержит право следователя или дознавателя производить следующие отличные от УПК РФ проверочные действия: проверять документы для установления личности человека; опечатывать помещения, имущество, активы или финансовые средства коммерческих структур, организаций и граждан; налагать временный арест на транспортные средства, товары или финансовые средства; устанавливать контроль за входом и выходом из помещений и территорий и др. Полагаем, что данные действия, могли бы иметь полезность для уголовного процесса России.

Срок проверки сообщения о преступлении по УПК Монголии 5 суток и 14 суток в случае продления. Сроки следствия в УПК обоих государств схожи, а вот сроки дознания разные: 21 сутки по УПК Монголии и 30 суток по УПК РФ. Как отмечает Цэнд Мунхаатар, действующий уголовно-процессуальный закон до недавнего времени позволял вести проверку сообщения о преступлении в течение многих месяцев за счет неоднократного

возвращения прокурором материалов для дополнительных проверок (ч. 3 ст. 173, ч. 2 ст. 175 УПК Монголии) [13]. Сегодня такая возможность отсутствует. Однако в УПК РФ до сих пор проверка может вестись год и даже дольше (с соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства).

Ещё одно немаловажное отличие в статусе результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовных процессах двух исследуемых стран. Ч. 3 ст. 79 УПК Монголии устанавливает: по уголовному делу фактические данные, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, могут быть оценены в качестве доказательности при условии, что они выполнены с разрешения прокурора в соответствии с законом. В науке дополняют это положение: факты, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, могут быть оценены в качестве доказательств и приобщены к материалам уголовного дела при условии, что они получены в соответствии с положениями Закона «Об оперативно-розыскной деятельности Монголии». Российский же уголовно-процессуальный закон в ст. 89 устанавливает: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

Так, при анализе данных норм можно сделать следующий вывод. Согласно УПК Монголии результаты оперативно-розыскной деятельности доказательствами не являются, но могут оценены в их качестве при соблюдении законодательства об оперативно-розыскной деятельности. В УПК РФ, наоборот, результаты оперативно-розыскной деятельности приобретают статус доказательства, но в случае соответствия именно УПК РФ.

Имеются различия и в стадиях. В России досудебное производство представляют 2 стадии: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. В уголовном процессе Монголии досудебное производство состоит из 5 этапов: проверка сообщения о преступлении, возбуждение дела (предварительное дознание), возбуждение уголовного дела, предварительное следствие и прокурорский надзор.

А.Э. Жалинский и А.Н. Мяханова делают вывод о соответствии уголовно-процессуального права Монголии континентальной правовой системе, что подтверждает наше умозаключение об отнесении Монголии к романо-германской правовой семье [14].

Подводя итог, отметим – из анализа правовой системы монгольского государства на примере нескольких кодифицированных нормативно-правовых актов можно сделать следующий вывод. Несмотря на отнесение некоторыми авторами к правовой семье традиционного (обычного) права (её дальневосточной группе), Монголия является страной романо-германской правовой семьи. Об этом свидетельствует господствующий

щее положение нормативно-правового акта в её правовой системе. О верховенстве закона напрямую говорится в Конституции, которая даже выше по юридической силе норм международного права. Обычай в Монголии не является основным источником. На сегодняшний день обычай как источник права в Монголии потерял свою значимость в регулировании общественных отношений. Во многом это обосновано тем, что доминирование обычая может быть продиктовано только следованием опыту (практике) социально-нормативного регулирования предшествующих поколений, но Монголия за последние 100 лет пережила две революции (народную и демократическую), каждая из которых имела одной из своих целей избавиться от неугодного государственного строя, в частности, с его нормативной системой.

В то же время можно говорить о наличии особенностей системы права Монголии, которые не свойственны странам, обычно относимым к данной правовой семье, и которые определяют характер регулирования общественных отношений нормами права и их реализации. Представляет интерес кажущаяся недоурегулированность общественных отношений правовыми актами, поверхностность используемых формулировок, менее детальная разработка отдельных институтов, что открывает дорогу для реализации обычаев.

Конституционное право Монголии отчасти заимствовано у западных стран, в которых преобладающее значение имеют права человека. В то же время в нем сохранены исторические и национальные особенности. В контексте сравнения с Конституцией России мы нашли много общего, что не вызвано заимствованием содержания данных актов друг у друга. Тем не менее, имеются и отличия, продиктованные государственно-территориальным устройством данных государств и особенностями национального уклада.

В вопросе соотношения национального и международного права Монголия попыталась установить баланс между преобладанием одного над другим. Необходимо в этой связи отметить положения Конституции Монголии, отразившие механизмы защиты государственного суверенитета и самостоятельности правовой системы от чрезмерного вмешательства со стороны международного сообщества.

Также были рассмотрены другие нормативно-правовые акты, представляющие ту или иную отрасль права, на основе анализа которых можно сделать вывод о наличии специфики их содержания. При этом анализ кодексов Монголии подтверждает наш тезис о принадлежности монгольской правовой системы к континентальной правовой семье.

Таким образом, необходимо прийти к выводу, что право Монголии на сегодняшний день полностью не сформировано и находится на пути реформирования, о чем, например, свидетельствуют

многочисленные изменения в уголовном праве, включая принятие нового Уголовного Кодекса Монголии в 2015 году.

Литература

1. Оюунчимэг Тамжид Генезис правовой системы Монголии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 4. С. 80–83.
2. Юрковский А.В. К вопросу правовой системы Монголии // История государства и права. – 2008. – № 22. С. 36–37.
3. Конституция Монголии. Улан-Батор, 1992. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legislationline.org/download/id/5800/file/Mongolia_Constitution_1992_ru.pdf
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
5. Семенов Б.С., Раднаева Э.Л. Проблемы имплементации норм международного права в правовую систему Монголии // Вестник БГУ. – 2011. – № 2. С. 220–224.
6. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986 г.) [Электронный ресурс] / СПС «Гарант» / URL: <http://base.garant.ru/>
7. Тогтох Уранцэцэг, Дагангаров С.В. Конституционно-правовое обеспечение независимости правосудия в Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 2. Экономика. Право. Улан-Удэ. 2010.
8. Гантомор Г. Новый уголовный кодекс Республики Монголия 2002 г. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 4 (32), 2006.
9. CRIMINAL LAW REFORM IN MONGOLIA. Batbayar. E.(Ph.D), Associate Professor. 2015. [Электронный ресурс] – URL: <http://chinggislaw.com/?p=6294&lang=en>
10. Гражданский закон Монголии Ч. 1 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.mongolnow.com/grazhdanskiy-zakon-mongolii/>
11. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bs.ru/content/page/13364/ugolovnii-kodeks.docx>
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ в ред. от 31.07.2020 г. // Российская газета. – № 249. – 2001.
13. Цэнд Мунхбаатар Процессуальные сроки возбуждения уголовного дела по УПК Монголии // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. С. 155–160.
14. Жалинский А.Э., Мяханова А.Н. Сравнительно-правовое исследование УПК Монголии и УПК РФ // Вестник БГУ. – 2011. – № 2. С. 255–259.

LEGAL SYSTEM OF MONGOLIA: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Pinchuk A.P., Timofeev E.I., Reshetnikov G.E., Starodubtseva M.A.

Altai State University

The article is devoted to the comparative legal analysis of the legal systems of two states – Mongolia and the Russian Federation. The authors conduct studying the material and procedural branches of Mongolian law – constitutional, criminal procedure, criminal and civil law, including in the context of their comparison with Russian branches of law. Special attention in the framework of general globalization is paid to international law and its role in the national legal system of Mongolia. The features of individual institutions of the designated branches of Mongolian law in relation to Russian law are highlighted. On the basis of the comparative analysis, the authors come to the conclusion that Mongolia belongs to the Romano-Germanic legal family, as well as the influence of Western countries on the formation of the Mongolian legal system. At the same time, the authors note certain features of public relations regulation and implementation of legal institutions on the territory of Mongolia, which reflect the special national way of building social relations in the state, mediated by historical and territorial characteristics.

Keywords: constitutional law of Mongolia, correlation of national and international law, criminal procedure law of Mongolia, criminal law of Mongolia, civil law of Mongolia, legal family, Romano-Germanic legal family, Far Eastern legal family, traditional law, customary law.

References

1. Oyunchimeg Tamzhid. Genesis of the legal system of Mongolia // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2007. – No. 4. P. 80–83.
2. Yurkovskiy A.V. On the issue of the legal system of Mongolia // History of State and Law. – 2008. – No. 22. P. 36–37.
3. Constitution of Mongolia. Ulan Bator, 1992. [Electronic resource]. – URL: <https://www.legislationline.org/download/id/5800/file>
4. The Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993 (with changes approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Collected Legislation. – 2020. – No. 31. – Art. 4398.
5. Semenov B.S., Radnaeva E.L. Problems of the implementation of international law norms in the legal system of Mongolia // Vestnik of BSU. – 2011. – No. 2. P. 220–224.
6. Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations (Vienna, March 21, 1986) [Electronic resource] / Garant / URL: <http://base.garant.ru/>
7. Togtokh Urantsetseg, Dagangarov S.V. Constitutional and legal support for the independence of justice in Mongolia // Vestnik of the Buryat State University. Issue 2. Economy. Right. Ulan-Ude. 2010.
8. Gantomor G. New Criminal Code of the Republic of Mongolia 2002. Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 4 (32), 2006.
9. CRIMINAL LAW REFORM IN MONGOLIA. Batbayar. E, (Ph.D), Associate Professor. 2015. [Electronic resource] – URL: <http://chinggislaw.com/?p=6294&lang=en>
10. Civil Law of Mongolia Part 1 [Electronic resource] – URL: <http://www.mongolnow.com/grazhdanskiy-zakon-mongolii/>
11. Criminal Procedure Code of Mongolia [Electronic resource]. – URL: <http://www.bsu.ru/content/page/13364/ugolovnii-kodeks>
12. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ as amended. from 07/31/2020 // Russian newspaper. – No. 249. – 2001.
13. Tsend Munhbaatar Procedural terms for initiating a criminal case under the CPC of Mongolia // Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – No. 9. P. 155–160.
14. Zhalinsky A.E., Myakhanova A.N. Comparative legal research of the Criminal Procedure Code of Mongolia and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Vestnik of BSU. – 2011. – No. 2. P. 255–259.